

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам РАН
(ИНИОН РАН)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1998 г.
Выходит 4 раза в год

№3 (51)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Составитель выпуска –
О.Н. Пряжникова

**МОСКВА
2022**

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Отдел экономики

Редакция

Главный редактор: М.А. Положихина – канд. геогр. наук
Заместитель главного редактора: Е.А. Пехтерева – канд. экон. наук
Ответственный секретарь: Н.А. Коровникова – канд. полит. наук

Редакционная коллегия: М.Л. Горбунова – д-р экон. наук (ННГУ им. Н.И. Лобачевского), Д.В. Ефременко – д-р полит. наук (ИНИОН РАН), И.Ю. Жилина – канд. истор. наук (ИНИОН РАН), М.В. Клинова – д-р экон. наук (ИМЭМО РАН), Н.П. Кононкова – д-р экон. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова), К.Б. Костин – д-р экон. наук (СПбГЭУ), Н.А. Макашева – д-р экон. наук (НИУ ВШЭ), А.А. Мальцев – д-р экон. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова), Г.В. Семеко – канд. экон. наук (ИНИОН РАН), С.Н. Смирнов – д-р экон. наук (НИУ ВШЭ), О.В. Толстогузов – д-р экон. наук (Институт экономики КарНЦ РАН).

Редакционный совет: А.В. Кузнецов – чл.-корр. РАН, д-р экон. наук (ИНИОН РАН), председатель, В.С. Автономов – чл.-корр. РАН, д-р экон. наук (НИУ ВШЭ), А.С. Булатов – д-р экон. наук (МГИМО МИД России), М.Ю. Головнин – чл.-корр. РАН, д-р экон. наук (ИЭ РАН), В.Б. Кондратьев – д-р экон. наук (ИМЭМО РАН), А.М. Либман – д-р экон. наук (Свободный университет Берлина, Германия), К. Лиухто – д-р экон. наук (директор Панъевропейского института Школы экономики Турку, Финляндия), С.Ф. Сутьрин – д-р экон. наук (СПбГУ), С.Л. Ткаченко – д-р экон. наук (СПбГУ), А.Н. Швецов – д-р экон. наук (ФИЦ ИУ РАН).

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

DOI: 10.31249/espr/2022.03.00
ISSN 1998–1791

© ФГБУН Институт научной информации
по общественным наукам РАН, 2022

RUSSIAN
ACADEMY
OF SCIENCES

MINISTRY OF SCIENCE AND
HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION

Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)

ECONOMIC
AND SOCIAL
PROBLEMS
OF RUSSIA

SCIENTIFIC JOURNAL

Published since 1998
4 issues per year

N3 (51)

**PROBLEMS AND PROSPECTS
FOR THE DEVELOPMENT
OF THE NON-PROFIT SECTOR
IN RUSSIA AND ABROAD**

Issue editor –
O.N. Pryazhnikova

**MOSCOW
2022**

Founder
Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
Department of Economics

Editorials

Editor-in-chief: M. Polozhikhina – PhD in Geog. Sci. (INION RAN, Russia)

Deputy editor-in-chief: E. Pekhtereva – PhD in Econ. Sci. (INION RAN, Russia)

Executive secretary: N. Korovnikova – PhD in Polit. Sci. (INION RAN, Russia)

Editorial board: M. Gorbunova – DSn in Econ. Sci. (UNN, Russia), D. Efremenko – DSn in Polit. Sci. (INION RAN, Russia), I. Zhilina – PhD (Histor. Sci.) (INION RAN, Russia), M. Klinova – DSn in Econ. Sci. (IMEMO, Russia), N. Kononkova – DSn in Econ. Sci. (Lomonosov MSU, Russia), K. Kostin – DSn in Econ. Sci. (UNECON, Russia), N. Makasheva – DSn in Econ. Sci. (HSE, Russia), A. Maltsev – DSn in Econ. Sci. (Lomonosov MSU, Russia), G. Semeko – PhD (Econ. Sci.) (INION RAN, Russia), S. Smirnov – DSn in Econ. Sci. (HSE, Russia), O. Tolstoguzov – DSn in Econ. Sci. (IE KarRC RAS, Russia).

Editorial council: A. Kuznetsov – Cor.-Mem. of RAS, DSn in Econ. Sci. (INION RAN, Russia), Chairmen, V. Avtonomov – Cor.-Mem. of RAS, DSn in Econ. Sci. (HSE, Russia), A. Bulatov – DSn in Econ. Sci. (MGIMO University, Russia), M. Golovnin – Cor.-Mem. of RAS, DSn in Econ. Sci. (IE RAS, Russia), V. Kondratev – DSn in Econ. Sci. (IMEMO, Russia), A. Libman – DSn in Econ. Sci. (FU Berlin, Germany), K. Liuhto – DSn in Econ. Sci. (PEI of TSE, Finland), S. Sutyurin – DSn in Econ. Sci. (SpbU, Russia), S. Tkachenko – DSn in Econ. Sci. (SpbU, Russia), A. Shvetsov – DSn in Econ. Sci. (FRC CSC RAS, Russia).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index

DOI: 10.31249/espr/2022.03.00

ISSN 1998–1791

© ФГБУН Институт научной информации
по общественным наукам РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер..... 7

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Общие вопросы

Пряжникова О.Н. Третий сектор, социальная экономика, солидарная экономика: подходы к определениям и концептуализации понятий 15

Проблемы стран и регионов

Чувычкина И.А. Стратегия ЕС в отношении третьего сектора: проблемы и перспективы..... 37

Пряжникова О.Н. Социальное предприятие в Центральной и Восточной Европе. Рецензия на книгу: Social enterprise in Central and Eastern Europe: Theory, models and practice / Ed. by J. Defourny, M. Nyssens 52

Коровникова Н.А. Особенности функционирования третьего сектора в контексте пандемии COVID-19 (опыт Испании) 63

Пряжникова О.Н. Социальная и солидарная экономика в Тунисе: проблемы развития. (Обзор)..... 87

ДЕНЬГИ. ФИНАНСЫ. КРЕДИТ

Семеко Г.В. Этический банкинг как альтернативная банковская модель..... 100

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

Мальковец Н.В. Некоммерческие организации на территории муниципального образования: проблемы взаимодействия 125

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Южакова И.Ю. Роль организаций социальной сферы в условиях мобилизационной экономики..... 141

CONTENT

Introducing the issue 7

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL RELATIONS

General issues

Pryazhnikova O.N. Third sector, social economy, solidarity economy:
approaches to definitions and conceptualization..... 15

Problems of countries and regions

Chuvychkina I.A. EU strategy for the third sector: problems and outlook..... 37

Pryazhnikova O.N. Social enterprise in Central and Eastern Europe.
The review of the book “Social enterprise in Central and Eastern
Europe: Theory, models and practice” / Ed. by J. Defourny, M. Nyssens... 52

Korovnikova N.A. Features of the third sector functioning in the context
of the COVID-19 pandemic (experience of Spain)..... 63

Pryazhnikova O.N. Social and solidarity economy in Tunisia: problems
of development. (Review)..... 87

MONEY. FINANCE. CREDIT

Semeko G.V. Ethical banking as an alternative banking model 100

MANAGEMENT ISSUES

Malkovets N.V. Non-profit organizations in the territory of a municipality:
problems of interaction 125

PROBLEMS OF SOCIO-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT

Yuzhakova I.Yu. The role of organizations of the social sphere in the
conditions of the mobilization economy 141

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Рост интереса к развитию третьего сектора, наблюдаемый в последние несколько десятилетий по всему миру, во многом объясняется возникающими в условиях рыночной экономики трудностями в решении таких серьезных проблем, как хроническая безработица, недостаточный уровень социальной инклюзии, чрезмерные территориальные диспропорции в уровне благосостояния населения, ограничения доступа к услугам систем здравоохранения и образования, необходимость поддержания качества жизни пожилых людей, достижение устойчивого экономического роста. Сгладить эти и другие сложные ситуации и противоречия путем использования механизмов рыночного саморегулирования и традиционной макроэкономической политики удастся далеко не всегда. Третий сектор дополняет государственный и частный и находится на пересечении экономической и социальной сфер жизни общества. В результате того, что акторы частного или государственного секторов не удовлетворяют полностью современные потребности общества, участники третьего сектора все чаще признаются в качестве партнеров по осуществлению государственной социально-экономической политики со стороны формирующих ее органов.

Третий сектор также является ядром гражданского общества. Его значение в этом качестве повышается в ответ на рост общественного запроса на изменение социально-экономических условий, защиту прав человека, сохранение окружающей среды и оказание влияния на политические процессы.

Рассматривая третий сектор в мировом контексте, следует отметить, что он чрезвычайно неоднороден. В зависимости от применяемых в разных регионах и странах мира критериев, к нему могут относить разнообразнейшие организации: некоммерческие организации, ассоциации, общественные движения, кооперативы, общества взаимного страхования, социальные предприятия, учреждения в сфере этических финансов и микрофинансов, организации справедливой торговли, системы обмена внутри сообществ и т.д. Некоторые организации сектора представляют собой крупные учреждения здравоохранения, образования и культуры, которые функционируют аналогично коммерческим компаниям и имеют тесные

связи с правительствами и бизнесом. Однако большинство организаций третьего сектора являются мелкими и предоставляют социальные услуги уязвимым слоям населения. Вместе с тем некоторые из них стремятся к системным изменениям, продвигая интересы разных групп общества.

Несмотря на то что единые глобальные данные о динамике третьего сектора отсутствуют (так как не существует единого международного хранилища всеобъемлющих статистических данных по сектору), многие исследования фиксируют увеличение количества соответствующих организаций и их значения для разных стран. Колебания в развитии третьего сектора отражают последствия политических преобразований, экономических циклов, изменений законодательства или процедур регулирования. При этом тенденция к увеличению его экономического вклада с точки зрения занятости и производства товаров и услуг прослеживается во всем мире.

Так в Европе (ЕС-24 и Норвегия) в 2014 г. в третьем секторе было занято 13% всей рабочей силы, что ставит сектор на третье место в регионе по доле занятых после сферы промышленного производства и отрасли торговли¹. В США, где третий сектор ассоциируется исключительно с некоммерческой деятельностью, в 2016 г. действовало около 1,54 млн таких организаций, или на 4,5% больше, чем их было в 2006 г. В 2017 г. в волонтерской деятельности участвовали 25,1% взрослого населения этой страны – на 1,6% больше, чем в 2016 г. Вклад некоммерческого сектора в экономику США в 2016 г. составил 5,6% ВВП².

Российские эксперты также идентифицируют третий сектор как состоящий из некоммерческих организаций (НКО). По данным на июнь 2022 г., в России было зарегистрировано около 210 тыс. НКО. Количество некоммерческих организаций в стране за последние годы несколько сократилось: на 2015 г. их насчитывалось около 226 тыс., или на 7,6% больше. Доля россиян, занятых в НКО в качестве наемных сотрудников и волонтеров, различается по регионам России: от 2,17% рабочей силы в Тюменской области до 0,27% в Республике Марий Эл³. Всего в 2020 г. в деятельности НКО в качестве волонтеров приняли то или иное участие 1,9 млн россиян.

¹ Salamon M.L., Sokolowski W. The size and scope of the European third sector / Third Sector Impact (TSI). – Brussels, 2016. – 30 p. – (TSI. Working paper ; N 12). – URL: https://thirdsectorimpact.eu/site/assets/uploads/documentations/tsi-working-paper-no-12-size-scope-third-sector-europe/TSI-Working-Paper-12_Size-and-Scope.pdf (дата обращения: 05.07.2022).

² The nonprofit sector in brief 2019 / National center for charitable statistics. – 2020. – 04.06. – URL: <https://nccs.urban.org/publication/nonprofit-sector-brief-2019#the-nonprofit-sector-in-brief-2019> (дата обращения: 05.07.2022).

³ Salamon L.M., Skokova Y., Krasnopolskaya I. Subnational variations in civil society development: The surprising case of Russia // Nonprofit and voluntary sector quarterly. – 2020. – Vol. 49, N 5. – P. 1058–1081.

Основываясь на численности волонтеров, специалисты оценивают вклад некоммерческого сектора в ВВП России на уровне 0,6–1%¹.

Среди наиболее авторитетных межстрановых исследований третьего сектора выделяется проект сравнительного анализа некоммерческого сектора Университета Джона Хопкинса (The Johns Hopkins Comparative non-profit sector project, США), реализованный в 1991–2017 гг. Его методология, типология организаций сектора и основные выводы получили признание на международном уровне и широко применяются в научных исследованиях. Они использовались Международной организацией труда для разработки «Руководства по измерению волонтерского труда» (Manual on the Measurement of Volunteer Work)², а также экспертами ООН для формирования «Руководства по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов» (UN Handbook on Non-profit Institutions in the System of National Accounts)³. Применение странами данных рекомендаций способствует повышению качества сбора и систематизации статистических данных, адекватности отражения вклада организаций третьего сектора в экономику и росту осведомленности о их деятельности, в том числе среди широких масс населения.

Говоря о вкладе третьего сектора в социально-экономическое развитие, необходимо подчеркнуть его комплексный характер. Деятельность таких организаций третьего сектора, как НКО, кооперативы, благотворительные фонды и общественные организации, функционирующие внутри сообществ, направлена прежде всего на мониторинг и выявление ситуаций социальной маргинализации, дискриминации и усугубления неравенства с целью воздействовать на них, предлагая определенные пути решения и отвечая на потребности населения в получении услуг, которые по тем или иным причинам недоступны.

Помимо продвижения принципов социальной инклюзии, акторы третьего сектора вносят вклад в создание и укрепление социетальных связей. В ходе своей деятельности они формируют инструменты и инфра-

¹ Минэкономики оценит вклад волонтеров и благотворителей в российский ВВП // РБК. – 2022. – 24.06. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/06/2022/62b459249a79471e6dac694c> (дата обращения: 07.07.2022).

² «Руководство Международной организации труда по измерению волонтерского труда» представляет собой методологические регламентации по созданию базы систематических и сопоставимых данных о работе волонтеров [Manual on the Measurement of Volunteer Work / ILO. – Geneva, 2011. – vi, 120 p. – URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_167639/lang--en/index.htm#:~:text=The%20manual%20is%20intended%20to,ILO's%20commitment%20to%20decent%20work (дата обращения: 13.07.2022)].

³ «Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов» содержит статистические стандарты и руководящие принципы для подготовки данных о некоммерческих организациях (НКО) в рамках Системы национальных счетов [Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов / ООН. – Нью-Йорк, 2006. – ix, 363 с. – URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesF/SeriesF_91r.pdf (дата обращения: 13.07.2022)].

структуру не только для более эффективного распределения ресурсов общества, но и для обмена знаниями между отдельными индивидами, организациями, социальными и политическими движениями. В результате деятельности организаций третьего сектора, прежде всего ассоциируемых с активностью гражданского общества (профсоюзы, федерации, конфедерации, цифровые платформы и сети), возникают новые общие пространства коммуникации и диалога, выстраиваются и укрепляются связи внутри общества. Это создает благоприятные условия для осуществления коллективных действий, например, в сфере социального развития, охраны окружающей среды и т.д.

Некоммерческие организации также функционируют в виде исследовательских центров и организаций, контролирующих процессы реализации социальной политики. При этом они, как правило, делают результаты своих исследований общедоступными, внося таким образом вклад не только в экспертизу социальных проектов, но и в развитие культуры свободного обмена данными и доступа к информации.

Отдельно следует выделить роль организаций третьего сектора в качестве проводника социальных инноваций – новых стратегий, концепций, идей – в сферах, где рынок и соответствующие государственные учреждения действуют недостаточно эффективно. Их инициативы и проекты удовлетворяют социальные потребности населения, расширяют и укрепляют гражданское общество, вносят вклад в формирование социального капитала. Это достигается благодаря росту внутри общества доверия, чувства ответственности, реципрокности, укреплению устойчивости и качества социальных связей, на которые индивиды или сообщества могут опираться при решении тех или иных насущных задач.

Вместе с тем развитие третьего сектора сдерживается рядом факторов. Существующая во многих странах мира разнородность подходов к определению границ третьего сектора и критериев отнесения к нему тех или иных организаций затрудняет анализ и сопоставление результатов деятельности входящих в него акторов. Данная проблема осложняет привлечение в сектор финансирования в виде государственных грантов, других видов бюджетной поддержки и частных инвестиций. Кроме того, преимущественно некоммерческий характер организаций сектора делает их восприимчивыми к негативным эффектам кризисных ситуаций, в частности сокращению финансирования (в том числе в виде добровольных пожертвований) или снижению активности волонтеров, на труд которых полагаются многие участники третьего сектора (что имело место, например, в условиях пандемии коронавируса).

В представленных в данном выпуске журнала «Экономические и социальные проблемы России» публикациях освещаются как теоретические, так и практические аспекты развития третьего сектора. Опираясь на анализ обширного эмпирического материала, авторы рассматривают региональные и страновые особенности современного состояния сектора,

в том числе в контексте пандемии COVID-19 и других вызовов, требующих переориентации ресурсов общества.

Открывает номер статья *О.Н. Пряжниковой*, посвященная анализу теоретических подходов к определению понятий «третий сектор», «социальное предприятие», «социальная и солидарная экономика», а также ряда других социально-экономических феноменов, ассоциируемых с третьим сектором. Автор сопоставляет определения, распространенные в научном сообществе в разных странах, предпринимает попытку выявить различия между ними и выделяет наиболее распространенные и универсальные. Выводом, основанным на изучении большого числа зарубежных и отечественных публикаций, служит признание терминологического плюрализма понятийного аппарата концепции третьего сектора в качестве препятствия для осуществления межстрановых сравнений и формирования политики продвижения социально ориентированных инициатив.

Раздел **«Проблемы стран и регионов»** посвящен анализу актуальных вопросов развития третьего сектора на региональном и национальном уровнях.

В статье *И.А. Чувычкиной* рассматриваются проблемы и перспективы третьего сектора в ЕС. Автор подробно описывает особенности организационной структуры европейского третьего сектора, а также специфику различных моделей его функционирования (традиционной, либеральной, социально-демократической, а также моделей партнерства в сфере благосостояния населения и статичного развития), исторически сложившихся в разных странах континента.

Большое внимание в статье уделяется влиянию на организации гражданского общества пандемии, выразившемуся в том числе в сокращении доходов некоммерческих организаций, численности их наемных сотрудников и волонтеров. Способность организаций третьего сектора адаптироваться к работе в условиях пандемии оказалась зависящей от их размера, структуры и типов предлагаемых услуг. Кроме того, проявились проблемы низкой цифровой грамотности работников и пользователей услуг, а также отсутствия соответствующих цифровых инструментов, оборудования и инфраструктуры.

Проведенный автором анализ показывает, что в ЕС остро стоит вопрос разработки всеобъемлющей стратегии поддержки третьего сектора, которая способствовала бы совершенствованию инструментов и механизмов взаимодействия с организациями сектора в странах-членах. Кроме того, правовая база ЕС в области помощи структурам третьего сектора нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Рецензия *О.Н. Пряжниковой* на монографию «Social enterprise in Central and Eastern Europe: Theory, models and practice» («Социальное предприятие в Центральной и Восточной Европе: Теория, модели и практика») представляет возможность познакомиться с результатами исследования сектора социальных предприятий в странах Центральной и Восточной

Европы, а также в России и Грузии. На основе анализа богатого эмпирического материала, собранного в рамках Международного проекта сравнительного анализа моделей социальных предприятий (International comparative social enterprise models project), авторы провели типологизацию социальных предприятий в регионе, выделив пять основных моделей. Отнесение социальных предприятий к той или иной модели осуществлялось по таким критериям, как правовая форма предприятия, особенности реализации его социальной миссии, состав персонала, структура источников финансирования и управления, правила распределения прибыли.

Кроме того, в исследовании подчеркивается роль двух ключевых обстоятельств, определяющих характер развития сектора в регионе. Во-первых, отмечается влияние социалистического прошлого, связанного с жестким контролем хозяйственной деятельности, социальной и гражданской активности. Во-вторых, выделяется роль международных организаций и структур ЕС как основных источников финансирования программ поддержки социальных предприятий региона.

В статье *Н.А. Коровниковой* рассматривается широкий круг вопросов, касающихся положения третьего сектора в Испании. Автор анализирует принятые в европейском и мировом контексте подходы к описанию третьего сектора, раскрывая специфику взглядов испанских специалистов.

Особое внимание уделяется функционированию некоммерческих организаций Испании во время пандемии и практикам их реагирования на экономические и социальные проблемы, вызванные распространением коронавируса. Представлен прогноз сотрудничества третьего сектора страны с коммерческими и государственными организациями в деятельности по сглаживанию последствий пандемии. Автор обобщает рекомендации экспертов по решению проблем развития третьего сектора в Испании, связанные в первую очередь с обеспечением большей финансовой устойчивости его акторов, внедрению в их работу цифровых инструментов, более широкому привлечению молодежи к социально ориентированной деятельности как в числе получателей услуг некоммерческих организаций, так и в качестве активных участников.

Заключающий раздел обзор *О.Н. Пряжниковой* посвящен развитию социальной и солидарной экономики в Тунисе. Как свидетельствуют изученные публикации, государство и частный сектор не способны самостоятельно решить ряд серьезных социально-экономических проблем страны, включая диспропорции ее территориального развития, бедность сельского населения, низкий уровень официальной занятости женщин и молодежи. В данной ситуации особое значение приобретает распространение в Тунисе социальной и солидарной экономики, часть миссии которой заключается в повышении благосостояния населения путем создания новых рабочих мест и предоставления товаров и услуг уязвимым группам населения.

Обобщение экспертных оценок позволило автору выделить ряд факторов, сдерживающих развитие социальной и солидарной экономики

в Тунисе. При этом определенный оптимизм в отношении перспектив развития сектора вызывает принятие в 2020 г. национального закона о социальной и солидарной экономике. Он, в частности, определяет критерии отнесения организаций к социальной и солидарной экономике, что способствует формированию адекватных статистических данных, необходимых для анализа состояния сектора и разработки мер по его поддержке.

В рубрике журнала «**Деньги. Финансы. Кредит**» представлена статья *Г.В. Семено*, в которой рассматривается проблематика этического банкинга как альтернативного направления в современных финансах. В настоящее время расширяется применение этических и моральных критериев в банковском деле и появляются финансовые организации, цель которых составляет общее благо, а не максимизация прибыли. Одной из задач учреждений так называемого этического банкинга является финансирование проектов социальной и солидарной экономики. Среди финансовых продуктов, соответствующих принципам этического банкинга, распространение получили солидарные кредитные карты, социально ответственные инвестиции, микрокредиты, солидарные облигации, солидарный кредит.

Продвижение этической культуры в банковской сфере часто рассматривается как ответ на финансовые кризисы, снижающие доверие общества к традиционной финансовой системе, а также на обострение экологических проблем. Проанализировав финансовые показатели учреждений этического банкинга, автор делает вывод о высоком уровне их финансовой устойчивости, в том числе в условиях коронакризиса. Отмечаются также хорошие перспективы продвижения данной модели банковской деятельности в разных странах мира.

В разделе «**Вопросы управления**» читатели могут ознакомиться со статьей *Н.В. Мальковец*, в которой обсуждается развитие отношений НКО и органов местного самоуправления в России. Важность налаживания адекватных механизмов их взаимодействия обусловлена совпадением целей и задач, которые они ставят перед собой, а именно – удовлетворение потребностей населения на уровне местных сообществ и в рамках муниципальных образований.

По мнению автора, современный этап взаимодействия органов власти и НКО характеризуется признанием государством необходимости привлечения социально ориентированных НКО к деятельности по оказанию населению социальных услуг и предоставления данным организациям доступа к бюджетным источникам финансирования. В свою очередь, местные органы власти все чаще отдают должное роли НКО в придании большей стабильности социальной сфере, начинают поддерживать устойчивые организации и стимулировать создание новых.

Автор также подчеркивает особую значимость налаживания эффективного взаимодействия граждан в рамках территориального общественного самоуправления в соответствии с принципами открытости, прозрачности, взаимного уважения, законности и наличия каналов обратной

связи. Данные процессы способствуют распространению демократических традиций и практик гражданского общества на местном уровне и в стране в целом.

В рубрику «**Проблемы социально-демографического развития**» вошла статья *И.Ю. Южаковой*, в которой затрагиваются проблемы социальной сферы в условиях так называемой мобилизационной экономики, предполагающей перераспределение ресурсов страны в пользу направлений, которые признаются приоритетными в той или иной кризисной ситуации. Исследование основывается на анализе содержания одного из популярных телеграм-каналов, посвященного мониторингу общественно-политических процессов в России, а также данных нескольких социологических опросов, направленных на выявление изменения социальной повестки в стране в период с 2020 г. по начало мая 2022 г.

Как показывают полученные результаты, современная ситуация вызывает рост озабоченности населения – в связи с риском потери работы, снижением доходов, ростом цен, недоступностью ряда товаров и услуг. В этих условиях увеличивается потребность в мерах социальной поддержки, в частности в адресной социальной помощи и в расширении доступа граждан к психологической помощи. В целях улучшения качества жизни населения, снижения социальной напряженности, сохранения и развития человеческого и социального капитала автор предлагает, в частности, продвигать лучшие практики российских некоммерческих организаций, зарекомендовавших себя в качестве эффективных акторов социальной сферы.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что представленный в рамках данного выпуска журнала анализ некоторых проблем и перспектив развития третьего сектора на уровне национальных экономик в региональном и глобальном контексте расширяет представления о продуктивных направлениях взаимодействия государства и организаций гражданского общества. Также очевидно, что в этой области еще много вопросов и задач, требующих дополнительного изучения и решения.

О.Н. Пряжникова

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Общие вопросы

УДК 330.1

doi: 10.31249/espr/2022.03.01

О.Н. Пряжникова*

ТРЕТИЙ СЕКТОР, СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА, СОЛИДАРНАЯ ЭКОНОМИКА: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЯМ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности концептуализации понятий третьего сектора, социальной экономики, солидарной экономики и ряда других социально-экономических феноменов, ассоциирующихся с третьим сектором. Показана специфика формирования определений, терминов, типовых критериев, обусловленная различиями в исторически сложившихся подходах в научной среде и в региональных контекстах. Отмечается значимость формирования более универсального подхода к определению понятий, связанных с третьим сектором, с точки зрения как более глубокого изучения его проблематики, так и разработки эффективной государственной политики поддержки сектора.

Ключевые слова: третий сектор; некоммерческий сектор; социальная экономика; солидарная экономика; социальная и солидарная экономика; социальное предприятие.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Третий сектор, социальная экономика, солидарная экономика: подходы к определениям и концептуализации понятий // Экономические и социальные проблемы России. – 2022. – № 3. – С. 15–36.

O.N. Pryazhnikova

Third sector, social economy, solidarity economy: approaches to definitions and conceptualization

Abstract. The article highlights key elements of conceptualization of the third sector, social economy, solidarity economy and other socio-economic phenomena associated with the third sector. Specific types of definitions, terms, typical considerations

* **Пряжникова Ольга Николаевна**, научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: olga.priazhnikova@inion.ru

Pryazhnikova Olga, Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

conditioned by differences within historically established approaches both in the scientific field and in regional contexts are demonstrated. The importance of elaboration of more universal coverage concept related to the third sector is noted, both in terms of opportunities to more profoundly study its problems and to develop effective sector support policies.

Keywords: third sector; non-profit sector; social economy; solidarity economy; social and solidarity economy; social enterprise.

For citation: Pryazhnikova O.N. Third sector, social economy, solidarity economy: approaches to definitions and conceptualization // Economic and Social Problems of Russia. – 2022. – N 3. – P. 15–36.

Введение

В последние несколько десятилетий во всех регионах мира наблюдается значительный рост масштабов так называемого третьего сектора экономики, основу которого составляет некоммерческая деятельность в экономической, социальной, политической и культурной сферах жизни общества. Он дополняет государственный (первый) и частный (второй) сектора благодаря тому, что организации третьего сектора формируют механизмы производства и предоставления населению общественных благ, которые не обеспечиваются на должном уровне ни государством, ни рынком.

Третий сектор вносит значимый вклад в оказание широкого спектра социальных услуг и решение социальных проблем. В связи с этим высока актуальность разработки и проведения эффективной политики поддержки его развития на национальном и региональном уровнях. При этом в силу специфики данных видов деятельности в основе государственной политики должны лежать партнерские отношения с разнообразными организациями и представителями гражданского общества.

Вместе с тем процесс развития некоммерческой деятельности сопровождается возникновением многочисленных новых практик и акторов, которых, в частности, увязывают с зарождающимися направлениями социальной и солидарной экономики (относимой рядом исследователей к третьему сектору). Все это вносит элемент «неопределенности» при определении границ третьего сектора и, соответственно, затрудняет формирование стратегии его развития.

Таким образом, растет значимость концептуальной идентификации новых и уже традиционных типов социально-экономической деятельности. Это требует формирования адекватной терминологии в рамках развития понятийного аппарата, а также установления перечня особенностей и типичных признаков различных видов предприятий и организаций, функционирующих в третьем секторе. Представляется важным сопоставить соответствующие определения и понятия, предлагаемые в научном сообществе, выявить различия между ними и выделить наиболее употребляемые и адекватно отражающие реалии динамично развивающегося сектора экономики.

Третий сектор

Наиболее широкое определение третьего сектора предлагает рассматривать его, с одной стороны, как гражданское общество (понимаемое как граждане, осуществляющие деятельность индивидуально, не мотивированные принуждением или денежной выгодой), а с другой стороны, как сектор негосударственных некоммерческих организаций, которые осуществляют коллективные действия на основе самоорганизации граждан, свободно принимая решения в рамках своей организации (формальной или неформальной) [Nache, 2011]. При этом понятие «третий сектор» в научной литературе иногда употребляется как синоним некоммерческого сектора, а может использоваться и в более широком ключе, когда допускается включение в него организаций, имеющих частью своей деятельности и коммерческую составляющую. Также его принято рассматривать в качестве своеобразного ядра гражданского общества или института гражданского общества, в котором объединяются разнообразные общественные инициативы и широкий спектр активности граждан на основе общих интересов, целей и ценностей [Тарасенко, 2014, с. 12].

Существует подход к определению третьего сектора в соответствии с особенностями получаемого дохода. Так, в рекомендациях ООН по отражению статистических данных в Системе национальных счетов применяется определение, согласно которому организациями некоммерческого сектора являются организации, деятельность которых финансируется в основном за счет пожертвований и взносов [Handbook on ... , 2003, p. 21]. Однако при этом не принимается во внимание роль государственных субсидий (грантов) как значимого источника дохода для многих подобных организаций, а также доходов от осуществляемых ими продаж и / или сборов.

Определение третьего сектора, основанное на особенностях использования рабочей силы, говорит об участниках третьего сектора как организациях, использующих добровольный и неоплачиваемый труд волонтеров. Хотя в их штатах почти всегда заняты наемные работники. Кроме того, определение третьего сектора по признаку использования добровольного труда затрудняет его отделение от института неформального труда, используемого, в частности, внутри домохозяйств [Mogis, 2000, p. 29].

Таким образом, более адекватными представляются подходы к поиску определения данного сектора, в которых используется более широкий спектр дополнительных характеристик и критериев.

Одним из таких является англо-американский подход, в рамках которого третий сектор ассоциируется исключительно с некоммерческой деятельностью и, соответственно, совпадает с понятием некоммерческого сектора. Он получил свое оформление в рамках исследовательского проекта сравнительного анализа некоммерческого сектора в ряде стран мира – The Johns Hopkins Comparative non-profit sector project. Участники проекта

Л.М. Саламон и Х.К. Анхайер добавляют дополнительные определяющие характеристики организациям сектора и описывают их как организации, не принадлежащие ни к частному (коммерческому) сектору, ни к государственному сектору [Salamon, Anheier, 1997]. Таким образом, согласно данному подходу, некоммерческий (третий) сектор занимает все социальное пространство за пределами рыночной экономики и государства [Salamon, Anheier, 1997].

В рамках данного подхода предполагается, что некоммерческая организация должна отвечать пяти признакам:

1) иметь формальный статус, т.е. определенную степень институционализации, которая, как правило, предполагает юридическую регистрацию, а также наличие структуры и целей деятельности;

2) участие в ее деятельности должно быть свободным и добровольным и включать добровольный вклад участников в виде потраченного на деятельность организации времени (для волонтеров) и / или в денежном виде (для доноров-благотворителей);

3) быть независимой от государства в осуществлении своей деятельности и распоряжении денежными средствами, источником которых могут быть государственные выплаты;

4) прибыль от деятельности организации не перераспределяется между ее членами, управляющими или владельцами;

5) в основе лежит самоуправление, предполагающее наличие собственных правил регулирования деятельности организации и механизмы принятия решений.

Существуют и иные подходы к концептуализации третьего сектора, принятые на международном уровне. Они основываются на разделении по категориям агентов (частные (коммерческие) предприятия, государство и домохозяйства) либо на логике и способах регулирования обмена (рыночный обмен, государственное перераспределение и реципрокный (основанный на взаимности) обмен), который, в свою очередь, может классифицироваться по типам вовлеченных ресурсов (рыночные, нерыночные, немонетарные ресурсы). Такие подходы позволяют рассматривать третий сектор как пространство, где происходит взаимодействие всех секторов социально-экономической среды [Defourny, 2013].

В отечественной практике некоммерческий сектор ассоциируется с понятиями некоммерческой организации, общественной (негосударственная) организации (как одна из форм НКО), неправительственной организации [Мерсиянова, 2007]. В законодательстве РФ, а именно в ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ от 12.01.1996 некоммерческая организация определяется как «организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками» [Федеральный закон ... , 2021]. Данный закон относит к некоммерческим организациям в том числе государственные организации, политические партии и даже

органы государственной власти при условии, что получение прибыли не является основной целью их функционирования. В результате при использовании термина «некоммерческая организация» без учета ее независимости от государства может возникать путаница при описании третьего сектора.

В российской научной литературе следует выделить подход к определению третьего сектора, сформулированный Л.И. Якобсоном и С.В. Сановичем, которые предлагают рассматривать его как «совокупность ячеек сотрудничества людей», которому присуща регулярность и организованность [Якобсон, Санович, 2009]. Кроме того, такое сотрудничество характеризуется 1) относительно постоянным составом участников, относительно определенными и стабильными целями; 2) цели, как правило, носят альтруистический характер и / или могут преследовать творческую самореализацию участников и / или коллективное обустройство их частной жизни; 3) цели сотрудничества не связаны непосредственно ни с получением прибыли, ни с овладением или применением политической власти; 4) ячейки сотрудничества непосредственно не принадлежат к сферам бизнеса или государства; 5) они возникают, функционируют и исчезают в результате добровольной и сознательной самоорганизации [Якобсон, Санович, 2009, с. 23].

Важно отметить, что на международном уровне распространены два основных подхода к концептуализации третьего сектора, во многом определенные историческим контекстом стран, в которых они возникли. С одной стороны, это упомянутый выше англо-американский подход к его определению в качестве некоммерческого сектора [Salamon, Anheier, 1997], в рамках которого к третьему сектору относят прежде всего общественные благотворительные организации [The third sector ... , 2018, p. 20].

В качестве второго подхода к определению третьего сектора используется концепция «социальной экономики», имеющая глубокие исторические корни в Европе и получившая новый импульс развития во Франции в конце 1970-х годов, а затем и в таких странах, как Бельгия, Испания, Италия, Португалия, Греция, Швеция, Канада, Аргентина, Япония, Южная Корея и др. [Defourny, 2013]. Этот подход мы рассмотрим далее.

Социальная экономика

Термин «социальная экономика», появившийся в конце XIX в., обозначал организации производителей или потребителей, представлявшие собой ассоциации (товарищества) самопомощи, учреждаемые коллективно для удовлетворения потребностей участников. В противоположность иным подходам, которые делают акцент на организационных особенностях предприятий (таких как благотворительность, участие волонтеров или ограничение распределения прибыли), в концепции социальной экономики внимание фокусируется на социальных особенностях деятельности,

предполагающих выражение социальной солидарности и демократическое внутреннее управление. Таким образом, в широком смысле понятие «социальная экономика» охватывает не только добровольные, благотворительные или некоммерческие организации, но также кооперативы, ассоциации, общества взаимопомощи, в современных реалиях часто функционирующие как общества взаимного страхования (mutuals), которым отчасти присуща рыночная ориентация. Так, для кооперативов возможно распределение денежных излишков среди своих членов, в то время как уставы ассоциаций и большинства обществ взаимного страхования запрещают это [Social and solidarity ... , 2010, p. 10].

Таким образом, принятое в Европе определение «социальная экономика» для описания практик третьего сектора шире. Оно, в отличие от англо-американского подхода, не исключает из третьего сектора за распределение части прибыли между своими членами кооперативы и некоторые общества взаимного страхования (уставы отдельных видов обществ взаимного страхования допускают это). В рамках социальной экономики распределение излишков в любом случае ограничено, потому что предприятия сектора учреждаются не с целью сделать вложенный капитал прибыльным, а с целью удовлетворить общие и / или взаимные интересы участников, способствующие общему благу или отвечающие удовлетворению социальных потребностей определенных категорий населения. Таким образом, к третьему сектору в Европе относят более широкий спектр организаций и говорят о нем чаще как о социальной экономике, чем о некоммерческом секторе.

Как отмечает французский исследователь социальной экономики Ж.-Л. Лавилль (Jean-Louis Laville), в результате процессов институализации организаций социальной экономики в Европе в XIX в. произошло узаконивание существования предприятий, в которых помимо инвесторов капитала другие категории их участников получали права собственности [Économie sociale et ... , 2017]. Соответственно, согласно уставам этих предприятий, для них решающее значение имеет не условие ведения некоммерческой деятельности, а тот факт, что материальный интерес инвесторов капитала подлежит ограничениям. Таким образом, в данной традиции при отнесении к третьему сектору граница проходит не между коммерческими и некоммерческими организациями, а между капиталистическими компаниями и организациями социальной экономики, которые отдают предпочтение коллективной пользе, а не рентабельности индивидуальных инвестиций [Économie sociale et ... , 2017]. Другими словами, ключевое значение в идентификации организации в рамках сектора имеют их организационные особенности, например наличие положений об ограничении на частное присвоение результатов деятельности в уставе.

Приверженность принципу отказа от доминирования капитала, как правило, отражена в уставах и методах деятельности предприятий соци-

альной экономики в виде оформления и следования ряду основных правил [Bidet, 2000; Salamon, Sokolowski, 2014, p. 22]:

– на уровне отношения «власти» и «капитала» внутри организации: каждый участник имеет одинаковую «власть» независимо от доли капитала, которой он владеет, что выражается правилом «один человек, один голос» при принятии решений;

– на уровне доходности капитала: извлечение прибыли добровольно ограничено (кооперативы) или запрещено (ассоциации и общества взаимопомощи (взаимного страхования) уставом;

– на уровне распределения излишков: в дополнение к ограничениям, налагаемым на извлечение прибыли на капитал, часть излишков распределяется в неделимый резерв, который является коллективной собственностью компании и поэтому неотчуждаем.

Основываясь на практическом опыте сектора, выделяют следующие общие принципы, которые характеризуют предприятия социальной экономики [Defourny, 2013; Monzón, Chaves, 2008, p. 554]:

– цель деятельности заключается в поддержке членов организации или сообщества в целом (принцип примата индивидуальных и социальных целей), а не получение прибыли, которое может быть средством достижения целей деятельности, но не основной ее мотивацией;

– независимое управление, предполагающее возникновение и реализацию разнообразных волонтерских и социальных инициатив, что является ключевым отличием социальной экономики от государственных предприятий, производящих товары и услуги;

– добровольное и открытое для всех членство в организации;

– демократичный процесс принятия решений в соответствии с принципом «один человек – один голос»;

– применение принципа солидарности и социальной ответственности;

– примат человека и труда над капиталом в распределении доходов;

этот принцип реализуется через широкий спектр практик: распределение излишков среди рабочей силы или членов организации в виде премий, создание резервных фондов для развития бизнеса, использование получаемых денежных излишков на социальные цели и т.д.

Следует отметить, что слово «социальный» исторически при зарождении концепции использовалось при описании социальной экономики как характеристика типа собственности. Под «социальным» подразумевается, что собственность принадлежит ряду лиц (участникам предприятия), а не, например, акционерам. Однако в англоязычных странах, где распространен англо-американский подход к определению третьего сектора, «социальное» при описании СЭ в большинстве случаев принято рассматривать как характеристику целей или сферы деятельности предприятий. Как правило, это приводит к тому, что в ряде стран социальную экономику ассоциируют только с активностью в социальной сфере, такой, как услуги по уходу, в том числе за пожилыми людьми, и т.д. [Poirier, 2014, p. 6].

На наш взгляд, наиболее всеобъемлющее определение социальной экономики предложено «Международным центром исследований и информационной поддержки общественной, социальной и кооперативной экономики» (г. Льеж) (International Centre of Research and Information on the Public, Social and Cooperative Economy (CIRIEC)). Согласно этому определению, социальная экономика представляет собой совокупность официально организованных частных компаний с автономией принятия решений и свободным членством, созданных для удовлетворения потребностей своих участников посредством деятельности на свободном рынке, такой, как производство товаров и услуг, страхование или финансы. При этом окончательное распределение между партнерами прибыли или излишков, а также принятие решений о деятельности предприятия не связаны непосредственно с размером капиталовложений или взносов от каждого участника, а осуществляются равноправно по принципу – один человек, один голос [Chaves, Monzón, 2018, p. 13]. Данный подход к определению социальной экономики учитывает исторически сложившиеся в Европе принципы и ценностные установки социальной экономики, а также фиксирует структурные элементы, характеризующие поведение акторов социальной экономики. По мнению испанских исследователей социальной экономики Р. Чавеса и Х.-Л. Монзона, это определение открывает возможности для более четкого отражения феномена социальной экономики в законодательной базе и в статистических системах стран мира.

Анализируя особенности двух подходов (англо-американского и европейского) к определению третьего сектора, можно сделать вывод, что они расходятся по нескольким ключевым моментам.

Так, с одной стороны, в основе определения социальной экономики (как аналога или части третьего сектора в европейской традиции) лежит принцип и действующие процедуры демократического процесса принятия решений. Этот принцип, благодаря равноправному участию членов организации в ее управлении, обеспечивает условия для контроля ими достижения целей организации. Можно сказать, что в случае некоммерческой организации (как части некоммерческого сектора, который в рамках англосаксонского подхода является аналогом третьего сектора) подобный контроль также осуществляется изнутри через ее руководящие структуры. Однако при этом в таких организациях отсутствуют требования к обязательному наличию формальных механизмов демократического принятия решений участниками.

С другой стороны, подход к определению третьего сектора как некоммерческого исключает для входящих в него организаций любые возможности распределения прибыли и, соответственно, исключает всех кооперативных акторов социальной экономики, перераспределяющих часть излишков среди своих членов. Таким образом, основные различия двух доминирующих в мировой практике подходов к определению третьего сектора заключаются в акценте на критерии нераспределения

прибыли (англо-американский подход) и на социальной миссии и демократических принципах участия (европейский подход).

В качестве компромисса при определении третьего сектора, учитывающего особенности социальной экономики, с которой его ассоциируют в ряде европейских стран, можно рассматривать подход проекта ЕС «Влияние третьего сектора»¹. Основываясь на анализе существующих законов и практик в Европе, в рамках проекта были выделены пять типов ограничений на распределение прибыли. Они включены в определение европейского третьего сектора, допускающее более расширенное число участников (в том числе кооперативы, общества взаимного страхования, социальные предприятия). Согласно этому определению, организации третьего сектора институционально отделены от государства, самоуправляемы, с добровольным участием и при этом соответствующие характеристике «ограниченного распределения прибыли», которая обязывает выполнять четыре из пяти следующих условий, сформулированных с учетом практической деятельности акторов третьего сектора в Европе [Salamon, Sokolowski, 2014, p. 24]:

1) иметь юридически зафиксированную социальную цель, которая ограничивает прибыль, получаемую от деятельности организации;

2) ввести запрет на распределение более 50% любых видов прибыли, которую организация может получить, среди заинтересованных сторон или инвесторов;

3) действовать в соответствии с принципом «фиксации капитала», который требует, чтобы вся нераспределенная прибыль использовалась для поддержки организации или, в случае ее закрытия или преобразования, перейти на нужды другой организации с аналогичной социальной целью;

4) включать не менее 30% лиц с «особыми потребностями» в число своих сотрудников или бенефициаров;

5) ввести запрет на распределение прибыли пропорционально вложенному капиталу или уплаченным взносам.

Таким образом, данное определение, включая в себя характеристику «запрет на распределение прибыли», используемую для определения некоммерческих организаций, расширяет ее. Это позволяет охватить организации, допускающие некоторое распределение прибыли, но по-прежнему ограничивает его масштабы. В то же время в этом определении социальная миссия или служение интересам общества становится необязательной характеристикой. Такой подход участники проекта «Влияние третьего сектора» называют операционным и обосновывают его тем, что свободный

¹ Влияние третьего сектора (Third Sector Impact (TSI)) – это сравнительный исследовательский проект, в котором участвуют специалисты из 10 европейских стран, посвященный сбору мнений практиков европейского третьего сектора, их анализу и использованию при концептуализации понятий сектора.

выбор добровольного участия членов общества в той или иной организации сам по себе свидетельствует о реализации ею социально обусловленных целей. Иными словами, если люди выбирают членство в организации, от которой они не могут получить никакой прибыли или получают только ограниченную прибыль, то очевидно, что организация служит какой-то социальной миссии, которую добровольные участники считают общественным благом [Salamon, Sokolowski, 2014, p. 24].

Далее рассмотрим относительно новые явления в социально-экономической сфере, относимые к третьему сектору, – социальные предприятия и социальное предпринимательство.

Социальное предприятие

В научной литературе термин «социальное предпринимательство» трактуется по-разному. В одних случаях он определяется как некоммерческие инициативы по поиску альтернативных стратегий финансирования или схем управления для создания социальной ценности. С другой стороны, социальное предпринимательство может пониматься как социально ответственные бизнес-практики на пересечении трех секторов экономики (государственного, частного и третьего). Кроме того, социальное предпринимательство может рассматриваться как средство решения социальных проблем и драйвер социальных преобразований, а также как новый институт в экономике, способный не только решать существующие социальные проблемы, но и развивать инновационную деятельность. Последняя, в свою очередь, позволяет расширять экономические возможности внутри сообщества или региона [Kozlova, Kopylova, Tagirova, 2019, p. 774]. Как модель предпринимательства социальное предпринимательство обеспечивает выполнение социальной миссии организации и способствует ее устойчивости в конкурентных условиях. Кроме того, оно вносит вклад в создание социального капитала по трем направлениям: инновационность, проактивность и способность управлять рисками [Weerawardene, Mort, 2006, p. 32].

Рассмотренные выше теоретические расхождения в определении третьего сектора находят свое отражение и в альтернативных концепциях социального предприятия в англо-американской и европейской традициях.

В рамках первой (англо-американской) традиции дается более широкое определение социальным предприятиям, которые рассматриваются как гибридные формы, включающие и некоммерческие организации, стремящиеся получить рыночный доход, и коммерческие предприятия, ведущие социально ответственную деятельность. Данное определение социального предприятия предполагает, что для него характерно: а) отсутствие коллективной собственности и / или демократических процедур принятия решений; б) рыночный доход является ключевым источником финанси-

вания деятельности; в) деятельность может не увязываться с конкретными критериями социальной полезности, если получаемый в результате ее осуществления доход направляется (пусть и частично) на «хорошие» цели [Adam, 2018, p. 225].

Европейский подход помещает социальные предприятия в сектор социальной экономики, в контексте которой их принято рассматривать как предприятия, сочетающие предпринимательский дух с приматом социальных или общественных целей, занимающиеся производством товаров или услуг, приносящим рыночный доход, который они обычно комбинируют с другими видами ресурсов. В целом они видятся как инициативы по изменению общества в направлении более справедливого и более устойчивого развития [Social enterprise ... , 2021, p. ii].

В европейском контексте формы хозяйствования социального предприятия позиционируются как гибридные, а именно сочетающие признаки двух типов организаций: кооперативов и некоммерческих организаций [Adam, 2018, p. 226]. Действительно, социальные предприятия имеют большие сходства с производственными кооперативами, так как и те и другие ведут непрерывную экономическую деятельность. Одновременно социальные предприятия схожи с некоммерческими организациями, ведущими производственную деятельность. Они приносят ту или иную выгоду не только своим членам, как традиционные кооперативы, но часто удовлетворяют интересы различных заинтересованных сторон, например, в результате их участия в управлении (попечительских советах) или за счет организации открытых мероприятий с участием членов сообщества.

Кроме того, европейский подход определяет социальные предприятия по следующим чертам: а) они учреждаются на основе коллективных инициатив; б) на демократических принципах базируется владение собственностью и / или управление организацией; в) они осуществляют деятельность, приносящую пользу обществу; г) они вовлекают в свою деятельность членов сообщества или определенные социальные группы.

Важно отметить, что определение с использованием вышеприведенных признаков было детализировано в наднациональных европейских структурах до уровня операционных характеристик. Это создает условия для применения единого подхода для анализа национальных контекстов сектора социальных предприятий стран – членов ЕС, что, в свою очередь, может облегчить реализацию европейских проектов развития социальных предприятий и формирование конкретных мер их поддержки [Social enterprises ... , 2020, p. 28]. В рамках подхода ЕС признаки социальных предприятий рассматриваются через призму нескольких «измерений».

Во-первых, экономическое измерение деятельности социального предприятия предполагает стабильное и непрерывное производство товаров и услуг; формирование доходов от прямой продажи товаров и услуг; использование факторов производства, функционирующих в рыночной экономике (оплачиваемый труд, капитал, активы), а также труда волонте-

ров и некоммерческих ресурсов. Во-вторых, социальное измерение определяет социальную направленность деятельности. В-третьих, на уровне управления доминирует инклюзивная модель, предполагающая участие разнообразных членов организации, а также ограничение распределения прибыли (активов), что гарантирует примат социальных целей предприятия [Social enterprises ... , 2020, p. 29].

Таким образом, мы видим, что существуют различные подходы к концептуализации практик как третьего сектора и / или социальной экономики в целом, так и социальных предприятий в частности. В русле альтернативных взглядов социальные предприятия можно рассматривать как рыночные инструменты решения социальных проблем; средства исправления провалов как рынка, так и государства в поддержании устойчивости социальной сферы; а также, возможно, как актора трансформации социально-экономической среды, осуществляемой в рамках солидарной экономики [Adam, 2018, p. 227], особенности которой будут рассмотрены ниже.

Солидарная экономика

Интерес исследователей к концептуализации понятий, связанных с социальной экономикой, нашел отражение в ряде работ, связанных с рассмотрением понятия солидарной экономики, которая способна объединить два уровня жизни общества – экономическую деятельность и продвижение демократии. Кроме того, в рамках солидарной экономики появляется возможность описать множество инициатив, возникших в странах мира в последние несколько десятилетий.

Солидарную экономику часто называют новой социальной экономикой или третьим сектором социальной полезности. В научной литературе в качестве одной из ключевых характеристик солидарной экономики указывается ее «привязка» к местному уровню и к развитию территорий, оказанию услуг внутри местных сообществ и развитию сообществ [Defourny, Favreau, Laville, 1998; Animation ... , 2017]. Функционально солидарная экономика нацелена на создание коллективными усилиями (часто в рамках определенного сообщества) одновременно спроса и предложения для результатов деятельности своих акторов. При этом финансирование ее предприятий осуществляется путем использования как рыночных, так и нерыночных (немонетарных) ресурсов. Это делает солидарную экономику во многом схожей с концепцией социальной экономики. Вместе с тем вторая в несколько в большей степени увязывается с коммерческой деятельностью, а ее участники под влиянием рыночной конкуренции часто теряют свою специфику и сближаются по ряду характеристик с коммерческими или государственными предприятиями [Bidet, 2000].

Термин «солидарная экономика» при описании деятельности ряда организаций начал использоваться во Франции и Латинской Америке в

середине 1980-х годов и подчеркивает солидарность как главную черту экономической деятельности, что отличает солидарную экономику от традиционной капиталистической. В Латинской Америке этот термин охватывает широкий спектр инициатив, включая молодежные, профсоюзные, экологические движения; движения потребителей, работников неформальной экономики, крестьян, студентов; движения по поддержке женщин, коренных народов и т.д.

В целом термин солидарная экономика позволяет провести различие между уже ставшими традиционными участниками социальной экономики (кооперативами, ассоциациями, обществами взаимного страхования) и возникающими новыми механизмами реализации принципа солидарности в деятельности тех или иных предприятий, часто представляющими собой инновационные, локальные инициативы. Последние, как правило, возникают для решения актуальных социетальных и социальных проблем и охватывают сферы ухода, охраны окружающей среды, системы местной торговли, устойчивого сельского хозяйства и т.д. Организации солидарной экономики чаще всего функционируют на уровне местных сообществ на основе механизма реципрокности и прибегают к использованию разных типов ресурсов: денежных и немонетарных, рыночных и нерыночных, привлекают как оплачиваемую рабочую силу, так и волонтеров [Social and solidarity ... , 2010, p. 11].

Еще один подход к разделению понятий социальной экономики и солидарной экономики опирается на фактор солидарности. Так, согласно исследованиям Ж.-Л. Лавилля и Р. Рок Амаро [Laville, Roque Amaro, 2016], касающимся природы социальных инноваций и их проявлений в рамках социальной и солидарной экономики, выделяют две модели социальных инноваций с разным уровнем проявления солидарности. Первая модель характеризуется слабой солидарностью, и инициативы, реализуемые на ее основе (например, нацеленные на сокращение бедности), встраиваются в существующую рыночную экономику. В рамках модели со слабой солидарностью возникают такие институты, как корпоративная социальная ответственность, филантропические организации, социальные предприятия и т.д.

Второй тип социальных инновационных практик, предполагающих более высокую степень солидарности, как правило, имеет целью трансформацию общественных отношений и институциональной среды. Для этой модели характерно следование принципам равенства и реципрокности, и, как следствие, перераспределение благ на основе демократической солидарности. Инициативы с высокой солидарностью включают в себя элементы гражданской активности и способствуют развитию демократии.

Таким образом, деятельность в рамках социальной экономики можно отнести к модели социальных инноваций со слабой солидарностью, призванной лишь сгладить негативные социальные эффекты, возникающие в рыночной экономике. Практики же солидарной экономики соответствуют

социальным инновациям с высоким уровнем солидарности, основанным на общественной собственности, демократических принципах контроля и самоуправления, трансформирующих капиталистический экономический уклад благодаря реализации принципа солидарности и реципрокности [Пряжникова, 2019].

Согласно Декларации Межконтинентальной сети по продвижению социальной солидарной экономики (Réseau Intercontinental de Promotion de l'Économie Sociale Solidaire – RIPESS): солидарная экономика стремится изменить существующие социальную и экономическую системы и продвигает иную парадигму развития, соответствующую принципам солидарной экономики. «Она преследует цель преобразования неолиберальной капиталистической экономической системы из системы, которая нацелена на максимизацию прибыли и экономический рост, в систему, в основе которой люди и планета. В результате в качестве альтернативной экономической системы солидарная экономика охватывает все три сектора: частный / коммерческий, государственный и третий сектор» [Poirier, 2014, p. 10].

Заявляется, что солидарная экономика стремится переориентировать и использовать институты общества (государство, политику, торговлю, производство, распределение, потребление, сферы инвестиций, денег и финансов, а также институт собственности) для повышения благосостояния людей и сохранения окружающей среды. Отмечается, что в отличие от многих других движений за социальные изменения, в том числе революционных движений прошлого, солидарная экономика плюралистична в своем подходе, так как избегает «жестких схем» и убежденности в наличии «единственного правильного пути». При этом она опирается на конкретные, часто традиционные, практики, не стремясь создать утопию. Таким образом, по мнению RIPESS, солидарная экономика в качестве важного элемента своей повестки имеет системное преобразование капиталистического уклада, тогда как социальная экономика представляет собой сектор экономики, который может продвигать трансформационную посткапиталистическую повестку, а может и не затрагивать ее в зависимости от типа организации (кооперативы и общества взаимного страхования) [Poirier, 2014, p. 11].

Социальная и солидарная экономика

Ввиду того что солидарная экономика часто рассматривается в научной литературе как «новая социальная экономика», а также в связи с тем, что организации солидарной экономики и социальной экономики часто имеют аналогичный юридический статус, постепенно происходило слияние двух концепций [Animation ... , 2017].

В конце 1990-х годов новая концепция, связывающая социальную экономику с концепцией солидарной экономики, была разработана почти

одновременно во Франции и во франкоязычной канадской провинции Квебек. В результате этот сектор получил название «социальная и солидарная экономика» и включил в себя социальную экономику (кооперативы и общества взаимопомощи / общества взаимного страхования) и солидарную экономику (новые инициативы – не обязательно кооперативные). Также получил распространение термин «социальная солидарная экономика» (без использования союза «и»). Однако до сих пор отсутствует четкое разделение данных терминов, иногда они оба используются в одной и той же научной работе как равноправные. При этом термин «социальная солидарная экономика» может употребляться как обозначение части социальной экономики, ориентированной на построение солидарной экономики, либо сектора, сочетающего организации социальной экономики и солидарной экономики [Poitrier, 2014, p. 13]. В частности, RIPESS использует термин «социальная солидарная экономика», объединяя под этим понятием как солидарную экономику, так и более «радикальную» (с точки зрения сочетания социальной и политической миссий) часть социальной экономики [Global vision ... , 2015, p. 10].

К наиболее распространенным предприятиям и организациям социальной и солидарной экономики относят кооперативы, общества взаимопомощи / общества взаимного страхования, ассоциации и социальные предприятия. Имея разнообразные организационные формы, предприятия социальной и солидарной экономики имеют ряд общих черт, которые отличают их от государственных и частных предприятий и организаций. Во-первых, некоторые определения социальной и солидарной экономики подчеркивают, что ее цель в большей степени связана с производством товаров и услуг, чем с максимизацией прибыли. Так девиз Всемирного совета кредитных союзов (объединение кредитных и финансовых кооперативов) определяет цели деятельности своих членов: «не для прибыли, не для благотворительности, а для оказания услуг» [Social and solidarity economy ... , 2010, p. 5]. Прибыль необходима для достижения устойчивости и развития организаций и предприятий социальной и солидарной экономики. Однако цель ее получения второстепенна, она, как правило, минимальна или равна себестоимости и перераспределяется между людьми, которые вложили свой труд, капитал или любые другие ресурсы в ее производство.

Товары и услуги, поставляемые организациями социальной и солидарной экономики, обычно реализуются на рынке и конкурируют с продуктами других (частных и государственных) предприятий. Вместе с тем акторы социальной и солидарной экономики могут создавать специальные рынки, такие как рынки справедливой торговли, на которых действуют участники торговли с определенными характеристиками, например, производители, вносящие вклад в защиту окружающей среды.

Помимо соблюдения приведенных выше принципов социальной экономики, для отнесения организаций к сектору социальной и солидар-

ной экономики они должны соответствовать определенному набору ценностных установок, реализуемых в практической деятельности [Global vision ... , 2015], включая следующие.

1. Гуманизм: люди, их достоинство, их всестороннее развитие и культура ставятся в центр создаваемых проектов, направленных на наращивание потенциала индивидуального и коллективного развития, а также на повышение благополучия людей.

2. Демократия: деятельность организаций должна строиться на основе участия, предполагающего уважение права отдельных лиц принимать решения о своем собственном развитии. Солидарная экономика продвигает демократию участия, предполагающую участие граждан в принятии в том числе политических решений на всех уровнях общественного пространства; а также экономическую демократию, основанную на праве людей принимать решения, касающиеся их как работников, потребителей и производителей, в частности решений, определяющих что производится, способ и цели производства, перераспределение или реинвестицию прибыли.

3. Солидарность: мобилизация ресурсов и установление отношений с другими людьми, социальными коллективами и движениями для формирования разветвленной сети акторов, чьи действия направлены на построение более справедливого, демократичного и равноправного мира.

4. Инклюзивность: открытость для различных практик солидарности, возникающих в разных сферах жизни общества; установление диалога, основанного на уважении идеологических различий и стремлении к консенсусу.

5. Субсидиарность: признание ценности способностей и знаний отдельных людей и групп, которые они применяют для решения своих проблем и реализации собственных проектов; стремление продвигать развитие на низовом уровне, поддерживая создание организаций и ассоциаций.

6. Разнообразие: уважение к этническому и культурному разнообразию, сексуальной идентичности, различным проявлениям предпринимательства, разнообразию субъектов социальной солидарной экономики и представителям разных слоев общества, участвующих в них; обеспечение возможности защищать свои интересы для всех участников, особенно женщин и социальных групп, маргинализированных в рамках действующей социально-экономической системы.

7. Креативность: продвижение инноваций и оригинальных концепций, поощрение инновационных практик, которые способствуют социальным изменениям.

8. Устойчивое развитие: содействие устойчивому развитию, защита окружающей среды и биоразнообразия, рациональное использование природных ресурсов для удовлетворения потребностей людей, не нарушающее баланс экосистем.

9. Равенство, равноправие и справедливость для всех: борьба со всеми формами дискриминации и доминирования, в частности с дискриминацией и угнетением в отношении женщин, детей, молодежи, пожилых людей, коренных народов, бедных и инвалидов.

10. Плюралистическая и базирующаяся на солидарности экономика: экономика сочетает и уравнивает логику накопления, перераспределения и реципрокности в условиях демократически регулируемого рынка.

Следует отметить, что концептуализация социальной и солидарной экономики находится в процессе развития. Она происходит на фоне формирующихся в рамках этого сектора практик и инициатив. Процесс усложняется их разнообразием, а также политическими, культурными и историческими особенностями формирования сектора и подходов к его институализации в разных регионах и странах мира. В результате возникают разночтения в определении зачастую одних и тех же социально-экономических явлений в разных региональных контекстах.

Во франкоязычной Африке используется термин «социальная и солидарная экономика». В азиатском регионе Азиатский совет солидарной экономики (ASEC) именует соответствующий сектор «социальная солидарная экономика», рассматривая при этом в качестве драйвера его развития и формирования цепочек поставок социальное предприятие.

В Европе возник и распространен термин «социальная экономика» и глубоко укоренен кооперативизм, при этом развиваются и структуры солидарной экономики. Наблюдается рост внимания к социальной экономике на институциональном уровне ЕС и усиление ее поддержки на местном уровне, где все больше и больше признается распространение спонтанных инициатив солидарной экономики.

В странах Латинской Америки развиваются прежде всего практики солидарной экономики. Несмотря на некоторые различия в определениях, используемых латиноамериканскими национальными организациями в сфере продвижения социальной и солидарной экономики, в регионе существует поддержка основных этических принципов именно солидарной экономики, а также широкое признание ее роли в системной трансформации социально-экономической среды.

Что касается Северной Америки, то в канадской франкоязычной провинции Квебек активно продвигается концепция социальной экономики. В целом в Канаде упор делается на повышение роли социальной экономики в процессах развития отдельных территорий и местных сообществ. При этом в США созданная в 2007 г. Сеть экономики солидарности США (U.S. Solidarity economy network) работает в рамках солидарной экономики как движения, трансформирующего общество, поддерживая проекты по созданию и укреплению региональных, национальных и международных движений солидарной экономики [Global vision ... , 2015, p. 13].

Заключение

Понятие третьего сектора используется исследователями в качестве отправной точки для обоснования и развития ряда других тесно ассоциируемых с ним концепций, а именно некоммерческого сектора, солидарной экономики, социальной экономики, социального предприятия. При этом в процессе формирования понятийного аппарата возникает терминологический плюрализм, отражающий различные теоретические подходы и исторические траектории развития данных секторов экономики в разных регионах и странах мира.

Так, термин «некоммерческий сектор» наследует англо-американской традиции благотворительности. Понятие «социальная экономика» по своему происхождению связано с франкоязычной культурой и включает в себя богатый опыт европейского кооперативного движения. Термин «солидарная экономика» чаще всего ассоциируется с радикальными подходами к трансформации капиталистического уклада, возникшими в рамках общественных движений, в частности, в странах Латинской Америки.

На основе проведенного анализа формирующейся терминологии и критериев принадлежности акторов к тем или иным видам социально-экономической активности, включаемым в третий сектор, можно обобщить сущностные характеристики некоторых, связанных с третьим сектором понятий, следующим образом.

Некоммерческий сектор можно рассматривать как совокупность некоммерческих организаций со следующими характеристиками: 1) юридические лица с определенной степенью институционализации; 2) обособленные от государства; 3) не распределяющие прибыль, не возвращающие полученную прибыль своим владельцам или управляющим; 4) самоуправляемые, самостоятельно контролирурующие свою деятельность; 5) предполагающие добровольное участие работников.

Социальная экономика охватывает экономическую деятельность, осуществляемую предприятиями, главным образом кооперативами, ассоциациями и обществами взаимного страхования, которые придерживаются следующих принципов: 1) цель – предоставление участникам или сообществу услуг, а не получение прибыли; 2) самоуправление организации; 3) демократическая процедура принятия решений; 4) приоритет, отдаваемый интересам участников над капиталом при распределении доходов.

В рамках *солидарной экономики* осуществляется деятельность, направленная на экономическую демократизацию на основе участия граждан. С одной стороны, параллельно с использованием рыночных ресурсов выстраиваются экономические отношения, основанные на принципе реципрокности. С другой – осуществляются некоторые политические функции, так как общественные движения солидарной экономики способствуют возникновению автономных общественных пространств для политического диалога.

Традиционно третий сектор определяется как отличный и от государственного, и от рыночного и восполняет так называемые провалы государства и рынка в социальной сфере. При этом инициативы социальной и солидарной экономики можно рассматривать как гибридные, т.е. находящиеся на пересечении государственных, рыночных и социальных практик, и соответствующие особым операционным принципам, обуславливающим особенности перераспределения и обмена. Подход социальной экономики больше фокусируется на внедрении в деловую активность социальной составляющей, например, благодаря повышению социальной ответственности бизнеса, распространению социального предпринимательства. В то время как солидарной экономике присуща привязка к местному уровню, близость к понятию территории, оказание услуг внутри сообществ. Вместе с тем возникшее в конце XX в. понятие «социальная и солидарная экономика» отразило слияние двух концепций, поскольку солидарная экономика иногда рассматривается как новая разновидность социальной экономики, и, поскольку организации солидарной экономики часто используют правовые нормы социальной экономики, постепенно было достигнуто слияние двух концепций.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что поиск адекватных определений, получающих новое развитие феноменов третьего сектора, в частности социальной и солидарной экономики, социального предприятия, представляет собой продолжающийся процесс. Ряд определений находятся на начальной стадии институционализации и требуют дальнейшей детализации. На страновом уровне это актуально, например, для их использования в разрабатываемых для регулирования данных секторов законодательных документах; для совершенствования процедур ведения регулярной и достоверной статистики о деятельности соответствующих экономических агентов. Это, в свою очередь, поможет создать основу для проведения экономического анализа и привлечения инвестиций, в том числе из бюджетных источников, что будет способствовать расширению охвата уязвимых групп населения и масштабированию перспективных социальных инноваций, возникающих в рамках инициатив третьего сектора. На международном уровне неоднородность подходов к определению новых секторов экономики и критериев отнесения к ним разнообразных участников затрудняют сравнительный анализ их развития по странам мира, зачастую делая невозможным адекватно оценить вклад, который рассматриваемые виды деятельности вносят в достижение целей социально-экономического развития.

Список литературы

1. Мерсиянова И.В. Третий сектор: определение, терминология, границы, данные исследований и тенденции развития. – Москва : Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. – 42 с.

2. Пряжников О.Н. Социальные инновации и практики социальной и солидарной экономики // Экономические и социальные проблемы России. – 2019. – № 1. – С. 99–118.
3. Тарасенко А. Концепты третьего сектора и гражданского общества в контексте теорий демократии, управления и экономического развития : Препринт М-36/14. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета, 2014. – 32 с. – (Центр исследований модернизации. Серия препринтов ; М-36/14).
4. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ от 12.01.1996 (с изменениями на 02.07.2021) // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8742/page/8> (дата обращения: 18.07.2022).
5. Якобсон Л.И., Санович С.В. Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения // Общественные науки и современность. – 2009. – № 4. – С. 21–34.
6. Adam S. Social and solidarity economy and the crisis: Challenges from the public policy perspective // East-West. J. of economics and business. – 2018. – Vol. 21, N 1/2. – P. 223–243.
7. Animation & économie sociale et solidaire [en ligne]. – Bordeaux : Carrières Sociales Editions, 2017. – URL: <https://books.openedition.org/cse/611> (дата обращения: 18.07.2022).
8. Bidet E. Économie sociale, nouvelle économie sociale et sociologie économique // Sociologie du travail. – 2000. – Vol. 42, N 4. – P. 587–599. – URL: <https://journals.openedition.org/sdt/37146> (дата обращения: 18.07.2022).
9. Chaves R., Monzón J.L. The social economy facing emerging economic concepts: social innovation, social responsibility, collaborative economy, social enterprises and solidarity economy // Revista de economía pública, social y cooperativa. – 2018. – Vol. 93. – P. 5–50.
10. Chaves-Avila R., Gallego-Bono J.R. Transformative policies for the social and solidarity economy: The new generation of public policies fostering the social economy in order to achieve sustainable development goals. The European and Spanish cases // Sustainability. – 2020. – N 12, Article 4059. – URL: http://www.socioeco.org/bdf_fiche-document-7285_en.html (дата обращения: 18.07.2022).
11. Dacheux E., Goujon D. The solidarity economy: An alternative development strategy? // Internat. social science j. – 2012. – Vol. 62. – P. 205–215. – URL: <https://institute.coop/resources/solidarity-economy-alternative-development-strategy> (дата обращения: 18.07.2022).
12. Defourny J., Favreau L., Laville J-L. Insertion et nouvelle économie sociale. Un bilan international. – Paris, 1998. – 372 p.
13. Defourny J. The third sector / Centre for social economy, University of Liège, Belgium. – 2013. – URL: <https://orbi.uliege.be/bitstream/2268/162288/1/Defourny%20Third%20Sector%20in%20Bruni-Zamagni%202013.pdf> (дата обращения: 18.07.2022).
14. Économie sociale et solidaire et état / Ed. by J.-C. Barbier [en ligne]. – Paris : Institut de la gestion publique et du développement économique, 2017. – URL: <http://books.openedition.org/igpde/4833> (дата обращения: 18.07.2022).
15. Global vision for a social solidarity economy: Convergences and differences in concepts, definitions and frameworks / Intercontinental network for the promotion of social solidarity economy. – 2015. – 16 p. – URL: http://www.ripest.org/wp-content/uploads/2017/08/RIPES_Vision-Global_EN.pdf (дата обращения: 18.07.2022).

16. Haché A. Under the radar: The contribution of civil society and third sector organisations to eInclusion / European Commission; Joint research centre, Institute for prospective technological studies. – Luxembourg : Publications office of the European Union, 2011. – 72 p.
17. Handbook on non-profit institutions in the System of National Accounts / United Nations. – New-York, 2003. – 316 p.
18. Kozlova O., Kopylova J., Tagirova A. Innovative activity development of social entrepreneurs // *Advances in social science, education and humanities research*. – 2019. – Vol. 240. – P. 773–776.
19. Lallement M., Laville J.-L. Qu'est-ce que le tiers secteur? Associations, économie solidaire, économie sociale // *Sociologie du travail*. – 2000. – Vol. 42, N 4. – P. 523–529. – URL: <https://journals.openedition.org/sdt/37065> (дата обращения: 18.07.2022).
20. Laville J.-L., Roque Amaro R. Social innovation in Europe: what relation with solidarity economy? Towards a plural European vision of social innovation / *RIPESS Europe*. – 2016. – URL: http://www.socioeco.org/bdf_fiche-document-4518_en.html (дата обращения: 18.07.2022).
21. Monzón J.L., Chaves R. The European Social Economy: concept and dimensions of the third sector // *Annals of public and cooperative economics*. – 2008. – Vol. 79, N 3. – P. 549–577.
22. Monzón J.L., Chaves R. The social economy in the European Union / *European economic and social committee*. – Brussels, 2012. – 116 p.
23. Morris S. Defining the nonprofit sector: Some lessons from history // *Voluntas: The internat. j. of voluntary and nonprofit sector*. – 2000. – Vol. 11, N 1. – P. 25–43. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1023/A:1008950915555> (дата обращения: 18.07.2022).
24. Poirier Y. Social solidarity economy and related concepts. Origins and definitions: An international perspective / *Intercontinental network for the promotion of social solidarity economy*. – 2014. – 23 p. – URL: <http://www.ripess.org/wp-content/uploads/2017/09/Solidarity-Economy-and-other-Concepts-Poirier-July-2014.pdf> (дата обращения: 18.07.2022).
25. Salamon L.M., Sokolowski W. Beyond Nonprofits: Re-conceptualizing the Third Sector // *Voluntas: The internat. j. of voluntary and nonprofit sector*. – 2016. – Vol. 27. – P. 1515–1545. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11266-016-9726-z> (дата обращения: 18.07.2022).
26. Salamon L.M., Sokolowski W. The third sector in Europe: Towards a consensus conceptualization. / *Third Sector Impact (TSI), European Union*. – Brussels, 2014. – 35 p. – (TSI. Working paper ; N 2). – URL: <https://thirdsectorimpact.eu/site/assets/uploads/documentations/tsi-working-paper-no-2-third-sector-europe-towards-consensus-conceptualization/TSI-Wrkg-Ppr-2-Conceptualiza-fnl-2-17-15-.pdf> (дата обращения: 18.07.2022).
27. Salamon L.M., Anheier H.K. Defining the nonprofit sector: A cross-national analysis. – Manchester : Manchester university press, 1997. – 526 p.
28. Social and solidarity economy: Building a common understanding. The Reader 2010 / *Social and solidarity economy academy, International training centre of the International Labour Organization*. – Turin, 2010. – 90 p.
29. Social enterprise in Western Europe: Theory, models and practice / Ed. by J. Defourny, M. Nyssens. – New York : Routledge, 2021. – xx, 363 p.

30. Social enterprises and their ecosystems in Europe. Comparative synthesis report / C. Borzaga, G. Galera, B. Franchini, S. Chiomento, R. Nogales, Ch. Carini ; European Commission. – Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2020. – 190 p. – URL: <https://euricse.eu/social-enterprises-and-their-ecosystems-in-europe-mapping-study/> (дата обращения: 18.07.2022).
31. The third sector as a renewable resource for Europe: Concepts, impacts, challenges and opportunities / Enjolras B., Salamon L.M., Sivesind K.H., Zimmer A. – Cham, 2018. – xv, 196 p.
32. Weerawardene J., Mort G. Investigating social entrepreneurship: A multidimensional model // J. of world business. – 2006. – Vol. 41. – P. 21–35.

Статья получена: 18.06.2022

Одобрена к публикации: 07.07.2022

УДК 327:323.21

doi: 10.31249/espr/2022.03.02

И.А. Чувычкина*

СТРАТЕГИЯ ЕС В ОТНОШЕНИИ ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Европейский союз признает ценность третьего сектора общества и рассматривает его как связующее звено между населением и наднациональными органами. Взаимодействие с организациями гражданского общества позволяет укрепить легитимность союза и обеспечить ему общественное доверие. В статье рассматривается организационная структура европейского гражданского общества, а также основные вызовы, стоящие перед ним до и во время пандемии. Особое внимание уделено финансовым инструментам и механизмам взаимодействия европейских институтов с некоммерческими организациями. В фокусе также находятся перспективы и меры по дальнейшему развитию третьего сектора в ЕС.

Ключевые слова: ЕС; третий сектор; организации гражданского общества; коронакризис; финансирование; стратегия развития.

Для цитирования: Чувычкина И.А. Стратегия ЕС в отношении третьего сектора: проблемы и перспективы // Экономические и социальные проблемы России. – 2022. – № 3. – С. 37–51.

I.A. Chuvyckina

EU strategy for the third sector: problems and outlook

Abstract. The European Union recognizes the value of the third sector and considers it as a connecting link between citizens and supranational authorities. Interaction with civil society organizations allows it to strengthen the legitimacy of the Union and secure its public trust. The article examines the organizational structure of European civil society, as well as the main challenges facing it before and during the pandemic. Particular attention is paid to financial instruments and mechanisms of interaction between European institutions and non-profit organizations. The focus is also on the prospects and measures for the further development of the EU third sector.

* **Чувычкина Инна Александровна**, научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: chuvyckina@yandex.ru

Chuvyckina Inna, Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Keywords: EU; third sector; civil society organisations; coronacrisis; funding; development strategy.

For citation: Chuvychkina I.A. EU strategy for the third sector: problems and outlook // Economic and Social Problems of Russia. – 2022. – N 3. – P. 37–51.

Введение

Европейское гражданское общество представляет собой формальные неправительственные организации, нормативную базу и идеологическую сферу, образуя тем самым основу для коллективных проектов и проявлений солидарности в рамках установленных процедур и институтов управления в многоуровневой системе ЕС. В контексте данной статьи термин «организации гражданского общества» (ОГО) включает в себя более широкий круг акторов: зарегистрированные неправительственные организации (НПО), волонтерские и общественные организации, незарегистрированные группы, сети и отдельные активисты, занимающиеся социальной и гражданской деятельностью [Доклад о состоянии гражданского ... , 2021, с. 90].

Европеизация гражданского общества подразумевает формирование коллективной идентичности и общих ценностей в странах ЕС. При этом, являясь инструментом «хорошего управления» (good governance), гражданское общество также предоставляет экспертные знания и повышает легитимность институтов ЕС, содействует позитивной интеграции¹ за рамками границ национальных государств – на уровне европейского сообщества [Liebert, Trenz, 2011, p. 4–6]. Заинтересованность ЕС в развитии ОГО обуславливается политикой наднациональных органов по сокращению дистанции между обществами стран-членов и органами ЕС, что способствует смягчению критики евроинтеграции и восприятия ее в качестве элитарного проекта [Johansson, Lee, 2014, p. 407]. В своем стремлении создать европейское гражданское общество ЕС стимулирует формирование субъектов гражданского общества на уровне ЕС, а также предоставляет финансирование ОГО и возможности для доступа и консультаций с институтами ЕС.

Однако встает вопрос: придавая особое значение третьему сектору при формировании и проведении своей политики, насколько ЕС преуспел в развитии европейского гражданского общества и насколько эффективны разработанные и используемые для этого инструменты. Многие проблемы современного общества обострились в результате пандемии коронавируса, которая затронула и продолжает оказывать свое влияние на все стороны жизни. В связи с этим изучение адаптации европейских ОГО к экзоген-

¹ Позитивная интеграция подразумевает создание общего суверенитета путем модификации существующих институтов и организации новых для сглаживания регионального и другого неравенства.

ному шоку и мер их поддержки ЕС во время коронакризиса представляется актуальным, как и анализ вызовов, перед которыми оказалась политика ЕС в области развития третьего сектора в Европе. Поиску ответов на поставленные вопросы посвящена настоящая работа.

Европейские организации гражданского общества

Организационная структура гражданского общества ЕС является сложной и многоуровневой. Выделяются три основных уровня: отдельные организации гражданского общества на уровне ЕС, различные платформы ОГО и мета-сети ОГО [Johansson, Kalm, 2015, p. 4].

Первый уровень представляет собой определенную группу организаций, расположенных в Брюсселе или иногда непосредственно в государствах – членах ЕС. Имея различные цели, ресурсы и условия, они получают финансирование в основном от ЕС. Помимо них, к этому уровню относятся менее устоявшиеся в структурном плане организации, функционирующие в рамках слабо связанной сети акторов. Они также участвуют в дискуссиях и дебатах на уровне ЕС, стремясь донести свою точку зрения как до институтов ЕС, так и до других ОГО.

В целом сфера деятельности ОГО на данном уровне включает в себя проведение профессиональных кампаний, организацию конференций, написание документов с изложением позиций представляемых ими групп граждан по той или иной проблематике (права человека, экология, изменение климата и т.д.) и реализацию проектов. Помимо этого, являясь своеобразным буфером обмена информацией, они передают странам-членам сведения о развитии политики ЕС и осуществляют их обратную связь с европейскими наднациональными органами.

Второй уровень представлен разнообразными платформами ОГО, объединенными на уровне ЕС по определенным темам. В тех случаях, когда деятельность ОГО формализована в рамках той или иной платформы, она тоже в основном финансируется структурами ЕС. Одним из ярких примеров такой платформы является Concord Europe (Европейская конфедерация НПО по оказанию помощи и развитию или European Confederation of Relief and Development NGOs), которая объединяет 2600 ОГО по всей Европе и выступает основным посредником между НПО и институтами ЕС по вопросам политики развития.

Третий уровень включает в себя мета-сети ОГО, представляющие собой разного рода механизмы, направленные на сближение платформ ОГО в еще более широких формах сотрудничества и диалога. Сотрудничество здесь, как правило, менее структурировано, чем на платформах ОГО. Одним из таких механизмов, к примеру, является Контактная группа гражданского общества (Civil Society Contact Group), объединяющая местный, региональный, национальный уровень с европейским (в общей сложности восемь крупных секторов НПО) и представляющая широкий спектр

организованных интересов (социальная сфера, окружающая среда, проблемы развития и прав человека) [Johansson, Kalm, 2015, p. 4–6].

Важно отметить, что европейское гражданское общество изначально неоднородно – в силу формирования под воздействием различных политических, экономических, исторических, социальных и культурных факторов в границах национальных государств. В рамках третьего сектора выделяются пять различных моделей функционирования гражданского общества: традиционная модель, либеральная модель, партнерство в сфере благосостояния населения (данная модель представлена в основном в западноевропейских странах), социально-демократическая модель (страны Северной Европы) и модель статичного развития (страны Центральной и Восточной Европы) [Salamon, Sokolowski, Haddock, 2017]. В традиционной модели и в модели статичного развития роль третьего сектора незначительна, а население во многом полагается на государственную поддержку. При этом общественные организации характеризуются недостаточным уровнем профессионализма, не располагают необходимыми ресурсами и не пользуются массовой поддержкой среди граждан [НКО в Восточной Европе ... , 2015]. В либеральной, социально-демократической модели и модели партнерства в сфере благосостояния населения масштаб третьего сектора больше. Однако объем правительственной поддержки деятельности некоммерческих организаций высок только в модели партнерства в сфере благосостояния населения. В двух остальных моделях он сохраняется на среднем уровне [Тарасенко, 2015, с. 86]. В зависимости от модели гражданского общества его уровень адаптации к экзогенным шокам существенно различается, что предполагает различные стратегии преодоления их последствий.

Данные по ключевым элементам третьего сектора (численность, состав и среднегодовой прирост активной рабочей силы; источники дохода; организационная структура) в Европейском союзе носят весьма общий характер и являются крайне неполными. Содержательная и стандартизированная статистическая информация доступна не по всем странам, а использование разных, принятых в тех или иных странах – членах ЕС подходов к определению третьего сектора затрудняет выстраивание общей картины. Тем не менее многие европейские страны активно разрабатывают стандарты и механизмы сбора и представления (методологию обработки) данных о своем некоммерческом секторе, чтобы подчеркнуть его роль, которая часто скрыта в статистике других секторов и поэтому остается невидимой.

К примеру, статистическое агентство Польши собирает обширный массив статистических данных о некоммерческих организациях, внедрив руководство Международной организации труда (МОТ) по измерению волонтерской работы. Португальский национальный институт статистики также формирует экономические данные третьего сектора на основе руководства МОТ. Нидерланды включили определенный круг вопросов о во-

лонтерской работе в масштабное исследование рабочей силы страны [A Statistical Revolution ... , 2015].

По наиболее приближенным данным на 2014 г., в третьем секторе 28 стран ЕС и Норвегии в совокупности было занято около 28,3 млн работников на полной ставке. Таким образом, на третий сектор приходилось почти 13% европейской рабочей силы. При этом более 16 млн человек или 55% от всех занятых в секторе составляли добровольцы, вовлеченные в работу гражданского сектора [Salamon, Sokolowski, 2016, p. 8].

Организации гражданского общества полагаются на финансирование и доходы из различных источников, включая государственный бюджет (наднационального, национального, регионального и местного уровня), поступления от международных организаций, индивидуальных доноров, фондов и благотворительных организаций, корпораций, а также используют средства, которые получают от собственной деятельности, приносящей доход. Однако, как показывает исследование Агентства ЕС по основным правам (European Union Agency for Fundamental Rights), имеющиеся данные о государственном финансировании ОГО несопоставимы между государствами-членами, так как они не проводят различия между финансированием для внутренних и внешних (на уровне ЕС) целей. Кроме того, сопоставление данных затрудняет различия в юридических определениях неправительственных организаций или организаций гражданского общества в государствах-членах или вообще их отсутствие, как в случае Кипра и Люксембурга [Challenges facing civil ... , 2017, p. 29].

По наиболее общим оценкам, в структуре доходов европейского третьего сектора на благотворительные пожертвования от частных лиц, фондов и корпораций приходится в среднем около 11% от общего дохода; 57% дохода составляют частные платежи за товары и услуги, членские взносы и доход от инвестиций. Около 34% доходов обеспечивает государственная поддержка, включающая в себя гранты, контракты и компенсацию за услуги, оказанные в таких областях, как здравоохранение или образование [Salamon, Sokolowski, 2016, p. 10–11].

Структуры ЕС являются одним из ключевых акторов в развитии третьего сектора в Европе. Многие институты ЕС, такие как Европейский парламент, различные директораты Европейской комиссии и Совет ЕС, на протяжении последних лет стремятся устанавливать тесные связи с организациями гражданского общества и их представителями. Одним из основных инструментов влияния на развитие сектора является выделение финансовой поддержки в форме грантов и контрактов. Как было отмечено выше, финансирование со стороны национальных правительств представляет важный источник дохода для третьего сектора в Европе. Однако для Восточной Европы и южно-европейских стран финансовые поступления от ЕС в сферу социальных услуг, здравоохранения и образования имеют более существенное значение (в свете их недостаточного финансирования национальными бюджетами). Поэтому направления деятельности неком-

мерческого сектора, которые ЕС определил приоритетными в своей политике развития гражданского общества, демонстрируют в регионе наибольший рост [Zimmer, Pahl, 2016, p. 16].

Программы Евросоюза по финансированию ОГО в период 2014–2020 гг. предусматривали выделение средств непосредственно из бюджета ЕС (в форме грантов) и охватывали приоритеты, направленные на содействие реализации общеевропейской политики. Так, общий бюджет программы «Европа для граждан» (Europe for Citizens), основной целью которой было создание условий для гражданского участия и взаимодействия на уровне ЕС, составил 187,7 млрд евро. Финансирование инициативы «Творческая Европа» (Creative Europe) в размере 1,46 млрд евро позволило некоммерческим организациям получить помощь на проекты европейского масштаба, направленные на трансграничный обмен культурным контентом [Programming period 2014–2020, 2014]. В рамках программы «Помощь волонтерам ЕС» (EU Aid Volunteers), на реализацию которой было выделено 141 млн евро, осуществлялось совершенствование навыков, знаний и компетенций волонтеров, а также укреплялся потенциал ЕС по оказанию гуманитарной помощи [European Solidarity Corps ... , 2021].

Однако финансирование структурами ЕС инициатив организаций гражданского общества связано с определенными ограничениями и барьерами. Так, рассмотрение заявок на европейское финансирование представляет собой чрезвычайно конкурентный процесс, в рамках которого тысячи организаций со всей Европы соперничают между собой. Несмотря на кажущийся большой бюджет, доступное финансирование для ОГО при его распределении на самом деле относительно невелико. Это происходит потому, что большая часть финансирования ЕС предназначена для новых проектов и инициатив, а не для продолжения начатых [Characteristics of EU Funding, 2022]. Кроме того, операционные расходы ОГО, составляющие значимую долю затрат (аренда офисов, оплата коммунальных услуг, канцелярские расходы и т.д.), не покрываются из фондов ЕС.

Финансирование ЕС во многом остается предвзятым в силу того, что средства идут в первую очередь более крупным организациям, которые в состоянии выполнить обременительные требования грантов ЕС в отношении подачи заявок, мониторинга и оценки [Zimmer, Pahl, 2018, p. 133]. Программы ЕС остаются труднодоступными для малых организаций и не охватывают все виды деятельности, осуществляемые ОГО (например, участие в судебных разбирательствах), и могут иметь определенные географические ограничения или ограничения по видам деятельности.

Помимо этого, европейские гранты зачастую не сосредоточены на реальных потребностях ОГО и сообществ, которые они поддерживают. Большое административное бремя, отсутствие гибкости и сложность процесса распределения средств также снижают возможности получения финансирования ЕС организациями гражданского общества [An EU Strategy ... , 2022, p. 4]. Стоит отметить, что одновременно в ЕС отсутст-

вует благоприятная налоговая база, предусматривающая снижение НДС и введение налогового возмещения для организаций третьего сектора [Barriers – Policy recommendations ...].

Европейский третий сектор во время коронакризиса

В предпандемийный период основные проблемы и вызовы, с которыми сталкивались ОГО на национальном и общеевропейском уровнях, касались таких направлений, как демографические изменения, восстановление после долгового кризиса в еврозоне, расширение цифровизации, распространение популизма и сужение пространства для действий гражданского общества [The future evolution ... , 2017, p. 10].

Общая европейская проблема старения населения сказывается на секторе ОГО в связи с увеличением возраста руководства, участников и волонтеров. Это напрямую влияет на потенциал ОГО реализовывать инновации и способности использовать современные технологии сбора средств, защиты интересов, связи с общественностью и т.д., что приводит к потере влияния и общественного имиджа.

В ходе финансово-экономического кризиса в еврозоне 2008 – начала 2010 г. ОГО столкнулись с сокращением государственного финансирования, последствия которого негативно повлияли на развитие третьего сектора в последующее десятилетие. ОГО были вынуждены реагировать на сложившуюся ситуацию разработкой новых бизнес-моделей, рационализацией и повышением профессионализма, обращением к нетворкингу¹ и проведению совместных кампаний, а также диверсификацией источников финансирования. Все это потребовало решение проблем, связанных с увеличением временных, трудовых и финансовых затрат.

Помимо этого, в результате цифровизации и усиления новых видов средств массовой информации, а также развития социальных сетей потребность во взаимодействии с ОГО у официальных структур существенно уменьшается. Раньше ОГО были незаменимыми посредниками в консультационном процессе между различными институтами и гражданами. Сейчас эта их роль неуклонно снижается, а сам консультационный процесс становится более широким, но менее глубоким. ОГО сталкиваются с вызовом формирования новых рамок взаимодействия, в которых цифровые технологии дополняют непосредственное общение. К тому же для ОГО сокращается потенциал волонтерства, так как благодаря современным видам коммуникаций люди все чаще могут организовываться и быстро получать поддержку для достижения конкретных целей и удовлетворения своих потребностей без взаимодействия с ними.

Проявление популизма и евроскептицизма ставит под сомнение европейские ценности, что также отражается на европейских ОГО. Дове-

¹ То есть создание и расширение сети полезных знакомств. – *Прим. ред.*

рие к ним постоянно подвергается сомнению со стороны властей. Давление на ОГО выражается в виде сокращения средств на защиту интересов граждан или даже ограничения их основных прав, особенно свободы собраний и выражения мнений. Сужение пространства для действий гражданского общества проявляется в виде ограничительного законодательства (к примеру, в ограничении получения ОГО иностранного финансирования), влияния официальных структур на деятельность по защите интересов граждан, неправомерного вмешательства государства во внутренние дела ОГО и расширения использования контрольных механизмов [The future evolution ... , 2017].

Коронакризис оказал значительное и во многом трансформирующее влияние на европейский третий сектор, усилив при этом воздействие вызовов, стоящих перед ним в предпандемийный период. В целом основные трудности для деятельности и миссии ОГО в период пандемии связаны со скачкообразным переходом к удаленной работе и разной степенью готовности ОГО адаптироваться к ней (в зависимости от их размера, структуры и типов предлагаемых услуг). При этом наиболее остро проявилась проблема низкой цифровой грамотности работников ОГО и пользователей их услуг, а также отсутствие соответствующих цифровых инструментов, оборудования и инфраструктуры. Внезапный рост спроса на услуги некоторых организаций (поставка продуктов питания и защитных средств, оказание медицинских и социальных услуг) сдерживался ограничительными мерами и сбоями в логистике [The response of civil ... , 2021, p. vi].

В период пандемии многие ОГО оказались неспособными собрать прежние объемы средств. Согласно исследованию Европейской фандрайзинговой ассоциации (The European Fundraising Association), в 2020 г. сократился по отношению к предыдущему году общий доход у 62% опрошенных ОГО; снизились доходы от оказания услуг по социальному договору у 35% ОГО; 34% организаций получили меньше средств в виде пожертвований от частных лиц и доноров [The impact of Covid-19 ... , 2020]. Тем не менее в страновом разрезе картина не так однозначна. Некоммерческие организации, к примеру, в Италии, Испании и Великобритании столкнулись с падением индивидуальных пожертвований (по сумме и количеству), а в Германии произошло их увеличение. Это связано, прежде всего, с разными преобладающими моделями гражданского общества, о которых шла речь выше. В Германии, где распространенной моделью гражданского общества является партнерство в сфере благосостояния населения, – сформировался принцип субсидиарности, предусматривающий ответственность местных объединений (церковные общины, коммуны, организации соседей и других социальных групп) в решении социальных проблем [Тарасенко, 2015, с. 87]. Именно поддержка на местном уровне способствовала сохранению высокого уровня привлечения частных пожертвований.

В то время как половина (52%) респондентов в рамках исследования Европейской фандрайзинговой ассоциации заявили, что количество их сотрудников осталось прежним, более трети респондентов (34%) отметили сокращение количества сотрудников и 35% – волонтеров; 53% респондентов переместили предоставление своих услуг на онлайн и цифровые каналы, а также на канал телефонной связи. При этом более двух третей респондентов (67%) заявили, что им пришлось отменить мероприятия по сбору средств, а 41% опрошенных организаций обратились с призывом об оказании экстренной финансовой помощи. К тому же 9% респондентов заявили, что сбор средств в это время был невозможен. Стоит также отметить, что только 11% участвовавших в опросе ОГО полагают, что их стратегия по сбору средств останется неизменной, в то время как 62% выразили готовность больше использовать для привлечения финансирования цифровые каналы, а 56% намерены диверсифицировать стратегию и каналы сбора средств [The impact of Covid-19 ... , 2020].

Коронакризис выявил критическую необходимость цифровой трансформации ОГО. Некоторым из них пришлось адаптировать свое предложение, сократить или даже прекратить работу своих программ. Адаптационная стратегия при этом включала в себя развитие дистанционного обучения, проведения тренингов, предоставление консультаций и информации в режиме онлайн и по телефону.

Пандемия также усугубила существующую проблему с сужением пространства для действий гражданского общества. Многие организации гражданского общества в 2021 г. отмечали, что ситуация в данной области значительно ухудшилась. В то время как способность общества к мобилизации была ограничена (включая возможность участвовать в публичных дебатах и реализовать право на свободу слова), некоторые правительства воспользовались пандемией для принятия противоречивых законов и дискриминационных мер, не всегда связанных с эпидемиологической обстановкой [Shrinking space for ... , 2022, p. 8].

Стратегия ЕС в отношении организаций гражданского общества

Столкнувшись с многочисленными вызовами коронакризиса, европейские платформы ОГО обратились за поддержкой к институтам ЕС. Так, одна группа европейских платформ направила письмо комиссару ЕС по бюджету и административным вопросам с просьбой обеспечить большую гибкость в перераспределении ресурсов в пользу ОГО, что позволило бы им продолжать выполнять свою основную миссию. Их предложения касались пересмотра и частичной переориентации запланированных мероприятий во время локдауна. Помимо этого, было предложено отменить или значительно сократить размер требования о софинансировании для опера-

ционных грантов¹. Многим ОГО стало сложно выполнить данное требование в силу снижения доходов софинансирующих организаций, которые также пострадали от кризиса и карантинных мер [Letter to Commissioner Hahn ... , 2020]. Европейская платформа Civil Society Europe совместно с другими 52 платформами ОГО направила письмо в Европейскую комиссию, Европейский совет и Европейский парламент с просьбой о безотлагательной поддержке не только коммерческих секторов экономики, но также и сектора гражданского общества [Europe's recovery ... , 2020]. Другая европейская платформа SDG Watch Europe призвала к тому, чтобы и без того скудное государственное финансирование гражданского общества было исключено из любых бюджетных сокращений [EU COVID-19 recovery ... , 2020].

В 2020 г. в ЕС была принята многолетняя финансовая рамочная программа (Multiannual Financial Framework) на 2021–2027 гг., направленная на всестороннее восстановление европейской экономики. Если предыдущий бюджет ЕС на период 2014–2020 гг. составлял 960 млрд евро, то в бюджете на следующие семь лет предусмотрена сумма в размере 1,8 трлн евро (вместе с программой восстановления NextGenerationEU). Программа финансирования ЕС на новый период предполагает среди прочего выделение средств для поддержания инициатив гражданского общества. К примеру, предусматривается продление инициативы «Творческая Европа» (Creative Europe) с возросшим финансированием, которое достигло 2,44 млрд евро. Реализация инициативы «Граждане, равенство, права и ценности» (Citizens, Equality, Rights and Values) имеет бюджет в 1,56 млрд евро и направлена на поддержание и дальнейшее развитие прав и ценностей ЕС. В рамках программы «Европейский корпус солидарности» (European Solidarity Corps) выделяются средства в размере 1,01 млрд евро на поддержку волонтерства, гуманитарную помощь и проекты, направленные на укрепление европейской солидарности [EU programmes and funds ... , 2021].

В целом ЕС признает значимую роль ОГО в процессе преодоления последствий пандемии коронавируса и в повышении устойчивости экономики и общества. При этом считается, что участие гражданского общества в принятии решений в постпандемийное время необходимо больше, чем когда-либо, так как именно оно является катализатором социальных инноваций и приводит к появлению новых инициатив, структур, продуктов, услуг и методов работы.

Вместе с тем указывается, что нынешняя и будущая способность ОГО реагировать на возникающие в обществе потребности находится под угрозой из-за часто скудного и неустойчивого финансирования [EESC proposals for ... , 2020]. Отмечается, что ЕС должен устранить препятствия для трансграничных пожертвований, скоординировав налоговое зако-

¹ 20% от заявленной суммы необходимого финансирования должно покрываться заявителем за счет привлечения средств от частных доноров, сбора средств, пожертвований и собственных доходов, тогда как 80% покрывается грантом.

нодательство и процедуры, а также инвестировать в благотворительность по всей территории союза. В ближайшие годы предусмотрено улучшение доступа к финансовым источникам для малых ОГО благодаря созданию различных механизмов финансирования и упрощения административных формальностей, обучения и совершенствования регламентаций по выполнению контрактов и финансовых обязательств [Financing of Civil Society ... , 2017]. Однако, несмотря на принятую обширную финансовую рамочную программу, сложность процедур выделения финансирования в ЕС продолжает оказывать свое сдерживающее воздействие на развитие европейских ОГО.

Помимо этого, остро стоит необходимость разработки всеобъемлющей стратегии поддержки гражданского общества Европейской комиссией. Многие организации гражданского общества рассматривают ЕС не только как источник финансирования их деятельности, но и в качестве политического актора, способного создать благоприятную среду для устойчивого функционирования. Европейская стратегия должна закрепить позицию ЕС по отношению к ОГО и их функциям, с какой целью и как официальные структуры будут взаимодействовать с гражданским обществом, какие инструменты существуют или будут разработаны для противодействия сужению пространства гражданского взаимодействия, а также как ЕС будет стимулировать государства-члены к осуществлению аналогичных мер на национальном уровне.

К тому же ключевые формы ОГО (ассоциации и фонды) по-прежнему регулируются по-разному национальными законодательствами. Стратегия должна создать правовые инструменты, обеспечивающие международную деятельность и трансграничное перемещение ОГО в пределах ЕС. Это требует юридического признания ОГО во всех государствах-членах (а не только в стране их происхождения и локализации) с целью избежать угрозы преследований или правовых ограничений, особенно в странах с высоким уровнем популизма и евроскептицизма [Recommendations for a Comprehensive ... , 2022].

300 ОГО по всей Европе в июне 2022 г. призвали Европейскую комиссию разработать европейскую стратегию гражданского общества. В заявлении указано, что и на уровне ЕС, и на национальном уровне должна проводиться одинаковая стратегия в отношении открытого гражданского пространства и устойчивого гражданского общества. Достижение этого видится путем обеспечения мониторинга и поддержки ОГО, заполнения пробелов в защите их прав и интересов, а также за счет создания четкой связи инструментов мониторинга и отчетности с правоприменительными механизмами ЕС для обоснования последующих действий [Open Letter ... , 2022].

Существует также потребность в улучшении структуры взаимодействия ЕС с гражданским обществом. Некоторые европейские ОГО не вовлечены в консультационный процесс с наднациональными органами.

Это может быть вызвано отсутствием соответствующей информации, ограниченными финансовыми или человеческими ресурсами ОГО, нехваткой опыта или навыков агрегации и артикуляции интересов представляемых ими социальных групп. В качестве решения данной проблемы предлагается разработать меры для расширения числа ОГО, участвующих в диалоге с наднациональными органами, и облегчить доступ для них к процессам принятия решений и институтам ЕС. Минимальное представительство также связано с отсутствием координации между субъектами гражданского общества. Поэтому усилия ЕС должны быть направлены и на выстраивание каналов коммуникации и координации в масштабах всего сектора [Pornschnlel, 2020, p. 7].

Третий сектор Европы в настоящее время сталкивается с проблемами, которые требуют значительных усилий по адаптации, что отчетливо продемонстрировал коронакризис. ОГО необходимо научиться ориентироваться в быстро меняющихся глобальных условиях и оперативно принимать меры в экстренных ситуациях. Вместе с тем ОГО должны приспособить свои финансовые структуры к экономическим спадам, изменению политического и нормативного контекста, а также быть в состоянии подстроиться к меняющимся финансовым стратегиям партнеров.

В связи с этим гражданскому обществу требуются адекватные навыки и компетенции активистов в плане увеличения потенциала организаций и создания коалиций. Усилия ЕС должны быть направлены на проведение регулярных программ обучения и поощрение ОГО к обмену информацией, относящейся к соответствующим областям. Кроме того, ЕС следует способствовать более активному международному обмену опытом и лучшими практиками между субъектами гражданского общества, чтобы они могли придать интернациональный характер своей деятельности и лучше понимать проблемы в других государствах-членах [Pornschnlel, 2020, p. 10].

Заключение

Пандемия коронавируса усилила старые и привела к появлению новых вызовов, стоящих перед ОГО в европейских странах, а также повлияла на механизмы функционирования третьего сектора в регионе. Несмотря на трудности, некоммерческие организации продолжают выполнять свою миссию и оказывать помощь, особенно в предоставлении базовых медицинских и социальных услуг. Многие акторы третьего сектора проявили значительную гибкость и адаптировались к изменившимся внешним условиям. Так, пандемия изменила методы работы большинства ОГО: они сконцентрировались на предоставлении услуг онлайн и повысили общий уровень цифровизации в данном секторе. В то же время серьезные последствия борьбы с пандемией увеличили потребность ОГО в поддержке со стороны ЕС, особенно в виде финансовой помощи. Наиболее важные направления финансирования инициатив гражданского общества были зафиксированы

в рамочной программе ЕС на период 2021–2027 гг. Наднациональные институты обладают и другими возможностями для защиты гражданского общества и одновременно могут оказывать политическое и финансовое давление на правительства, ограничивающие условия его деятельности.

Тем не менее, как показывает анализ, правовая база ЕС в области поддержки структур третьего сектора не до конца сформирована. В частности, нуждаются в значительной доработке условия функционирования ОГО в общем пространстве ЕС. Остро стоит вопрос разработки всеобъемлющей стратегии поддержки гражданского общества, которая включала бы инструменты и механизмы взаимодействия официальных структур с ОГО.

Наиболее значимым вызовом для третьего сектора региона стало существенное сокращение финансовых возможностей, связанное с падением доходов от оказания услуг и снижением пожертвований. Система финансирования ЕС остается высоко бюрократизированной, не обеспечивает гибкое и доступное финансирование для ОГО. Сохраняющиеся барьеры доступа к финансированию ЕС особенно негативно сказываются на деятельности малых некоммерческих организаций. В перспективе перед ЕС стоит задача разработать новые правила поддержки организаций гражданского общества и сделать доступ для них к финансовой помощи более открытым и прозрачным.

Список литературы

1. Доклад о состоянии гражданского общества в ЕС и России / Гражданский форум ЕС-Россия. – 2021. – 111 p. – URL: https://eu-russia-csf.org/wp-content/uploads/2021/08/20210822_EU-Russia-Report2020_RU.pdf (дата обращения: 30.05.2022).
2. НКО в Восточной Европе не стали серьезной силой // IQ HSE. – 2015. – URL: <https://iq.hse.ru/news/177665953.html> (дата обращения: 30.05.2022).
3. Тарасенко А. Некоммерческий сектор в странах Европейского Союза и России в контексте трансформации государства благосостояния. – Санкт-Петербург : Норма. – 2015. – 224 с. – URL: https://eusp.org/sites/default/files/archive/M_center/Nekommercheskiy_sektor_v_stranakh_ES_i_Rossii.pdf (дата обращения: 30.05.2022).
4. A Statistical Revolution in Data on the Third Sector in Europe / Third Sector Impact. – 2015. – 04.06. – 2 p. – URL: https://thirdsectorimpact.eu/site/assets/uploads/post/a-statistical-revolution-in-data-on-the-third-sector-in-europe/TSI_PressRelease_No4_StatisticalRevolutionUnderWay.pdf (дата обращения: 30.05.2022).
5. An EU Strategy for Civil Society: Recognition, Inclusion and Protection / Recharging Advocacy for Rights in Europe (RARE). – 2022. – 9 p. – URL: https://www.stiftung-mercator.de/content/uploads/2022/05/RARE_An_EU_Strategy_for_Civil_Society_advocacy_brief_March2022_1_.pdf (дата обращения: 30.05.2022).
6. Barriers – Policy recommendations to remove barriers for third sector development / Third Sector Impact. – Б/г. – URL: <https://thirdsectorimpact.eu/consultations/policy-recommendations-to-remove-barriers-for-third-sector-development/> (дата обращения: 30.05.2022).

7. Challenges facing civil society organisations working on human rights in the EU / European Union Agency for Fundamental Rights. – 2017. – 57 p. – URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/fra-2018-challenges-facing-civil-society_en.pdf (дата обращения: 30.05.2022).
8. Characteristics of EU Funding // Access Europe. – 2022. – URL: <https://www.access-europe.ie/funding-guides/characteristics-of-eu-funding> (дата обращения: 30.05.2022).
9. EESC proposals for post-COVID-19 crisis reconstruction and recovery: “The EU must be guided by the principle of being considered a community of common destiny” / European Economic and Social Committee. – 2020. – 11.06. – URL: <https://www.eesc.europa.eu/en/documents/resolution/eesc-proposals-post-covid-19-crisis-reconstruction-and-recovery-eu-must-be-guided-principle-being-considered-community#downloads> (дата обращения: 30.05.2022).
10. EU COVID-19 recovery plan must lead the way towards Sustainable, Green and Inclusive Economies and Societies / SDG Watch Europe. – 2020. – 6 p. – URL: <https://www.sdgwatcheurope.org/documents/2020/06/covid-19-statement-sdg-we-final.pdf/> (дата обращения: 30.05.2022).
11. EU programmes and funds financed from the EU budget and NextGenerationEU / European Commission. – 2021. – URL: https://ec.europa.eu/info/funding-tenders/find-funding/eu-funding-programmes_en (дата обращения: 30.05.2022).
12. Europe’s recovery after the pandemic and Civil Society / Civil Society Europe. – 2020. – 18.06. – URL: <https://civilsocietyeurope.eu/europes-recovery-after-the-pandemic-and-civil-society/> (дата обращения: 30.05.2022).
13. European Solidarity Corps – Performance / European Commission. – 2021. – URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/eu-budget/performance-and-reporting/programme-performance-overview/european-solidarity-corps-performance_en (дата обращения: 30.05.2022).
14. Financing of Civil Society Organisations by the EU / European Economic and Social Committee. – 2017. – URL: <https://webapi2016.eesc.europa.eu/v1/documents/EESC-2017-01953-00-01-AC-TRA-EN.docx/pdf> (дата обращения: 30.05.2022).
15. Johansson H., Kalm S. Thinking Relationally: Questions, Themes and Perspectives for the Study of EU Civil Society / EU Civil Society. Patterns of Cooperation, Competition and Conflict ; Ed. by Johansson H., Kalm S. – London : Palgrave Macmillan. – 2015. – 273 p.
16. Johansson H., Lee J. Bridging the gap: How do EU-Based civil society organisations acquire their internal representation? // *Voluntas: Internat. j. of voluntary and nonprofit organizations*. – 2014. – Vol. 25, Is. 2. – P. 405–424. – URL: <http://www.jstor.org/stable/43654321> (дата обращения: 30.05.2022).
17. Letter to Commissioner Hahn: European equality networks COVID-19 and EU funding – request for flexibility in budgetary regulations for 2020 and 2021 / European Disability Forum. – 2020. – 07.04. – URL: <https://www.edf-feph.org/letter-to-commissioner-hahn-european-equality-networks-covid-19-and-eu-funding-request-for-flexibility-in-budgetary-regulations-for-2020-and-2021/> (дата обращения: 30.05.2022).
18. Liebert U., Trenz H.-J. The “new politics of European civil society”: conceptual, normative and empirical issues // *The new politics of European civil society* / Ed. by Liebert U., Trenz H.-J. – London ; New York : Routledge, 2011. – 242 p.

19. Open Letter: Call for a European Civil Society Strategy / Culture Action Europe. – 2022. – 21.06. – URL: <https://cultureactioneurope.org/news/open-letter-call-for-a-european-civil-society-strategy/> (дата обращения: 30.05.2022).
20. Pornschlegel S. Countering shrinking spaces: Recommendations to support EU civil society / European Policy Centre. – 2020. – 11.06. – 13 p. – URL: https://www.stiftung-mercator.de/content/uploads/2020/12/Countering_shrinking_spaces-1.pdf (дата обращения: 30.05.2022).
21. Programming period 2014–2020 / European Commission. – 2014. – URL: https://www.eacea.ec.europa.eu/grants/2014-2020_en (дата обращения: 30.05.2022).
22. Recommendations for a Comprehensive European Policy and Strategy on Civil Society / Environmental Partnership Association. – 8 p. – URL: <https://www.environmentalpartnership.org/environmentalpartnership.org/files/7f7feecd57-0430-4690-bfd3-f761d56dc54e.pdf> (дата обращения: 30.05.2022).
23. Salamon L.M., Sokolowski S.W., Haddock M.A. Explaining civil society development: A social origins approach. – Baltimore : Johns Hopkins University Press. – 2017. – 231 p.
24. Salamon L.M., Sokolowski W. The Size and Scope of the European Third Sector / Third Sector Impact (TSI). – 2016. – 31 p. – (TSI. Working paper ; N 12). – URL: https://center-forborgerdialog.dk/wp-content/uploads/2017/10/TSI-Working-Paper-12_Size-and-Scope.pdf (дата обращения: 30.05.2022).
25. Shrinking space for civil society in Europe. Resolution 2021/2103(INI) / European Parliament. – 2022. – 08.03. – 16 p. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0056_EN.pdf (дата обращения: 30.05.2022).
26. The future evolution of civil society in the European Union by 2030 / European Economic and Social Committee. – 2017. – 59 p. – URL: https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/files/the_future_evolution_of_civil_society_in_the_eu_by_2030.pdf (дата обращения: 30.05.2022).
27. The impact of Covid-19 on Nonprofits in Europe / European Fundraising Association. – 2020. – 24 p. – URL: https://efa-net.eu/wp-content/uploads/2020/12/Nonprofit_Pulse_Summary_Report_2020.pdf (дата обращения: 30.05.2022).
28. The response of civil society organisations to face the COVID-19 pandemic and the consequent restrictive measures adopted in Europe / European Economic and Social Committee. – 2021. – 144 p. – URL: <https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/files/qe-02-21-011-en-n.pdf> (дата обращения: 30.05.2022).
29. Zimmer A., Pahl B. Barriers to third sector development // The third sector as a renewable resource for Europe / Ed. by Enjolras B., Salamon L.M., Sivesind K.H., Zimmer A. – Cham : Palgrave Macmillan, 2018. – 196 p.
30. Zimmer A., Pahl B. Learning from Europe: Report on third sector enabling and disabling factors / Third Sector Impact (TSI), European Union. – Brussels, 2016. – 28 p. – (TSI, Comparative report ; N 1). – URL: <http://thirdsectorimpact.eu/site/assets/uploads/documentations/comparative-report-learning-europe/TSI-comparative-report-No.-1.pdf> (дата обращения: 30.05.2022).

Статья получена: 28.06.2022

Одобрена к публикации: 05.07.2022

УДК 330.1:332.1
doi: 10.31249/espr/2022.03.03

О.Н. Пряжникова*

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**

Рецензия на книгу:

Social enterprise in Central and Eastern Europe: Theory, models and practice /
Ed. by J. Defourny, M. Nyssens. – New York : Routledge, 2021. – xix, 305 p.

Аннотация. Рецензируемая книга содержит результаты изучения сектора социальных предприятий в странах Центральной и Восточной Европы, а также в России и Грузии, основанного на анализе обширного эмпирического материала. В ходе проведенного исследования авторы смогли типологизировать основные модели социальных предприятий в регионе, выделить факторы, влияющие на развитие сектора, и определить основные проблемы, замедляющие его рост.

Ключевые слова: социальное предприятие; модели социального предприятия; социальная миссия; Центральная и Восточная Европа; Россия; Европейский союз.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Социальное предприятие в Центральной и Восточной Европе. Рецензия на книгу: Social enterprise in Central and Eastern Europe: Theory, models and practice / Ed. by J. Defourny, M. Nyssens // Экономические и социальные проблемы России. – 2022. – № 3. – С. 52–62.

O.N. Pryazhnikova

Social enterprise in Central and Eastern Europe.

The review of the book “Social enterprise in Central and Eastern Europe: Theory, models and practice” / Ed. by J. Defourny, M. Nyssens

Abstract. The book under review contains the results of a study of the social enterprise sector in Central and Eastern Europe countries, as well as Russia and Georgia,

* **Пряжникова Ольга Николаевна**, научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: olga.priazhnikova@inion.ru

Pryazhnikova Olga, Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

based on extensive empirical data. As a result, the authors were able to typologize the key models of social enterprises in the region, highlight the factors influencing the development of the sector, and identify the main problems that slow down its growth.

Keywords: social enterprise; models of social enterprise; social mission; Central and Eastern Europe; Russia; European Union.

For citation: Pryazhnikova O.N. Social enterprise in Central and Eastern Europe. The review of the book “Social enterprise in Central and Eastern Europe: Theory, models and practice” / Ed. by J. Defourny, M. Nyssens // Economic and Social Problems of Russia. – 2022. – N 3. – P. 52–62.

Введение

Монография на английском языке «Социальное предприятие в Центральной и Восточной Европе» представляет собой последний том из четырех книг серии, выпущенной издательством «Рутледж» (Routledge, New York), «Исследования социальных предприятий и социальных инноваций» (Routledge Studies in social enterprise & social innovation), в рамках которой освещаются вопросы партнерских отношений организаций третьего сектора и гражданского общества, предприятий частного сектора и государственных органов. Рассматриваемое исследование проходило под эгидой «Международного проекта сравнительного анализа моделей социальных предприятий (ICSEM project)», запущенного в 2013 г. и посвященного исследованию особенностей социальных предприятий (СП) в странах Азии, Латинской Америки, Западной, Центральной и Восточной Европы. За восемь лет в проекте приняли участие 230 исследователей из 55 стран мира, что позволило зафиксировать и проанализировать разнообразные модели СП и их экосистем.

В последние несколько десятилетий в научной литературе центральной проблемой, связанной с исследованиями СП, стала выработка концептуального определения феномена СП, социального предпринимательства и социального предпринимателя – понятий, часто рассматриваемых как грани одного и того же явления. В рамках идущих дискуссий можно выделить следующие формулировки отличительных черт СП: поиск рыночного дохода в рамках некоммерческих организаций, ориентация на социальную миссию, приоритет социальных целей, реализация социальных инноваций. Вместе с тем следует отметить, что окончательного консенсуса по определению СП на настоящий момент не существует, и в целом признается, что сфера СП слишком обширна и диверсифицирована, чтобы ее можно было охватить единым определением.

В этих условиях основной целью рассматриваемого исследования стал акцент не на попытку дать всеобъемлющее определение СП, а на то, чтобы связывать существующие наработки по концептуализации понятия с огромным разнообразием СП, действующих на практике. В широком смысле, исследовательская стратегия опиралась на подход «снизу

вверх», заключающийся в проведении эмпирических опросов. Такой метод позволил на основе статистических данных выделить типы моделей СП и рассмотреть феномен СП в национальных контекстах. В определенной степени это стало продолжением и углублением ряда предыдущих исследований отдельных видов европейских СП, проводимых, в частности, «Исследовательской сетью социального предприятия» (Emergence de l'Entreprise Sociale или EMES).

Книга состоит из двух частей. Первая часть посвящена обзору национальных особенностей СП, функционирующих в Болгарии, Хорватии, Чешской Республике, Грузии, Венгрии, Латвии, Литве, Польше, Румынии, России и Словакии. Во второй части представлен сравнительный анализ СП в странах региона и отражены перспективы сектора СП в Центральной и Восточной Европе.

Особенности генезиса современных социальных предприятий в странах Центральной и Восточной Европы

Авторы отмечают уникальность региона Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), объединяющего страны с очень разнообразными особенностями, что отличает его от других регионов и формирует специфику ландшафта СП. Вместе с тем все рассматриваемые страны в XX в. существовали в рамках социалистического уклада, что позволяет исследователям выделить ряд схожих факторов, влияющих на развитие СП.

Во-первых, хотя в странах ЦВЕ и существовали различные проявления гражданского общества, но в эпоху государственного социализма на протяжении нескольких десятилетий были ограничены возможности существования тех форм организаций, которые можно было бы считать СП: социальные кооперативы, ассоциации, благотворительные фонды, центры по социальной интеграции, фонды взаимной помощи и общественные компании. Анализ истории волонтерских и благотворительных организаций в Польше, Венгрии, Хорватии и Чехии, связанных с проявлением гражданского общества, которые существовали в досоциалистический период, при социализме были упразднены или контролировались государством (р. 211).

Это касается в первую очередь церковных и других религиозных организаций, которые были одними из самых важных акторов в сфере предоставления социальных услуг в досоциалистический период, а при социалистическом режиме деятельность этих организаций если и продолжалась, то была сведена к минимуму. В настоящий момент в целом роль церкви в странах региона возрождена, но ее роль в предоставлении социальных услуг и в секторе СП не увеличилась пропорционально ее восстановившемуся в обществе влиянию.

Второй значимый исторически возникший негативный эффект касается роли кооперативов и отношения к ним. В досоциалистический период

они были достаточно развиты в рассматриваемых странах и играли ключевую роль в социально-экономическом развитии местных сообществ. Однако, по мнению авторов, жесткий государственный контроль и инструментализация кооперативов, имевшие место при социалистическом режиме, способствовали серьезному подрыву кооперативного движения в Польше, Венгрии, Хорватии и Чехии. В результате до сих пор в сознании граждан с кооперативами связаны негативные социальные коннотации, что препятствует возрождению этого сектора (р. 211).

Во-вторых, ключевым фактором, определяющим особенности развития СП в странах ЦВЕ, является доминирование в этих странах дискурса о «переходном периоде», который в основном порождает политику, делающую ставку прежде всего на создание свободного рынка и игнорирующую ценность «альтернативных» организаций и предприятий, продвигающих местные коллективные практики, основанные на ценностях солидарности (р. 1).

В-третьих, принимая во внимание важность и влияние в регионе процессов европейской интеграции, которые базируются на эволюционном подходе к развитию, необходимости и способности стран ЦВЕ «догнать» более развитые страны ЕС. Кроме того, многие программы ЕС оказывают сильное влияние на общее восприятие и формирование миссии СП и в целом социального предпринимательства в регионе. В связи с этим возникают одинаковые тенденции развития данной сферы в разных странах и регионах и упускается из виду сама природа СП как инициатив на низовом уровне и развитие «снизу-вверх» (р. 2).

Исследователи приходят к выводу, что распространение и развитие СП в ЦВЕ в большей степени связано с политикой ЕС и программами международных организаций, чем с соответствующими национальными стратегиями. Такое заключение было сделано на основе анализа роли финансирования со стороны международных субъектов в развитии сферы социального предпринимательства в Албании, Хорватии, Венгрии, Северной Македонии, Польше и Сербии.

Основные источники финансирования поддержки СП в ЦВЕ тесно связаны с программами ЕС. Так, в Венгрии и Польше средства, полученные от ЕС до и после вступления в союз, способствовали развитию сферы СП. Сразу после вступления в ЕС в 2004 г. десяти новых стран-членов местные инициативы СП были интегрированы в европейский проект «EQUAL community initiative» (2002–2008) с бюджетом в размере 3 млрд евро. Одним из направлений этого проекта было раскрытие потенциала социальной экономики и СП в сфере содействия росту занятости, социальной инклюзии и сокращению неравенства на рынке труда (р. 224).

В начале 2000-х годов сектор СП в ЦВЕ не получал достаточной государственной поддержки и в нем отсутствовали развитые механизмы самофинансирования. Внешнее финансирование по-прежнему часто рассматривается в постсоциалистических странах как источник решения

проблем СП. Помощь внешних доноров стала ключевой в признании социального предпринимательства в качестве новой тенденции, которая может быть полезной для решения социальных проблем стран региона.

Отмечается, что разные доноры по-разному формируют сферу СП в ЦВЕ. Агентства по развитию СП (например, NESsT и Ashoka), которые предшествовали приходу фондов ЕС в Хорватии, Венгрии и Польше, использовали следующие подходы: развитие бизнес-практик для некоммерческих организаций, предпринимательских и других навыков среди социальных предпринимателей. Другие международные доноры (например, USAID и Open society foundation) делают ставку на развитие СП на основе инициатив гражданского общества. Финансирование со стороны органов ЕС привело к большему распространению СП в таких областях, как трудовая интеграция (трудоустройство маргинализированных групп населения), оказание социальных услуг и развитие сельских районов. Это отвечает стратегии ЕС, ориентированной на инклюзивный рост, полную занятость и конкурентоспособную социальную рыночную экономику, в рамках которой приоритетными областями являются равномерное развитие территорий и социальная инклюзия (р. 227).

В целом именно источники поддержки ЕС существенно повлияли на направление развития сектора СП в исследуемых странах, вступивших в союз (Хорватия, Венгрия и Польша). При этом авторы приходят к парадоксальному выводу, что потенциал влияния ЕС на формирование и трансформацию сектора СП выше в странах ЦВЕ, еще не вступивших в ЕС. Вместе с тем подчеркивается, что в исследованных странах (Албании, Хорватии, Венгрии, Северной Македонии, Польше и Сербии) организации третьего сектора рассматривают деятельность СП как имеющую потенциал самофинансирования. Смещение акцента на получение рыночного дохода авторы предлагают интерпретировать как выбор стратегии выживания социально ориентированных организаций, доминирующей в третьем секторе большинства европейских стран (р. 228).

Факторы, ограничивающие развитие социальных предприятий в регионе

Авторы, исследовавшие проблематику СП в Чехии и Грузии (р. 59, 75), обобщают ограничения, тормозящие развитие сектора СП, как в целом характерные для посткоммунистических стран. К ним они относят следующее:

- государственную политику, делающую ставку на развитие свободного рынка и недооценивающую значение альтернативных рыночной экономике организаций и предприятий, в особенности их роль в региональном развитии;
- несовершенство законодательной базы, регулирующей деятельность третьего сектора;

- трудности, с которыми сталкиваются социальные предприятия при мобилизации человеческих и финансовых ресурсов (дефицит ресурсов, отсутствие или недостаток опыта в сфере менеджмента и маркетинга, нехватка знаний о специфике работы с незащищенными социальными группами);

- недоверие к кооперативам, вызванное негативной ассоциацией кооперативов с коммунистическим режимом;

- высокую зависимость общественных организаций социальной сферы от государства;

- недостаточную осведомленность и признание роли третьего сектора как альтернативного сектора в обществе в целом;

- определяющее влияние источников финансирования на деятельность организаций третьего сектора (несмотря на то что организации сектора создаются с целью выполнения социальной миссии, они иногда корректируют свою деятельность с учетом получения финансовой поддержки);

- низкий уровень доверия к явлению социальной солидарности в экономике (с одной стороны, концепция солидарности понимается применительно к отношениям человека с друзьями и членами семьи; с другой стороны, экономическая деятельность воспринимается лишь в увязке с достижением индивидуальных целей, а не с возможным положительным эффектом для всего общества).

Кроме того, авторы указывают на противоречивость результатов существующего в ЦВЕ подхода к развитию СП. Так, программы поддержки предполагают, что СП будут способствовать решению комплексных задач, связанных с развитием территорий и социальной инклюзией. При этом их поддержка осуществляется на проектной основе, что предполагает ограничение во времени доступа СП к источникам финансирования в рамках конкретных проектов. Такой подход в отсутствие других разнообразных источников финансирования СП тормозит становление данного сектора в ЦВЕ. Кроме того, зачастую в рамках осуществляемой политики формируется подход поддержки СП по принципу «сверху-вниз», при котором с высокой вероятностью невозможно учесть и адекватно реагировать на возникающие трудности, с которыми сталкиваются СП. Таким образом, авторы подчеркивают, что подход «сверху-вниз» при создании сектора СП, скорее всего, не увенчается успехом, если не сможет реально соответствовать возникающим на местном уровне социально-предпринимательским инициативам и специфике локальной коллективной идентичности (р. 10).

Помимо прочего, в ЦВЕ отношения между государством и гражданским обществом характеризуются дефицитом демократических процедур и открытости, что усложняет налаживание партнерства между ними. В результате СП испытывают ограничения в доступе к государственным ресурсам и не могут выполнять широкий спектр функций социальной поддержки населения (р. 229).

Классификация и типологизация социальных предприятий

В ходе обсуждаемого исследования был проведен кластерный анализ сектора СП в регионе ЦВЕ на основе количественных и качественных переменных, полученных в результате проведенных опросов участников сектора. Конечной целью было классифицировать и распределить 164 СП региона по кластерам, используя пять основных признаков: (1) идентификация организации (правовая форма, аккредитация); (2) социальная миссия (характер миссии, ее связь с основной экономической деятельностью СП, стоимость предоставляемых товаров и услуг, тип реализуемых инноваций); (3) состав рабочей силы (наемные работники, волонтеры); (4) финансовая структура (сочетание используемых видов ресурсов); (5) структура управления и правила распределения излишков (р. 276–277). В итоге было сформировано пять следующих кластеров.

Самый большой кластер – кластер 1, к которому было отнесено 49 организаций, в основном объединяет индивидуальных предпринимателей и компании с ограниченной ответственностью, в большинстве своем учрежденные и управляемые одним лицом, что позволяет классифицировать СП как «независимые». Эти предприятия сочетают высокую бизнес-ориентацию с социальной миссией, которая для наибольшего числа СП этого кластера связана с расширением возможностей занятости для населения. Эти предприятия производят разнообразные товары и услуги, которые, как правило, реализуются по цене ниже рыночной. Они используют наемный труд, а не полагаются на поддержку волонтеров. Только 21% СП в этом кластере имеют установленные правила, касающиеся распределения прибыли, при этом 75% предприятий реинвестируют хотя бы часть прибыли в развитие СП. Таким образом, кластер 1 состоит из небольших СП, работающих на рынке и одновременно реализующих социальную миссию (р. 283).

В кластер 2 исследователи включили 10% от всей выборки СП, имеющие однородную с юридической точки зрения идентичность: подавляющее большинство организаций этого кластера являются кооперативами. К нему относится и новая правовая форма – социальный кооператив, – которая в ходе процесса расширения ЕС была введена в ряде стран, включая Польшу, Венгрию, Хорватию и Сербию. Большинство организаций в этом кластере создаются группами граждан или организациями третьего сектора. Они обладают демократическими структурами управления: работники наряду с другими заинтересованными лицами участвуют в большинстве управляющих органов СП. Когда такой тип СП прекращает свою деятельность, чистые активы чаще всего переходят к его участникам.

Социальная миссия и экономическая деятельность СП кластера 2 тесно переплетены. Социальная миссия данных организаций нацелена на создание рабочих мест для безработных, на поддержку развития сообществ и / или укрепление продовольственной безопасности. В своей дея-

тельности они полагаются в основном на рыночные ресурсы, которые составляют в среднем 75% их доходов. При этом одна треть предприятий продает свою продукцию по ценам ниже рыночных, что отражает их ориентацию на общественные интересы (р. 284).

По результатам анализа соответствующих характеристик к кластерам 3, 4 и 5 авторы отнесли более половины предприятий выборки и предложили рассматривать их как «предпринимательские некоммерческие социальные предприятия» (*entrepreneurial non-profit social enterprises*). При этом кластер 5 объединяет организации, предоставляющие в основном медицинские и социальные услуги, тогда как деятельность СП в кластере 4 нацелена на поддержку развития местных сообществ. Предприятия в кластере 3, в свою очередь, вносят вклад в расширение возможностей для роста занятости, и, как следствие, их отнесли к типу СП с миссией трудовой интеграции (*work-integration social enterprises*) (р. 277).

СП кластера 3 реализуют на рынке широкий спектр товаров или услуг, в основном по рыночной цене. Авторы отмечают, что их деятельность в большинстве случаев можно рассматривать не как «ориентированную на реализацию [социальной] миссии» (*mission-centric*), а как «связанную с [социальной] миссией» (*mission-related*). Отличительной особенностью данного кластера является то, что наиболее часто организационно-правовой формой СП здесь является общество с ограниченной ответственностью. Вместе с тем почти треть предприятий кластера 3 представляют собой неформальные организации и почти 90% организаций в этом кластере учреждены какой-либо материнской организацией третьего сектора (р. 282).

В кластере 4 – СП с миссией местного развития (создание рабочих мест на уровне местных сообществ, охрана окружающей среды) – большинство предприятий имеют организационно-правовую форму некоммерческой организации (НКО), при которой общее собрание участников обычно обладает полномочиями принятия конечных решений. В 20% предприятий сектора такими полномочиями наделен специальный орган в виде правления, куда также входят участники: волонтеры, менеджеры, эксперты и наемные работники. Большинство СП в этом кластере инициированы гражданами или организациями третьего сектора и ведут широкий спектр видов хозяйственной деятельности (р. 282).

Доминирующие организационно-правовые формы в кластере 5 – СП сферы здравоохранения и социальных услуг – это некоммерческие организации и фонды (*foundations*). Две трети предприятий этого кластера учреждены группой граждан или организациями третьего сектора. Управление, как правило, осуществляется специальным органом (правлением) либо единолично и самостоятельно учредителем, так как в трети случаев инициатором СП является одно лицо. Почти в 40% СП этого кластера в случае прекращения деятельности предусмотрена передача чистых активов в другую организацию со схожей социальной миссией. Эти особенности

характерны для некоммерческих организаций, понимаемых в широком смысле, в том числе общественно полезных фондов. Еще одна важная отличительная черта СП кластера 5 заключается в том, что, хотя они и представляют собой организации среднего размера, они являются крупнейшими организациями во всей выборке исследованных СП.

Только 24% дохода СП кластера 5 поступает от рыночной деятельности, а основная часть финансирования осуществляется за счет значительных государственных субсидий и средств благотворителей. Только четверть этих организаций реализует свои услуги по рыночной цене, остальные предоставляют некоторые услуги бесплатно или по цене ниже себестоимости (р. 278).

Авторами книги разработана типология моделей СП, включающая такие типы, как предпринимательская некоммерческая организация (entrepreneurial non-profit model), социальный кооператив (social-cooperative model), социальный бизнес (social-business model) и государственное социальное предприятие (public social enterprise model) (р. 274). По результатам анализа эмпирических данных пяти кластеров СП удалось подтвердить наличие в странах ЦВЕ трех теоретических моделей СП, соответствующих социальному бизнесу, социальному кооперативу и предпринимательской некоммерческой организации.

Так называемое «эмпирическое тестирование» предложенных типов СП является несомненным вкладом данного исследования в концептуализацию сектора. С учетом результатов, полученных в других регионах мира, они смогли подтвердить актуальность трех моделей СП как для разных стран в каждом из изученных регионов, так и для разных регионов (всего в рамках исследования было рассмотрено 721 СП по всему миру). Таким образом, можно утверждать, что данная типология моделей СП не специфична для какой-либо группы стран или региона, а носит универсальный характер.

Специфика российского сектора СП

Отдельно хотелось бы рассмотреть главу 10 «Социальное предприятие в России: развитие модели социального предпринимательства в российском правовом и социально-экономическом контексте» (р. 169–183), где представлены результаты исследования, проведенного российскими экспертами Ю. Благовым и Ю. Арай.

Авторы отмечают сложность и неоднозначность процесса развития СП в современной России. С одной стороны, социальные предприятия де-юре существуют как особый вид малых и средних предприятий (МСП). При этом статус «социальное предприятие» является временным и предоставляется (возобновляется) на ежегодной основе, а право на соответствующую поддержку со стороны государства зависит от строгого соблюдения определенных критериев деятельности. С другой стороны, «социально-

предпринимательская» миссия может де-факто осуществляться организациями, не имеющими статуса СП и зарегистрированными под разными организационно-правовыми формами, а именно в качестве индивидуальных предприятий, коммерческих организаций или НКО, которые участвуют в социально-предпринимательских проектах.

Авторы, исходя из российских реалий, предлагают следующую типологию моделей СП в России (р. 178):

- индивидуальные предприятия, работающие на основе социальной миссии;
- коммерческие организации, действующие на основе социальной миссии;
- НКО / СОНКО (социально ориентированные некоммерческие организации), реализующие определенные проекты, ориентированные на социальные цели.

Важной особенностью сферы российских СП является то, что роль основного драйвера его развития в настоящее время играет государство в сотрудничестве с крупнейшими корпорациями («Лукойл», «Русал», СУЭК и др.). Это означает, что развитие СП в основном происходит за счет стимуляции «сверху-вниз», а не по принципу «снизу-вверх», отражающему естественные свойства социальных инициатив. При этом, несмотря на поддержку со стороны государства и ведущих компаний, уровень социально-предпринимательской активности в России остается достаточно низким – всего 1,2% взрослого населения участвуют в деятельности СП (р. 181).

Авторы выделяют факторы, тормозящие развитие СП в России. Во-первых, для российской экономики характерен низкий уровень предпринимательской активности в целом. В сочетании со слабо развитыми институтами гражданского общества это сдерживает рост числа СП.

Во-вторых, по мнению авторов, тот факт, что некоторые важные социальные проблемы (такие как алкоголизм, наркомания, коррупция и бюрократия) не включены в официально признанный перечень социальных проблем и социально-предпринимательские инициативы в этих областях не получают поддержки ключевых финансовых доноров – государства и корпоративного сектора.

В-третьих, авторы считают, что социальное предпринимательство, как и многие другие современные социально-экономические институты в России, все еще находится на стадии формирования. Требуется время для того, чтобы принятый в 2019 г. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” в части закрепления понятий “социальное предпринимательство”, “социальное предприятие”» (245-ФЗ от 26.07.2019), регулирующий социальное предпринимательство, оказал бы реальный стимулирующий эффект не только благодаря лучшему регулированию адресной поддержки конкретных СП, но и благодаря консолидации усилий по развитию всей экосистемы СП в России (р. 181).

Заключение

Исследование, результаты которого представлены в рецензируемой коллективной монографии, приняло стратегию ориентироваться на СП как основную единицу анализа. Такая стратегия позволила принять во внимание и придать легитимность местным подходам к ведению социального бизнеса. Одновременно она открыла возможности для определения типичных моделей СП и унификации данного сектора на международном уровне. В условиях разнообразия существующих социальных предприятий вклад авторов работы в концептуализацию понятия СП связан с проведенным ими сравнительным анализом типов или моделей СП в разных регионах мира и в ЦВЕ, в частности.

Исследователям удалось «задокументировать» различные виды СП в регионе, а также предложить научно обоснованную типологию их моделей. Следует отметить, что представленная методика имеет два преимущества. Во-первых, она основана на убедительных теоретических положениях, допускающих широкое разнообразие моделей СП как в каждой стране, так и в разных странах. Во-вторых, теоретические конструкции получили подтверждение достоверными эмпирическими данными, собранными путем статистической обработки результатов опросов обширной выборки СП в разных странах мира.

Благодаря использованной методике исследователи смогли статистически оценить распространенность типичных моделей СП и расширить возможности для понимания их динамики и соответствующих экосистем в ЦВЕ. Так, в качестве наиболее распространенной миссии, реализуемой СП региона, авторы выделяют социальную цель трудовой интеграции всех слоев населения.

Учитывая специфику региона ЦВЕ, особый интерес представляет анализ возникновения и развития здесь современного сектора СП в контексте двух обстоятельств. С одной стороны, в свете исторического наследия периода государственного социализма, с другой, в связи с ролью международной финансовой поддержки развития СП, включая международные организации и ЕС как наднационального актора.

Вместе с тем представляется актуальным проведение более детальных исследований, направленных на углубление представлений о влиянии внешнего финансирования на СП, а именно приоритетов и повестки донорских организаций. Кроме того, дальнейшего изучения требует определение направлений и траекторий развития сектора СП как в ЦВЕ, так и в других регионах мира, где активно формируются практики социального предпринимательства.

Статья получена: 10.06.2022

Одобрена к публикации: 05.07.2022

УДК 334.7

doi: 10.31249/espr/2022.03.04

Н.А. Коровникова *

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ COVID-19
(ОПЫТ ИСПАНИИ)**

Аннотация. В статье представлены основные характеристики третьего сектора и подходы к его определению, в частности, в ракурсе концепций социального происхождения, социальной экономики и социального предпринимательства. Раскрыта роль социального предприятия в качестве значимого субъекта третьего сектора современной Испании. Рассмотрены тенденции деятельности и внутренней политики испанских организаций третьего сектора в условиях пандемии коронавируса. Показаны проблемы и перспективы развития третьего сектора Испании в ковидный и постковидный периоды.

Ключевые слова: третий сектор; социальная экономика; социальное предприятие; пандемия COVID-19; Испания.

Для цитирования: Коровникова Н.А. Особенности функционирования третьего сектора в контексте пандемии COVID-19 (опыт Испании) // Экономические и социальные проблемы России. – 2022. – № 3. – С. 63–86.

N.A. Korovnikova

**Features of the third sector functioning in the context
of the COVID-19 pandemic (experience of Spain)**

Abstract. The article presents the main characteristics of the third sector and approaches to its definitions, in particular, from the perspective of the concepts of social origin, social economy and social entrepreneurship. The role of “social enterprise” as a significant subject of the third sector of modern Spain is disclosed. The article highlights the trends in activities and internal policies of Spanish third sector organizations in the context of the coronavirus pandemic. The problems and prospects for

* **Коровникова Наталья Александровна**, канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: natalia.kor@list.ru

Korovnikova Natalia, PhD (Polit. Sci.), Leading Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

the development of the third sector in Spain during the Covid and post-Covid periods are reviewed.

Keywords: third sector; social economy; social enterprise; COVID-19 pandemic; Spain.

For citation: Korovnikova N.A. Features of the third sector functioning in the context of the COVID-19 pandemic (experience of Spain) // Economic and Social Problems of Russia. – 2022. – N 3. – P. 63–86.

Введение

На протяжении многих лет социальные структуры третьего сектора¹ вносят существенный вклад в развитие социума на локальном, национальном и международном уровнях, оказывая всестороннюю гуманитарную помощь и способствуя реализации разработанных ООН Целей устойчивого развития (ЦУР) [17 целей ... , 2022]. Их деятельность не прекращалась даже в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Однако условия пандемии и последствия борьбы с ней создали значительные трудности для третьего сектора во всем мире. Эффективному функционированию этих организаций также препятствуют такие экзогенные факторы, как геополитическая напряженность, изменения климата, повсеместное распространение недоверия к формальным институтам и этические проблемы, связанные с внедрением цифровых технологий. Все это подрывает социальную сплоченность, тормозит социально-экономическое развитие, ставит под угрозу безопасность и права человека [*¿Cómo afectará el Covid-19 ...?* , 2020].

Органы власти ряда стран создают административно-правовые барьеры, которые затрудняют для организаций третьего сектора официальную регистрацию, привлечение финансовых ресурсов на внутреннем и зарубежных рынках капитала, проведение публичных собраний и выражение собственного мнения. Кроме того, наблюдается рост негосударственных организаций, организованных государством, или ГОНГО (аббревиатура – от англ. Government-Organized (или Operated) Non-Governmental Organization)², которые формируются и управляются правительствами для продвижения своих интересов.

Коронавирусный шок усилил негативные тенденции развития третьего сектора и сказывается на деятельности социально ориентированных организаций даже после снижения уровня эпидемиологической

¹ Здесь и далее по тексту понятия «социальные структуры», «социально ориентированные организации», «социальные субъекты и акторы» относятся к элементам третьего сектора, который трактуется в широком формате, охватывая разноразличные организации, проекты, ценностно-телеологические системы социальной направленности.

² Подробнее см.: [Государством организованные негосударственные организации (ГОНГО) // Википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/ГОНГО> (дата обращения: 10.06.2022)].

опасности. В условиях смертельной угрозы здоровью людей многие страны ввели беспрецедентные меры, направленные на сдерживание распространения вируса, некоторые из которых были приняты поспешно и без соблюдения демократических процедур. Это уже привело к ограничению свободы перемещения внутри государств и пересечения национальных границ, к ужесточению мер наблюдения и контроля за гражданами, ограничению доступа к медицинской помощи и т.п. [¿Cómo afectará el Covid-19 ...? , 2020].

В то же время как раз социально ориентированные организации призваны сыграть значительную роль в борьбе с COVID-19 и его последствиями. Это объясняется целым рядом объективных причин. Во-первых, организации третьего сектора зачастую являются единственным источником помощи и поддержки отдельных домохозяйств на местном уровне. Во-вторых, многие из них провели реструктуризацию и запустили новые механизмы, которые поддерживают социальную сферу и системы здравоохранения в разных странах мира посредством взаимного сотрудничества, создания фондов для оказания технической помощи социальным учреждениям (больницам, интернатам, домам престарелых и др.) и медицинской – их пациентам. В-третьих, организации третьего сектора формируют будущее гражданского общества [¿Cómo afectará el Covid-19 ...? , 2020]. Именно поэтому эффективное функционирование и развитие третьего сектора является одним из направлений реализации Глобального плана гуманитарного реагирования на вспышку коронавирусной инфекции, принятого ООН 2020 г. и предусматривающего финансирование в объеме 2 млрд долл. для защиты людей и предотвращения распространения вируса по всему миру [Глобальный план гуманитарного реагирования ... , 2020].

В сложившихся высоко энтропийных обстоятельствах представляется важным выявить особенности и возможности развития третьего сектора. Анализ его состояния, проблем и перспектив посвящена настоящая работа. Особенно интересен в этом плане опыт деятельности социально ориентированных организаций в Испании – европейской стране, которая, с одной стороны, вошла в число государств, наиболее пострадавших от пандемии COVID-19. С другой стороны, третий сектор в Испании традиционно пользуется доверием населения и поддержкой как со стороны государственных структур, так и институтов гражданского общества¹, что может служить примером для России.

¹ В частности, в стране введены правовой статус и схема аккредитации для социальных предприятий [Social enterprises ... , 2020, p. 56].

Третий сектор: к определению проблемного поля

В зарубежном и отечественном научном дискурсе до сих пор не сложился общепринятый концептуальный подход к определению проблемного поля третьего сектора. В профессиональной литературе представлен большой диапазон трактовок его субъектов, моделей и направлений функционирования. Некоторые исследователи придерживаются широкого подхода к определению третьего сектора. В этом случае, помимо социальных компаний и их объединений, к нему относят соответствующую деятельность отдельных физических лиц, а также систему социальных ценностей. Другие предпочитают более узкий подход, в рамках которого третий сектор представляет собой систему «неправительственных», «некоммерческих» и / или «благотворительных» организаций. Третьи устанавливают границы этого сектора на основе различных факторов, в том числе: источник дохода организации, отношение к операционной прибыли, оценка результатов деятельности и численности волонтеров, теолого-аксиологические ориентации, управленческие стратегии, правовой и налоговый статус. Третий сектор также определяют с использованием различных терминов, включая такие, как «сектор гражданского общества», «некоммерческий сектор», «добровольный сектор», «благотворительный сектор», «социальная экономика» и др. [Salamon, Sokolowski, 2014, p. 5].

В этой связи видение масштабов третьего сектора в Европе варьируется от узкой концепции, основанной на правовой традиции Закона о благотворительности в Великобритании (Charities Act), до очень широких представлений о социальной экономике и третьем секторе. Концептуальные подходы европейских государств сосредоточены на таких характеристиках социально ориентированных организаций, как благотворительный характер деятельности, ограничение распределения доходов, независимость от правительства, выражение социальной солидарности или гражданских ценностей. Их различия, в свою очередь, связаны с более глубокими культурными традициями в отдельных странах и регионах Европы: строгое разделение между коммерческими и некоммерческими организациями в англосаксонском ареале и на севере Европы; высокая социальная значимость норм солидарности на юге региона; рост потребности участия населения во всех институтах гражданского общества после распада «советского блока» в Центральной и Восточной Европе. С учетом существенных внутриевропейских различий возникают сомнения в том, что на сегодняшний день может быть сформирована единая базовая концепция третьего сектора в Европе [Salamon, Sokolowski, 2014, p. 15–16].

Ввиду гетерогенности общественно-политического дискурса в области третьего сектора представляется целесообразным рассмотреть наиболее часто упоминаемые характеристики его субъектов: критерии, функции, типы и модели.

С позиции теории социального происхождения¹ выделяют пять моделей третьего сектора – в зависимости от доминирующей функции (представительство и защита интересов или производство социальных услуг). В их число входит: а) социально-демократическая модель (Швеция, Норвегия), которая характеризуется высокой долей участия волонтеров, средним уровнем правительственной и частно-благотворительной поддержки, причем представительство интересов социально уязвимых групп населения превалирует над оказанием социальных услуг; б) корпоративистская модель (Германия, Франция), которая предполагает высокую степень государственной поддержки и приоритет оказания услуг над представительством интересов; в) либеральная модель (США, Великобритания), которая подразумевает больший объем благотворительной поддержки, существенную роль волонтерства, акцент на оказании социальной помощи и поддержки; а также г) модель запоздалой демократизации (государства Латинской Америки) и д) традиционная модель (Кения, Пакистан), для которой характерен небольшой масштаб третьего сектора, несущественная роль государственных органов в его развитии и незначительное участие волонтеров [Тарасенко, 2015, с. 85–86].

Европейские специалисты используют следующую типологию третьего сектора: 1) «англосаксонская традиция», которая фокусируется на некоммерческом секторе, предполагает отказ от распределения прибыли и особую значимость добровольческой деятельности; 2) «европейская традиция», акцентирующая внимание на представительстве интересов и демократической деятельности организаций [El Tercer Sector de Acción Social ... , 2022, p. 9], а также 3) концепция социальной экономики, которая получила признание как в национальных, так и в общеевропейских структурах, особенно в странах Южной Европы, в частности в Испании. Рамки этой концепции задают такие характеристики (критерии) третьего сектора, как благотворительность, участие добровольцев, принципы социальной солидарности и демократического управления. В данном случае субъектами третьего сектора являются как благотворительные или некоммерческие организации, так и кооперативы и общества взаимопомощи (*mutuals*), функционирующие в разнообразных областях (сельское хозяйство, банковское дело, страхование и др.) и производящие продукцию на рынок [Salamon, Sokolowski, 2014, p. 14].

Следует подчеркнуть, что организации третьего сектора характеризуются своей неоднородностью с точки зрения размера, структуры, направлений деятельности, территориального охвата, целей и способов

¹ Теория социального происхождения (англ. *social origin theory*) – система социального обеспечения, которая объясняет особый тип взаимодействия между общественными и государственными институтами и определяет качественные характеристики третьего сектора. (Более подробно см.: [Тарасенко, 2015, с. 84]).

работы¹. Испанские специалисты относят к ним все компании, которые выполняют следующие социальные функции: а) реализация индивидуальных и коллективных прав; б) юридическая помощь; в) изучение потребностей и социальных проблем; г) информирование общества о разных социальных проблемах; д) удовлетворение различных социальных потребностей; е) поощрение участия граждан в социальной деятельности [El Tercer Sector de Acció Social ... , 2022, p. 11].

Кроме того, чтобы рассматриваться как часть европейского третьего сектора, организации должны быть: частными, самоуправляемыми, добровольными, полностью или частично ограниченными в распределении любой прибыли [Salamon, Sokolowski, 2014, p. 21–22]. Другими словами, они должны соответствовать критериям, установленным Университетом Джонса Хопкинса (США): а) формально не являться частью государственного сектора; б) их деятельность не должна руководствоваться коммерческими целями; прибыль должна быть реинвестирована в саму организацию и, следовательно, не должна распределяться между владельцами и персоналом; в) располагать собственными инструментами институционального самоконтроля, гарантирующими самоуправление и значительную степень автономии; г) отвечать принципу добровольного участия в результате свободного волеизъявления [El Tercer Sector de Acció Social ... , 2022, p. 9–10].

Вместе с тем в разных странах могут выдвигаться дополнительные требования. Например, Федерация развития неправительственных организаций Каталонии (кат. *Federació Catalana d'ONG per al Desenvolupament*)² в этическом кодексе устанавливает, что третий сектор составляют структуры, которые должны: «иметь минимальную степень устойчивости»; «не преследовать никаких мотивов получения прибыли»; «иметь определенную общественную поддержку и социальное присутствие»; «поддерживать добровольный и мотивированный характер основных ресурсов»; «пользоваться своей институциональной независимостью в принятии решений от любого государственного или межправительственного органа»; «быть открытыми для общественного контроля и обсуждения»; «быть го-

¹ По масштабам деятельности субъекты третьего сектора обычно подразделяются на организации первого уровня (ассоциации, фонды или другие юридические лица), с простой структурой; второго уровня (федерации), объединяющие образования первого уровня; третьего уровня (конфедерации), которые агрегируют организации второго уровня; а также самостоятельные крупные организационные акторы третьего сектора. По форме и направленности социальной деятельности выделяют следующие виды предприятий третьего сектора: церкви; профсоюзы; профессиональные ассоциации (например, спортивные и т.п.); местные «соседские» сообщества; корпоративные и благотворительные фонды; организации здравоохранения [El Tercer Sector de Acció Social ... , 2022, p. 12].

² Подробнее см.: [Federació Catalana d'ONG per al Desenvolupament (FCONGD) // Devex. – URL: <https://www.devex.com/organizations/federacio-catalana-d-ong-per-al-desenvolupament-fcong-d-47414> (дата обращения: 03.06.2022)].

товыми действовать в качестве агента социальных изменений»; «работать во имя международной солидарности и развития» [Picas Contreras, 2001, p. 168–169].

Важнейшим институциональным элементом европейского третьего сектора выступают социальные предприятия, которые используют рыночную деятельность для достижения социальных целей. В качестве примера могут выступать предприятия общественного питания, которые продают свою продукцию на рынке, но предпочитают нанимать в основном персонал из маргинализированных и девиантных групп населения, используя свои финансовые возможности для обучения и реабилитации таких работников.

Представители испанского научного сообщества выделяют восемь основных областей, формирующих проблемное поле третьего сектора, в том числе [Social Enterprise in Spain ... , 2021, p. 203–213]: 1) социальная помощь и занятость; 2) образование; 3) медицинские услуги; 4) сельское хозяйство; 5) культура; 6) международное сотрудничество / справедливая торговля¹; 7) финансовое посредничество; 8) устойчивое развитие и энергетика. Наибольшее распространение в современной Испании получили социальные предприятия, функционирующие в четырех областях из вышеназванных, а именно [Social Enterprise in Spain ... , 2021, p. 200–202]:

– традиционные организации социально-экономической защиты и помощи, в их числе общественные организации, реализующие специальные программы обучения и последующего трудоустройства наиболее социально уязвимых слоев населения (англ. work-integration social enterprises или WISEs); специальные центры трудоустройства (исп. centros especiales de empleo, англ. special employment centers или SEC), деятельность которых направлена на поддержку занятости среди инвалидов и лиц с ограниченными возможностями; «социальные кооперативы», которые возникли для предоставления социальных услуг и проведения культурных мероприятий для их членов;

– организации, связанные с продвижением социальных инноваций и поощряемые такими платформами, как Ashoka-Spain² (благодаря ее деятельности концепция социального предпринимательства³ получила офи-

¹ Справедливая торговля (англ. Fair trade) – общественное движение, выступающее за справедливые стандарты международного трудового, экологического и социального сотрудничества. Подробнее см.: [Справедливая торговля // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Справедливая_торговля (дата обращения: 04.06.2022)].

² Представительство глобальной ассоциации Ashoka (США) в Испании, деятельность которого направлена на финансовую поддержку инновационной деятельности в социальной сфере. Подробнее см.: [Quiénes somos // Ashoka. – URL: <https://spain.ashoka.org/> (дата обращения: 04.06.2022)].

³ Социальное предпринимательство – применение предпринимательских стратегий для решения социальных, экологических, культурных вопросов и проблем. Подробнее см.:

циальное признание в Испании и пришло понимание того, что социальные предприятия являются средством решения социальных проблем, которое не могут обеспечить традиционные коммерческие или государственные структуры);

– «переходные структуры», применяющие новые бизнес-модели и коммерческий подход к диверсификации источников финансирования (с сер. 1990-х годов) с целью обеспечения экономической устойчивости и жизнеспособности своей деятельности (например, предприятия, уделяющие особое внимание «справедливой торговле»);

– коммерческие предприятия, стремящиеся улучшить свой менеджмент и репутацию за счет социально ориентированных стратегий и проектов (предприятия, внедряющие методы социальной ответственности, и др.).

В обобщенном виде подходы к определению третьего сектора в общеевропейской и испанской практике выглядят следующим образом:

– третий сектор (в трактовке Всемирного банка) охватывает частные некоммерческие структуры, которые функционируют в развивающихся странах для облегчения социально-экономической обстановки, информирования о положении беднейших слоев населения, защиты окружающей среды, предоставления основных социальных услуг или содействия прогрессу общества в целом [Picas Contreras, 2001, p. 170];

– согласно испанскому законодательству, это область, образованная организациями добровольного и некоммерческого характера, которые, исходя из инициативы свободных граждан, функционируют автономно и солидарно, пытаясь посредством совместных действий представлять общественные интересы, способствовать признанию и осуществлению социальных прав для достижения социальной сплоченности и инклюзивности во всех ее измерениях и предотвращения снижения уровня благосостояния всех слоев населения [El Tercer Sector de Acción Social ... , 2022, p. 10].

По официальному определению, юридически оформленному законом о третьем секторе (Ley 43/2015, de 9 de octubre, del Tercer Sector de Acción Social), к участникам (субъектам) третьего сектора в Испании относят частные организации, возникающие на основе гражданской или общественной инициативы, деятельность которых должна отвечать критериям солидарности и социального участия, быть направлена на реализацию общих целей, которые способствуют признанию и осуществлению гражданских, экономических, социальных или культурных прав людей и групп, которые находятся в условиях уязвимости или социальной изоляции [Ley 43/2015 ... , 2015].

[Социальное предпринимательство // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальное_предпринимательство (дата обращения: 03.06.2022)].

Специфика деятельности третьего сектора Испании в контексте COVID-19

По утверждению национальных экспертов, в 2020 г. испанское общество и государство столкнулись с чрезвычайной ситуацией в области здравоохранения, экономики и социальной сферы, вызванной лавинообразным распространением смертоносной коронавирусной инфекции. Роль организаций третьего сектора в преодолении данного кризиса оказалась исключительно важной с точки зрения решения возникающих экономических и социальных проблем [Impacto COVID-19 ... , 2020, p. 5].

В 2020 г. были реализованы крупные проекты по изучению влияния крайне контагиозного вируса COVID-19 на третий сектор Испании. Субъекты последнего, с одной стороны, оказались в новых и сложных социально-экономических условиях (нехватка финансирования, сокращение числа волонтеров, карантинно-изоляционные ограничения, угроза заражения персонала, переход на новый формат работы и др.). С другой стороны, их деятельность по оказанию социально-медицинской поддержки гражданам, находящимся в состоянии полной или частичной депривации, а также по содействию соответствующим государственным и коммерческим структурам стала необходимым условием для преодоления негативных эффектов заболевания и последствий эпидемии для испанского общества и государства.

В число таких проектов входит совместное исследование, проведенное испанским отделением компании Делойт (исп. La Fundación Deloitte), Испанской ассоциацией по сбору средств (исп. La Asociación Española de Fundraising) и Фондом Леалтад (исп. Fundación Lealtad). Его целью был поиск ответа на ряд следующих вопросов: степень воздействия COVID-19 на функционирование и развитие третьего сектора в Испании; оценка положения социально ориентированных организаций во время пандемии и их реакция на экономические и социальные проблемы, вызванные коронавирусом; прогноз сотрудничества третьего сектора с коммерческим и государственным секторами в контексте преодоления последствий пандемии.

Опрос 170 некоммерческих организаций (исп. entidades no lucrativas) и 161 бизнес-компания позволил выявить наиболее общие тенденции деятельности структур третьего сектора в разгар пандемии в Испании [Impacto COVID-19 ... , 2020, p. 4], и эти результаты были подтверждены более поздними исследованиями. В частности, было установлено следующее.

«Область поражения». Новый вирус оказал крайне деструктивное воздействие на наиболее многочисленную¹ «фрагментированную» часть

¹ На организации с бюджетом более 25 млн евро, с персоналом более 500 сотрудников и более 1500 волонтеров приходилось лишь около 10% организаций третьего сектора. Их приоритетными направлениями деятельности были психологическая поддержка, образование и питание [Impacto COVID-19 ... , 2020, p. 5].

третьего сектора, состоящую в основном из организаций с бюджетом менее 1 млн евро, которые функционировали на местном (региональном, локальном) уровне и взаимодействовали с наиболее уязвимыми группами населения (несовершеннолетние, люди с хроническими заболеваниями, инвалиды). В 2020 г. такие локальные организации составляли большинство структур третьего сектора Испании (68,2%), тогда как более крупные работали на государственном или международном уровнях [El Tercer Sector de Acción Social ... , 2022, p. 26]. Небольшие размеры и ограниченные возможности финансирования многих социальных субъектов объясняют, почему более 45% опрошенных структур третьего сектора испытывали существенные трудности с самого начала пандемии, а 17% из них не справлялись со своими обязанностями [Impacto COVID-19 ... , 2020, p. 5]. Лишь 36% от общего числа респондентов располагали достаточными ресурсами для найма оплачиваемого персонала в условиях сокращения числа волонтеров ввиду повсеместных карантинно-изоляционных мер [El Tercer Sector de Acción Social ... , 2022, p. 26–27].

Направления деятельности. Ключевыми областями функционирования структур третьего сектора Испании с 2020 г. стали – социальная интеграция, образование и трудоустройство, социально-медицинская поддержка [Impacto COVID-19 ... , 2020, p. 5]. Вопросами социального взаимодействия и адаптации, а также социально-медицинской помощи занималось большинство социально ориентированных компаний (74,6% опрошенных) [El Tercer Sector de Acción Social ... , 2022, p. 26–27]. В то же время помощь инвалидам, поддержка занятости и образования стали основными направлениями деятельности национальных организаций, а программы устойчивого развития, охраны окружающей среды остались в фокусе организаций международного уровня [Impacto COVID-19 ... , 2020, p. 8]. Причем политика организаций третьего сектора в отношении реализации ЦУР ООН в пандемийных условиях несколько изменилась. В качестве приоритетной области своей деятельности «здоровье и благополучие» указали 73% опрошенных организаций, поставив инициативы, связанные с обеспечением достойного труда, на второе место (48), политику, связанную с устойчивостью и действиями по борьбе с изменением климата – на третье место (45), вопросы гендерного равенства – на четвертую позицию (44%) [Impacto COVID-19 ... , 2020, p. 10]. В контексте пандемии, когда у большинства социально уязвимых граждан сократились источники доходов, и они лишились возможности самостоятельно удовлетворять базовые потребности, субъекты третьего сектора Испании переориентировались на такие направления деятельности, как психологическая помощь (71% респондентов); поддержка школ и образовательного процесса в условиях вводимых ограничений (54); обеспечение граждан лекарствами и средствами личной гигиены (52); продуктами питания (48%) [Impacto COVID-19 ... , 2020, p. 18].

Объекты деятельности. Главными объектами социальной помощи с 2020 г. в Испании стали заболевшие (заразившиеся коронавирусом, люди с хроническими заболеваниями, инвалиды) – для 61% опрошенных организаций третьего сектора, – и безработные (для 50% из их числа). Кроме того, 44% организаций увеличили долю пожилых людей в составе получателей социальной помощи. Также под влиянием COVID-19 произошел рост числа подопечных в 70% организаций, которые проводят (или начали это делать во время пандемии) программы по обеспечению продовольствием. Приоритет группе «дети, несовершеннолетние» был отдан лишь 38% компаний. Вызывает беспокойство, что данная социально уязвимая группа может отойти на второй план в политике действий организаций третьего сектора [Impacto COVID-19 ... , 2020, p. 10, 17].

Борьба субъектов третьего сектора Испании с вирусом COVID-19

Условия пандемии COVID-19 поставили перед структурами третьего сектора задачи выживания и дальнейшего эффективного развития. Их решение потребовало от большинства организаций пересмотра целей, стратегий деятельности и бюджетов, гибкости управленческих структур, – чтобы своевременно реагировать на чрезвычайные ситуации и адаптировать проекты к новой крайне нестабильной реальности. 26,2% из участвовавших в опросе испанских организаций полностью или в значительной степени переформулировали свою миссию, а 19,6% были вынуждены ее скорректировать, приспособившись к условиям кризиса в экономике, повышению значения социальной защиты и системы здравоохранения [El Tercer Sector de Acción Social ... , 2022, p. 54]. Для противостояния «вызовам» COVID-19 социальные организации в Испании также: оптимизировали стратегическое планирование (68%); ввели инновации для улучшения качества услуг (62); осуществили технологическую трансформацию своей деятельности (59%) [Cordobés, Carreras, Sureda, 2021 a, p. 16].

Одной из наиболее сложных проблем оказалась адаптация третьего сектора к удаленному режиму работы (ввиду необходимости соответствующих цифровых трансформаций и финансовых вложений в ИТ-сферу), хотя более 75% субъектов третьего сектора Испании уже в 2020 г. успешно справились с этой задачей [Impacto COVID-19 ... , 2020, p. 5]. При этом выяснилось, что чем больше объем бюджета организации, тем меньше вероятность сохранения удаленной работы в будущем: 64% организаций с годовым бюджетом менее 30 тыс. евро ожидали сохранения удаленной работы в ближайшее время, тогда как из числа компаний с бюджетом, существенно превышающим 30 тыс. евро в год, аналогичного мнения придерживалось 47,1% [El Tercer Sector de Acción Social ... , 2022, p. 64].

Испанским организациям третьего сектора также пришлось прибегнуть к специальным мерам для смягчения последствий коронавируса для

своей операционной деятельности. Многие из них были вынуждены применить к сотрудникам такую меру регулирования занятости, как ERTE¹, наряду с дополнительными оплачиваемыми отпусками или увольнениями [Impacto COVID-19 ... , 2020, p. 5]. 63,2% предприятий третьего сектора страны из числа опрошенных использовали ERTE, 20,3% – удлиненные отпуска, 17,1% – частичное сокращение рабочего времени, а в 20% организаций имели место увольнения по требованию работников. Причем доля организаций, которые использовали ERTE находится в прямой зависимости от уровня получаемого ими дохода. Так, эту меру применили 75,6% организаций с годовым доходом более чем 1 млн евро, что значительно больше по сравнению с использовавшими тот же подход адаптации к кризису 38,6% организаций с доходом менее чем 30 тыс. евро [El Tercer Sector de Acción Social ... , 2022, p. 86–87].

Данные процессы осложняются тем, что, несмотря на возросшую социальную роль третьего сектора, существенно ухудшились условия его функционирования. 70% опрошенных компаний ожидали снижения дотаций, взносов, пожертвований от физических и юридических лиц; 31% – столкнулись с увеличением расходов (вследствие роста числа получателей социальной помощи); 47% организаций – с сокращением из-за изоляционных мер количества волонтеров [Impacto COVID-19 ... , 2020, p. 6]. Подавляющее большинство (82% опрошенных) организаций в третьем секторе Испании в 2020 г. опасались за свою краткосрочную экономическую устойчивость, считая, что пандемия оказывает существенное негативное влияние на выполнение их социальных проектов [Impacto COVID-19 ... , 2020, p. 15].

В условиях энтропийности, спровоцированной пандемией коронавируса, 84% опрошенных организаций третьего сектора Испании в качестве перспектив развития указали изменение стратегии и обеспечение экономической устойчивости, 72% – развитие маркетинга / фандрайзинга². Особое внимание стало уделяться безопасности персонала с точки зрения сохранения занятости, которую считают одной из первоочередных задач 84% опрошенных организаций [Impacto COVID-19 ... , 2020, p. 6, 21].

Следует отметить, что условия деятельности субъектов третьего сектора страны с течением времени улучшались. Во второй половине

¹ ERTE (исп. Expediente de Regulación Temporal de Empleo) – временное увольнение персонала с последующей постановкой на учет в государственной службе занятости и выплатой пособия по безработице в течение периода действия в стране режима чрезвычайного положения (в данном случае пандемии COVID-19). Подробнее см.: [Сокращение графика работы ... , 2020].

² Фандрайзинг (англ. fundraising) – процесс привлечения внешних ресурсов, необходимых для решения производственных задач, реализации проектов или с целью поддержания деятельности организации в целом. Подробнее см.: [Фандрайзинг // Записки маркетолога. – URL: https://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_f/fundraising/ (дата обращения: 10.06.2022)].

2020 г. доля структур, которые были вынуждены полностью прекратить свою деятельность, составила около 4,3%, а в период с января по октябрь 2021 г. она снизилась до 2,8%. Кроме того, в указанный период 2021 г. 36,9% субъектов зафиксировали повышение своей социальной активности по сравнению с допандемийным периодом [El Tercer Sector de Acción Social ... , 2022, p. 53].

Такая динамика объясняется тем, что даже на начальных стадиях распространения коронавируса в Испании существовали условия для эффективного противостояния третьему сектору его вызовам и деструктивным последствиям. Во-первых, многие из организаций (72% по данным проведенных исследований) сумели уже в 2020 г. обеспечить себе ресурсы, объем которых позволял успешно продолжать деятельность [Impacto COVID-19 ... , 2020, p. 20]. Несмотря на ожидания сокращения доходов, 90% компаний третьего сектора в мае 2020 г. рассчитывали сохранить или даже увеличить масштаб своей социальной помощи [Impacto COVID-19 ... , 2020, p. 21].

Во-вторых, увеличение нагрузки на структуры третьего сектора в условиях пандемии сопровождалось существенным ростом дотаций со стороны государственных органов Испании. Уже в 2020 г. бюджетное финансирование неправительственной деятельности в социальной сфере увеличилось до 397,7 млн евро, из которых 363,8 млн были собраны за счет особого подоходного налога¹ в размере 0,7%, известного как «Солидарность X»². Поступления от него в 2020 г. выросли на 5,6% по сравнению с 2019 г. Правительство решило разделить собранную сумму между социальными субъектами различной направленности: социальными предприятиями, экологическими организациями и организациями международного сотрудничества. Согласно заявлению Министерства социальных прав и повестки дня на период до 2030 г. (исп. El Ministerio de Derechos Sociales y Agenda 2030 de España), из общей суммы в 397,7 млн евро организации третьего сектора в 2020 г. должны были получить 309,7 млн евро, что на 15,4% больше, чем в 2019 г. [Hellín, 2020].

В-третьих, в стране существовали традиции солидарной реакции общества. Согласно данным Pulso, аналитического инструмента (приложения) финансовой компании Banco Sabadell, в начале 2020 г. в Испании фиксировался рост сектора пожертвований (в феврале 2020 г. его оборот

¹ Подоходный налог с физических лиц – это налог, уплачиваемый физическими лицами, являющимися резидентами Испании, или налогоплательщиками со своего дохода, полученного в течение календарного года. Данный налог основан на принципах прогрессивности, всеобщности и экономической емкости [Molina, 2022].

² Солидарность X – помощь наиболее незащищенным слоям населения, которая может быть оказана резидентами Испании при составлении отчета о прибылях и убытках в соответствующем разделе «Деятельность в интересах общества» (исп. “Actividades de Interés Social”). Подробнее см.: [¿Qué es la X solidaria? / Solidaria. – Б/г. – URL: <https://www.xsolidaria.org/que-es-x-solidaria.php> (дата обращения: 26.07.2022)].

составил 154% по сравнению с тем же периодом 2019 г.). После беспрецедентного увеличения числа заболевших и умерших по причине коронавирусной инфекции объем пожертвований сократился (в апреле 2020 г. соответствующий показатель упал на 74%) [García Novo, 2021]. Однако мобилизация человеческих ресурсов в форме волонтерской деятельности, подкрепляемая финансовыми пожертвованиями со стороны крупных компаний¹, способствовала тому, что сектор пожертвований в Испании, начал постепенно восстанавливаться, хотя все еще не достиг допандемического уровня.

В-четвертых, особый вклад в функционирование третьего сектора Испании в сложных условиях эпидемии COVID-19 внесли крупные (как национальные, так и международные) социально ориентированные организации.

В данном ракурсе представляется целесообразным обратиться к опыту наиболее крупных субъектов третьего сектора Испании. В их числе следует отметить Испанский Красный Крест (исп. Cruz Roja Española), организации «Врачи без границ» (исп. Médicos Sin Fronteras, или MSF), «Оксфам» (Oxfam Intermon), «Каритас Испания» (исп. Cáritas España), «Детские деревни-SOS» (исп. Aldeas Infantiles) и «Спасите детей» (англ. Save the Children), которые не только смогли адаптировать свои действия к угрозам коронакризиса, но и оперативно мобилизовать социально-экономические ресурсы населения и коммерческих компаний.

Испанский Красный Крест в 2020 г. разработал план RESPONDE, в рамках которого планировалось предоставить социально-медицинскую помощь и поддержку 1350 тыс. человек. Для этого был заложен бюджет в 11 млн евро, но уже в 2021 г. инвестиции в рамках проекта выросли до 70 млн евро. По данным на ноябрь 2021 г., организация оказала помощь более 3 млн человек, оказавшимся в изоляции [García Novo, 2021].

Реализация RESPONDE потребовала огромных усилий не только по привлечению необходимых финансовых и материальных ресурсов, но и по мобилизации добровольцев. В состав персонала Испанского Красного Креста на 2021 г. входило более 66 тыс. волонтеров, которые выполняли все виды работ: от оказания медицинской помощи до строительства приютов и объектов больничной инфраструктуры, от оказания психосоциальной поддержки до виртуального обучения детей и распределения предметов первой необходимости [García Novo, 2021]. В частности, представители Испанского Красного Креста в 2020 г. помогали удовлетворить основные потребности в продуктах питания, санитарно-гигиенических изделиях и оплатить предметы первой необходимости для более чем 20 тыс. семей; контролировали состояние 720 тыс. человек, наиболее уязвимых к COVID-19; оказали телефонную психологическую помощь

¹ Например, Banco Sabadell пожертвовал от имени своих сотрудников (по данным на ноябрь 2021 г.) около 400 тыс. евро [García Novo, 2021].

около 200 тыс. человек [Pérez, 2020]. Среди прочего, Красный Крест предоставил государственным органам здравоохранения свои людские и материально-технические ресурсы, в том числе сотни машин скорой помощи; участвовал в строительстве временных больничных помещений, жилья для бездомных и т.п.

*Оксфам*¹ – международное объединение из 17 организаций, работающих в более чем 90 странах, целью деятельности которого является борьба с неравенством, бедностью и связанной с ней несправедливостью. Оксфам существенно активизировал свою деятельность, чтобы удовлетворить основные и неотложные потребности тысяч людей, проживающих в 20 крупных испанских городах. Уже в 2020 г., благодаря принятой чрезвычайной программе, организации удалось оказать социально-медицинскую поддержку более 160 тыс. человек [García Novo, 2021].

*«Врачи без границ»*² – международная организация, которая традиционно занимается помощью наименее развитым государствам (например, в борьбе с вирусом Эбола в Африке или холеры в отдаленных районах мира). В условиях распространения COVID-19 она оказала неоценимую поддержку испанской системе здравоохранения по следующим направлениям: устранение перегруженности больниц; уход за пожилыми людьми; консультирование властей по вопросам управления кризисными ситуациями [García Novo, 2021]; противоэпидемическая защита медицинских работников [Pérez, 2020].

«Фармацевты без границ» (исп. Farmacéuticos Sin Fronteras de España³) – смежная с MSF международная организация, занимающаяся фармацевтической помощью наиболее уязвимым слоям населения, – также предложила свой проект социальных действий в Испании, направленный на борьбу с коронавирусом. Он включал проведение тренингов, мероприятий по диагностике заболеваний и улучшению состояния здоровья людей, а также по повышению осведомленности населения Испании о пандемии и борьбе с ней [Pérez, 2020].

*«Каритас Испания»*⁴ проводит кампанию «Каждый жест важен», которая также направлена на повышение осведомленности о влиянии COVID-19 на наиболее уязвимые слои населения. В ходе первой волны эпидемии в 2020 г. организация привлекла более 5,5 тыс. наемного персонала и почти 85 тыс. добровольцев по всей Испании для оказания по-

¹ Подробнее см.: [La pandemia de la desigualdad // Oxfam Intermón. – URL: <https://www.oxfamintermon.org/es/nueva-pandemia-desigualdad?hsLang=es> (дата обращения: 02.06.2022)].

² Подробнее см.: [Врачи без границ // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Врачи_без_границ (дата обращения: 02.06.2022)].

³ Подробнее см.: [Nuestro trabajo // Farmacéuticos Sin Fronteras de España. – URL: <https://www.farmaceuticossinfronteras.org/quieres-ser-voluntario> (дата обращения: 02.06.2022)].

⁴ «Каритас Испания» – благотворительная организация социальной помощи Католической церкви в Испании. Подробнее см.: [Каритас Испания // Википедия. – URL: https://wiki5.ru/wiki/Caritas_Spain (дата обращения: 01.06.2022)].

мощи нуждающимся. На сегодняшний день в ее состав входит около 70 епархиальных подразделений и более 5700 приходских каритас (первичных подразделений), которым пришлось адаптировать свои услуги и программы, чтобы поддерживать работу в сложных пандемических условиях. Кроме того, во многих приходах были запущены инициативы помощи пожилым людям, инвалидам, лицам с ограниченными возможностями со стороны молодых волонтеров, которые оказывали услуги по доставке необходимых продуктов питания и лекарств. Среди примеров мобилизации в пандемический период выделяется открытие ночного приюта «Каритас» в Валенсии для размещения бездомных, а также поддержка временных центров приема «Каритас» в Овьедо с целью ограничения мобильности бездомных и предотвращения распространения заражения [Pérez, 2020].

Как отмечалось выше, поддержка социальной группы «дети, несовершеннолетние» в период пандемии отошла на второй план. Однако деятельность субъектов третьего сектора, сосредоточенная на помощи именно этой уязвимой группе населения, продолжалась. К числу таких относится международная благотворительная организация «Детские деревни-SOS»¹ и испанское отделение международной организации «Спасите детей»².

Приоритетной задачей «Детских деревень» в области здравоохранения в условиях кризиса COVID-19 стало обеспечение физического и эмоционального благополучия более 6 тыс. несовершеннолетних, а также их семей, которым она оказывает поддержку и помощь в Испании. Организацией были разработаны планы действий, которые включали информационные и образовательные семинары, оказание психологической поддержки, а также протоколы действий в случае заражения, при котором отдельное домохозяйство переводилось на карантин [Pérez, 2020]. Организация также оказывала особую гуманитарную помощь почти 4 тыс. несовершеннолетних, которые могли наиболее серьезно пострадать от коронакризиса и изоляции, учитывая социально уязвимое положение их семей. Им предоставлялась помощь для удовлетворения основных потребностей в продуктах питания, гигиене и поддержания здоровья, а в некоторых районах страны даже выдавались ваучеры на 15 евро в день на каждого члена семьи [Pérez, 2020].

Испанское отделение организации «Спасите детей» оказывает дистанционную и очную поддержку почти 8 тыс. несовершеннолетних в Испании. Для помощи наиболее уязвимым социальным группам (матери-одиночки, малооплачиваемые работники и др.) организация запустила

¹ Подробнее см.: [Nuestro trabajo // Aldeas Infantiles SOS. – URL: <https://www.aldeasinfantiles.es/nuestro-trabajo> (дата обращения: 02.06.2022)].

² Подробнее см.: [Save the Children // Save the Children International. – URL: <https://www.savethechildren.net> (дата обращения: 02.06.2022)].

кампанию «На вашей стороне», в рамках которой оказывалась поддержка около 600 детям и их семьям в условиях кризиса, вызванного COVID-19 [Pérez, 2020]. Помощь предоставляется по двум основным направлениям: обеспечение продуктами питания (например, путем компенсации стоимости завтраков и обедов детей при вынужденном закрытии школ) и поддержка образовательного процесса за счет проведения обучения с применением цифровых технологий.

Современные проблемы и перспективы развития третьего сектора Испании

Проблемы. До сих пор сложно дать точную оценку опасности, скорости распространения и ущербу, который был нанесен коронавирусной инфекцией в мировом масштабе, но совершенно очевидно, что он затронул практически все страны и регионы. При этом Испания вошла в число государств, наиболее пострадавших от этого крайне контагиозного вируса¹.

Как отмечалось выше, на борьбу с COVID-19 были направлены силы всех субъектов испанского третьего сектора, участие которого позволяет испанскому обществу постепенно справляться с последствиями эпидемии. Однако решение проблем, вызванных COVID-19, осложняется целым рядом общемировых тенденций, в их числе: увеличение социально-экономической асимметрии², ускорение научно-технического прогресса; изменения климата; ухудшение демографической ситуации в Европе (в первую очередь связанное со старением населения), поляризация мира и распад глобального консенсуса, повсеместное снижение доверия к существующим институтам [Cordobés, Carreras, Sureda, 2021 b, p. 7–16].

Кроме того, в перспективе социальным структурам третьего сектора следует уделять больше внимания следующим направлениям, важным для развития гражданского общества в целом и социального сектора в частности, а именно: а) совершенствование регуляторной среды и внесение

¹ По данным на 24.06.2022 г., общее количество заболевших в Испании достигло цифры в 12,7 млн человек, а количество летальных исходов превысило отметку в 100 тыс. Подробнее см.: [CSSEGISandData // JHU CSSE COVID-19 Data. – URL: <https://github.com/CSSEGISandData/COVID-19> (дата обращения: 11.06.2022); Daily new confirmed COVID-19 deaths per million people. Spain // Our World in Data. – URL: <https://ourworldindata.org/explorers/coronavirus-data-explorer> (дата обращения: 14.0.2022)].

² Увеличение социально-экономической асимметрии означает рост неравенства возможностей и региональных различий (внутри стран и между ними) ввиду сокращения традиционных источников доходов, усиления технологического и цифрового неравенства, нестабильности рынков капитала и др. Так, степень неравенства в Испании в 2020–2021 гг. достигла максимального уровня за последние десятилетия. Только деятельность третьего сектора, применение правил временной занятости и увеличение выплаты пособий позволили добиться некоторых улучшений [Cordobés, Carreras, Sureda, 2021 b, p. 7].

изменений в законодательство, касающихся работы организаций третьего сектора; б) реализация права социальных субъектов на участие в процессе принятия решений; в) устранение препятствий для правозащитной деятельности; г) обеспечение достаточного объема финансирования в условиях экономического спада, который ограничивает возможности и доступность доноров для их социальной деятельности [¿Cómo afectará el Covid-19 ...? , 2020].

Испанские эксперты – участники Форума социального лидерства Esade-PwC 2020–2021¹ классифицировали проблемы, возникшие перед третьим сектором Испании вследствие пандемии, по степени их актуальности и значимости. В первую группу вошли: достижение экономической устойчивости и получение требуемого финансирования; изучение, оценка, информирование о негативных (социально-экономических, демографических) эффектах пандемии; технологическая адаптация и повышение качества предлагаемых услуг, с учетом увеличения спроса со стороны получателей социальной помощи. Во вторую группу: конкуренция традиционных и новых социальных субъектов в рамках третьего сектора; необходимость совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей функционирование третьего сектора; повышение эффективности и снижение затрат; взаимодействие с акторами, формирующими долгосрочную политику развития сектора; привлечение и удержание «тантантов» в поле своей деятельности [Cordobés, Carreras, Sureda, 2021 a, p. 16].

По оценкам большинства испанских специалистов, значимость третьего сектора продолжает возрастать, поскольку социально уязвимым группам требуется усиленная поддержка во время постковидной рецессии, которая последовала за карантинно-изоляционными ограничениями и привела к потере рабочих мест и сокращению средств к существованию значительной части населения Испании. Именно на третий сектор может быть возложена миссия мониторинга и обеспечения их потребностей в постпандемический период, например, в области здравоохранения и социальной сфере [¿Cómo afectará el Covid-19 ...? , 2020].

Перспективы. На сегодняшний день затруднительно делать прогнозы относительно постковидного развития третьего сектора Испании. Исключительно важным показателем его перспективности является восприятие деятельности социальных субъектов населением страны, 88% которого считает, что работа социальных структур очень важна, и лишь 1% оценивают ее как малозначимую. Эта оценка отражается и в высокой доле (87%) граждан Испании, согласных с утверждением, что «третий сектор необходим, поскольку он действует в наиболее социально значимых областях» [Cordobés, Carreras, Sureda, 2021 a, p. 20].

¹ Подробнее см.: [ESADE-PwC Social Leadership Programm // ESADE. – URL: <https://www.esade.edu/en/faculty-and-research/research/knowledge-units/institute-social-innovation/programmes/esade-pwc-social-leadership-programme> (дата обращения: 11.06.2022)].

Большинство структур третьего сектора, несмотря на имеющиеся сомнения, считает, что доходы их организаций останутся стабильными (47%); 20% настроены оптимистично и верят, что их доходы будут расти, и лишь 32% опасаются, что они снизятся [Cordobés, Carreras, Sureda, 2021 а, р. 19]. Для реализации оптимистичного сценария 62% социальных субъектов испанского третьего сектора считают необходимым внедрять финансовые модели, применяемые коммерческими предприятиями, с учетом своей основной миссии, а 79% – выработать новые способы взаимодействия с государственными и ИТ-структурами, чтобы стать полноценными участниками принятия социально значимых решений [Cordobés, Carreras, Sureda, 2021 а, р. 19].

Однако перспективы эффективного развития третьего сектора Испании зависят от решения целого ряда задач [El Tercer Sector de Acción Social ... , 2022, р. 95–102]:

1) достижение и поддержание большей финансово-экономической устойчивости, которая необходима для осуществления долгосрочной деятельности, посредством корректировки моделей финансирования, каналов фандрайзинга, коммуникаций с подопечными, а также с заинтересованными акторами (государственные структуры, компании коммерческого сектора и т.д.);

2) изменение стратегии, миссии, приоритетов деятельности субъектов третьего сектора вследствие социально-экономического шока, вызванного кризисом COVID-19;

3) внутренняя консолидация сектора и преодоление поляризации его внутренней структуры, расширение сотрудничества с другими общественно-политическими движениями;

4) соблюдение принципа гендерного равенства среди персонала, волонтеров и подопечных;

5) динамичное реагирование на спрос со стороны основного контингента получателей социальной поддержки, учитывая его восстановление после снятия ковидных ограничений, рост социальных потребностей и требований к качеству их удовлетворения;

6) восстановление роли и потенциала волонтерства после его снижения вследствие режима самоизоляции и карантина¹, внедрение новых форматов волонтерской деятельности (в частности, виртуального волонтерства, которое обладает целым рядом преимуществ, таких как больший территориальный охват, гибкий график, экономия рабочего пространства и времени);

7) поддержка уровня занятости в секторе;

¹ К сожалению, в настоящее время около 30% организаций третьего сектора утратило значительную часть волонтерского состава [El Tercer Sector de Acción Social ... , 2022, р. 95].

8) ускорение темпов внедрения инноваций и цифровой трансформации субъектов третьего сектора всех уровней и направлений деятельности, что позволит лучше управлять информацией и быстрее реагировать на новые потребности их объектов.

В частности, перед третьим сектором стоит задача поиска новых технологий сбора пожертвований. Примером ее успешного решения служит использование платформы iHelp¹, на которой можно найти следующие способы привлечения ресурсов: а) онлайн-розыгрыши лотереи (например, розыгрыш Nuevo Futuro, в ходе которого было собрано около 35 тыс. евро); б) онлайн-мероприятия (например, «Виртуальная гонка за образованием против COVI-19» – исп. Educación a distancia para hacer frente al COVID-19); в) создание специальных кампаний / проектов (например, 300 Oportunidades (возможностей) фонда Alalá, в рамках которой было собрано более 16 тыс. евро). В 2020 г. более 130 человек создали «челленджи» солидарности в iHelp для пожертвования третьему сектору [El impacto del Covid-19 en las ONGs, 2020]. Главным условием успешности новых решений выступает соблюдение принципа солидарности при преобразовании структур и способов социальной защиты [Carreras, Sureda, 2021, p. 7].

Третий сектор оказался в эпицентре глубоких преобразований, которые требуют решения новых проблем, связанных с ИТ-трансформациями, изменениями на рынке труда, новейшими формами оказания социальной помощи и поддержки. В то же время третий сектор Испании в целом оказался способным к комплексной модернизации своей деятельности. Последнее позволило ему не только эффективно противостоять вызовам пандемии, но и внедрить передовые методики и технологии оказания социальных услуг населению страны (например, деинституционализация, т.е. оказание специализированной помощи по месту жительства, персонализированный уход и др.). Несмотря на эндогенные и экзогенные проблемы функционирования, перед третьим сектором Испании открываются новые возможности координации и сотрудничества между его субъектами, которые будут способствовать развитию их способностей к социальным реакциям, устойчивости и инновациям.

Заключение

Борьба с последствиями коронакризиса в социальной, экономической и медицинской областях демонстрирует огромную способность к адаптации и самопожертвованию испанского общества. Особенно это заметно на примере тех социальных субъектов, которые продолжают ежедневно бороться с вирусом (будь то больницы и медицинские центры или

¹ Подробнее см.: [Qué es iHelp / iHelp. – URL: <https://www.ihelp.org.es/#> (дата обращения: 07.06.2022)].

другие объекты инфраструктуры), и, конечно, организаций третьего сектора, которые принимают меры по урегулированию ситуации, не прекращая своей гуманитарной деятельности [Perez, 2020].

На сегодняшний день перед третьим сектором Испании стоит целый ряд проблем, в их числе: угроза кризиса ликвидности, финансовые риски, сокращение операционных мощностей, нехватка материальных и человеческих ресурсов и др. Однако субъекты третьего сектора разрабатывают и внедряют эффективные механизмы их преодоления. Примером служит авансовое финансирование частных инициатив на всех уровнях (в том числе отдельных домохозяйств); создание Фонда ликвидности для нужд третьего сектора (*Fondo de liquidez*) в целях покрытия краткосрочных накладных расходов; разработка механизма оценки рисков, который учитывает наибольшие угрозы, которым подвергаются субъекты и объекты третьего сектора.

Исходя из опыта периода эпидемии коронавируса, испанские специалисты сформулировали следующие выводы [Cordobés, Carreras, Sureda, 2021 а, р. 5–12]: а) на сегодняшний день наибольшее беспокойство с точки зрения функционирования третьего сектора Испании вызывают последствия пандемии, сопровождаемые усилением социально-экономической асимметрии и ростом миграционных потоков; б) роль современного третьего сектора предполагает реализацию системных изменений в организациях на основе сотрудничества (в рамках совместных инициатив) с агентами не только социальной сферы (коммерческими и государственными), но и других секторов (прежде всего, сектора информационно-коммуникационных технологий); в) прямая помощь группам риска и непосредственное взаимодействие с подопечными должны дополняться коммуникацией субъектов третьего сектора в новых цифровых форматах как между собой, так и с группами населения, которые не являются непосредственными объектами их деятельности; г) третий сектор должен в кратчайшие сроки решить наиболее актуальные вопросы достижения экономической устойчивости и достаточного уровня финансирования; мониторинга и контроля за социальными изменениями; технологической адаптации и повышения качества предлагаемых услуг; д) необходимо интенсифицировать взаимодействие структур третьего сектора с молодежью не только с точки зрения оказания поддержки, но и посредством полноценного включения молодых людей в деятельность социальных организаций¹; е) третий сектор должен усилить свою роль в защите социальных прав подопечных граждан, став значимым актором в разработке и реализации государственной политики в социальной сфере. Структуры третьего сектора, оставаясь основными поставщиками социальных услуг, которые

¹ В Испании в 2021 г. лишь 38% субъектов третьего сектора имели отношения с молодежью в финансовой области (пожертвования, наем в качестве оплачиваемого персонала и др.) [Cordobés, Carreras, Sureda, 2021 а, р. 5].

сегодня особенно востребованы, призваны стать «проводниками перемен», прежде всего, посредством популяризации социальных ориентиров и ценностей в период постковидного восстановления испанского государства и общества.

Мировой коронакризис, помимо негативных последствий и эффектов, несет в себе и определенные возможности для развития третьего сектора как в Испании, так и в других странах. Например, необходимость оперативной разработки новых технических и финансовых методик поддержки социально ориентированных организаций может помочь найти способы совместного решения глобальных проблем в будущем [*Cómo reformar la financiación ...*, 2020].

Список литературы

1. 17 целей для преобразования нашего мира // ООН. – Б/г. – URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/17-goals-to-transform-our-world> (дата обращения: 04.06.2022).
2. Глобальный план гуманитарного реагирования на вспышку COVID-19 / ЮНИСЕФ. – 2020. – 30.03. – URL: <https://www.unicef.org/esa/ru/пресс-релизы/глобальный-план-гуманитарного-реагирования-на%с2%a0вспышку-covid-19> (дата обращения: 05.06.2022).
3. Сокращение графика работы до 100% в период карантина в Испании // Sydorenko Lawyers. – 2020. – 24.03. – URL: <https://sydorenkolawyers.com/statii/sokrashchenie-grafika-raboty-ispanii/> (дата обращения: 04.06.2022).
4. Тарасенко А. Некоммерческий сектор в странах Европейского Союза и России в контексте трансформации государства благосостояния. – Санкт-Петербург : Норма, 2015. – 224 с.
5. ¿Cómo afectará el Covid-19 al rol de las ONG? // Dianova. Noticias. – 2020. – 23.04. – URL: <https://www.dianova.org/es/opinion-es/como-afectara-el-covid-19-al-rol-de-las-ong/> (дата обращения: 02.06.2022).
6. Carreras I., Sureda M. El Tercer Sector ante la crisis del COVID-19. Reflexiones y experiencias / Programa Esade-PwC de Liderazgo Social 2020–2021. – Julio, 2021. – 25 p. – URL: https://www.fundacioires.org/wp-content/uploads/ESADEiSocial_2020-tercer-sector-crisis-covid-19.pdf (дата обращения: 01.06.2022).
7. Cómo reformar la financiación de las ONG para abordar amenazas como COVID-19 / World Economic Forum. – 2020. – 15.04. – URL: <https://es.weforum.org/agenda/2020/04/como-reformar-la-financiacion-de-las-ong-para-abordar-amenazas-como-covid-19/> (дата обращения: 30.05.2022).
8. Cordobés M., Carreras I., Sureda M. Rol de las ONG: Resultados encuesta / Programa Esade-PwC de Liderazgo Social 2020–2021. – 2021 a. – Mayo. – 40 p. – URL: <https://www.fundacionlealtad.org/wp-content/uploads/2021/06/210524-rol-ong-resultados-encuesta.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).
9. Cordobés M., Carreras I., Sureda M. Rol de las ONG: Un sector en evolución / Programa Esade-PwC de Liderazgo Social 2020–2021. – 2021 b. – Octubre. – 111 p. – URL:

- <https://plataformavoluntariado.org/wp-content/uploads/2021/11/el-rol-de-las-ong-un-sector-en-evolucion.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).
10. El impacto del Covid-19 en las ONGs // iHelp. – 2020. – 16.09. – URL: <https://www.ihelp.org.es/blog/el-impacto-del-covid-19-en-las-ongs/> (дата обращения: 01.06.2022).
 11. El Tercer Sector de Acción Social en España 2021: Respuesta y resiliencia durante la pandemia / Plataforma de ONG de Acción Social. – Madrid, 2022. – Enero. – 121 p. – URL: https://www.plataformaong.org/ARCHIVO/documentos/biblioteca/1644580843_estudio-2021-informe-completo_digital.pdf (дата обращения: 03.06.2022).
 12. García Novo A. Estas son las ONG más importantes y así han afrontado la crisis de la pandemia // ABC. – 2021. – 12.11. – URL: <https://www.abc.es/contentfactory/post/2021/02/26/ong-importantes-cruz-roja-asi-afrontan-criisis-pandemia-coronavirus-covid-19-economia/> (дата обращения: 02.06.2022).
 13. Hellín J. La financiación del Tercer Sector se incrementa en 53 millones de euros en 2020 hasta casi 398 millones // Europa Press. – 2020. – 12.06. – URL: <https://www.europapress.es/epsocial/cooperacion-desarrollo/noticia-financiacion-tercer-sector-incrementa-53-millones-euros-2020-casi-398-millones-20200617113206.html> (дата обращения: 02.06.2022).
 14. Impacto COVID-19 en entidades no lucrativas / Fundación Deloitte, Asociación Española de Fundraising y Fundación Lealtad. – Madrid, 2020. – Mayo. – 26 p. – URL: <https://www.fundacionlealtad.org/wp-content/uploads/2020/12/Impacto-COVID-19-Entidades-no-lucrativas-1.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).
 15. Ley 43/2015, de 9 de octubre, del Tercer Sector de Acción Social / Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. – 2015. – 10.10. – URL: <https://www.boe.es/eli/es/l/2015/10/09/43/con> (дата обращения: 26.06.2022).
 16. Molina D. Qué es el IRPF y cómo afecta a trabajadores y autónomos // IEBS. – 2022. – 05.04. – URL: <https://www.iebschool.com/blog/que-es-irpf-como-afecta-trabajadores-autonomos-rrhh-2-0/> (дата обращения: 08.06.2022).
 17. Pérez H. Las ONG se vuelcan con los más vulnerables durante la crisis del coronavirus // Revista Haz. – 2020. – 03.04. – URL: <https://hazrevista.org/coronavirus/2020/04/ong-vulnerables-criisis-coronavirus/> (дата обращения: 01.06.2022).
 18. Picas Contreras J. El papel de las organizaciones no gubernamentales y la crisis del desarrollo. Una crítica antropológica a las formas de cooperación // Tesis doctoral. Parte 2. Las ONG. – Barcelona : Universitat de Barcelona, 2001. – P. 167–452. – URL: https://www.tdx.cat/bitstream/handle/10803/705/03.JPC_PARTE_2.pdf (дата обращения: 02.06.2022).
 19. Salamon L.M., Sokolowski S.W. The third sector in Europe: Towards a consensus conceptualization / Seventh Framework Programme (grant agreement 613034). – European Union ; Brussels : Third Sector Impact, 2014. – 35 p. – (TSI. Working Paper ; N 2). – URL: <https://thirdsectorimpact.eu/documentation/tsi-working-paper-1-methodological-guideline-impact-assessment/> (дата обращения: 17.06.2022).
 20. Social Enterprise in Spain. From a Diversity of Roots to a Tentative Typology of Models / Díaz-Foncela M., Villajos E., Savall T. [et al.] // Social Enterprise in Western Europe Theory, Models and Practice / Ed. by J. Defourny, M. Nyssens. – London : Routledge, 2021. – P. 200–219.

21. Social enterprises and their ecosystems in Europe. Comparative synthesis report / Borzaga C., Galera G., Franchini B. [et al.] / European Commission. – Luxembourg : Publications Office of the European Union. – 2020. – 192 p. – URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKewjbkeru6Lb4AhWnpYsKHe2NAbYQFnoECAwQAQ&url=https%3A%2F%2Fec.europa.eu%2Fsocial%2FblobServlet%3FdocId%3D22304%26langId%3Den&usg=AOvVaw3A5mt4TPT9ahlnSqfHoQbb> (дата обращения: 17.06.2022).

Статья получена: 26.06.2022

Одобрена к публикации: 02.07.2022

УДК 332.1:338.2:334.73
doi: 10.31249/espr/2022.03.05

О.Н. Пряжникова*

**СОЦИАЛЬНАЯ И СОЛИДАРНАЯ ЭКОНОМИКА В ТУНИСЕ:
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
(Обзор)**

Аннотация. Одним из направлений достижения баланса между экономическим ростом и социальной справедливостью для правительства Туниса является продвижение социальной и солидарной экономики. Ее развитие призвано способствовать экономической и социальной интеграции уязвимых групп населения страны, росту их дохода и благосостояния благодаря расширению их участия в кооперативах, обществах взаимопомощи и ассоциациях, составляющих основу сектора. В обзоре рассматривается текущая динамика социальной и солидарной экономики Туниса, меры по ее государственной поддержке и факторы, ограничивающие ее развитие.

Ключевые слова: социальная и солидарная экономика; Тунис; борьба с бедностью; занятость; цепочки создания стоимости.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Социальная и солидарная экономика в Тунисе: проблемы развития. (Обзор) // Экономические и социальные проблемы России. – 2022. – № 3. – С. 87–99.

O.N. Pryazhnikova

**Social and solidarity economy in Tunisia: problems of development
(Review)**

Abstract. One of the ways to achieve balance between economic growth and social justice for the government of Tunisia is the promotion of a social and solidarity economy. Its development contributes to the economic and social integration of vulnerable groups of the country's population, increases their income and welfare through involvement in cooperatives, mutuals and associations, forming the basis of the

* **Пряжникова Ольга Николаевна**, научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: olga.priazhnikova@inion.ru

Pryazhnikova Olga, Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

sector. The review examines the current dynamics of the Tunisian social and solidarity economy, measures of government support and factors limiting its development.

Keywords: social and solidarity economy; Tunisia; poverty reduction; employment; value chains.

For citation: Pryazhnikova O.N. Social and solidarity economy in Tunisia: problems of development. (Review) // Economic and Social Problems of Russia. – 2022. – N 3. – P. 87–99.

Введение

С момента обретения Тунисом независимости в 1956 г. экономическое развитие страны, по мнению ряда экспертов, в частности специалистов Международной организации труда (МОТ), не было инклюзивным [Elachhab, 2018; Public policies ... , 2019]. Вследствие этого отдельные группы населения (молодежь, женщины, жители сельских районов), а также ряд регионов страны (особенно западные) на протяжении десятилетий не получали каких-либо выгод от имевшего место экономического роста, оставаясь социально уязвимыми и неблагополучными.

После революции 2011 г. появилась надежда, что демократизация общества приведет к расширению доступа населения к базовому социальному обеспечению, созданию новых рабочих мест, сокращению неравенства и бедности. Однако ряд показателей указывает на то, что после 2011 г. социально-экономическая ситуация в Тунисе ухудшилась. Рост ВВП остается низким со среднегодовым темпом в 2012–2019 гг. менее 2% в год¹. Безработица выросла с 13% в 2010 г. до более 18% в конце 2012 г. и оставалась стабильной на уровне чуть выше 15% в 2013–2019 гг. Более 15% населения Туниса по-прежнему находится в состоянии бедности [Elachhab, 2018, p. 74]. В условиях коронакризиса уровень бедности населения Туниса вырос с 15,2% в 2019 г. до 19,2% в 2020 г., при этом доходы 475 тыс. тунисцев оказались ниже черты бедности [Beji Okkez, 2021].

В рамках обзора мы рассмотрим в качестве одного из возможных инструментов решения проблем в социально-экономической сфере Туниса – перспективы продвижения социальной и солидарной экономики (ССЭ), в том числе меры по поддержке ее развития и факторы, ограничивающие ее рост.

Основные проблемы социально-экономического развития Туниса

Пытаясь улучшить ситуацию в стране, новые власти столкнулись с трудностями при привлечении инвестиций в неблагополучные регионы, для которых характерно отсутствие даже минимальной инфраструктуры в

¹ Рассчитано по данным Всемирного Банка [Croissance du PIB (% annuel) – Tunisia / World Bank. – URL: <https://donnees.banquemondiale.org/indicateur/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=TN> (дата обращения: 18.07.2022)].

сочетании с низким уровнем образования местного населения. Недостаток инвестиций, разобщенность производственно-бытовых процессов и ограниченное использование новых технологий приводит к низкой производительности труда, которая не позволяет сельскохозяйственным районам Туниса развиваться и бороться с бедностью [Ben Ayed Mouelhi, Ben Braham, Ghazali, 2021, p. 2].

Правительство Туниса ставит перед собой задачи стимулировать экономический рост в целях смягчения хронических социально-экономических проблем, среди которых особенно выделяется высокий уровень безработицы молодежи и женщин.

Молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет составляют 24,5% (моложе 35 лет – 57%) всего населения страны и 38% населения трудоспособного возраста (15–60 лет). Спустя годы, прошедшие после революции 2011 г. (которая состоялась во многом благодаря действиям молодежи), они по-прежнему чувствуют себя вне процессов социально-экономического развития. Отстраненность от общественно-полезной деятельности усугубляется региональными различиями, гендерным неравенством и трудностями доступа к занятости. Молодые тунисцы сталкиваются с высоким уровнем безработицы (34,7% для юношей и 40% для девушек) и прекаризацией занятости¹, что ограничивает перспективы личного развития и карьерного роста для большинства из них [Economic, social ... , 2020, p. 5].

Особенно сильно ограничен доступ к занятости у молодежи в сельской местности. Доля молодых людей, не имеющих работы и не получающих образования или профессиональной подготовки, здесь составляет 33,4%, тогда как в городах – 20%. Во внутренних сельскохозяйственных районах (удаленных от моря) этот показатель достигает 42% для юношей и 45% для девушек. Доля молодых индивидуальных предпринимателей находится на уровне около 8% в сельской местности, а в городах их 13%. При этом большинство из молодых индивидуальных предпринимателей работает в неформальной экономике и лишено доступа к официальным источникам финансирования. Следует подчеркнуть, что ограничение доступа к финансированию является основным препятствием для молодых людей, желающих начать предпринимательскую деятельность [Economic, social ... , 2020, p. 5].

Эксперты Адаптационного фонда² указывают также на то, что система образования Туниса не способна обеспечить молодым людям воз-

¹ Прекаризация занятости предполагает переход от постоянных гарантированных трудовых отношений к неустойчивым формам занятости, ведущий к практически полной потере работником социально-трудовых прав.

² Адаптационный фонд (Adaptation Fund) учрежден в соответствии с Рамочной конвенцией ООН об изменении климата (United Nations Framework convention on climate change) для финансирования конкретных адаптационных проектов и программ в развивающихся странах, являющихся участниками Киотского протокола.

возможность занять полноценное место на рынке труда, так как не соответствует запросам современной экономики на определенные категории знаний и навыков. Кроме того, вовлеченность молодежи в политическую и общественную жизнь остается крайне незначительной, что снижает социальную интеграцию¹ и сдерживает развитие гражданского общества. Низкое доверие к государственным институтам (им не доверяет 60% молодых тунисцев) и отсутствие перспектив социальной интеграции подталкивают часть молодежи к эмиграции, а часть – к смещению на более радикальные социально-политические позиции [Economic, social ... , 2020, p. 6].

Еще одной ущемленной с точки зрения социальной инклюзии² группой населения в Тунисе являются женщины. Они продолжают сталкиваться со значительными культурными, социальными и экономическими ограничениями, препятствующими их экономической интеграции и доступу к достойной оплачиваемой работе. В 2021 г. Тунис занял 126-е место в мире (из 156 стран) по версии Глобального индекса гендерного неравенства (Global gender inequality index), что в основном обусловлено низким уровнем участия женщин в формальной экономике. Так, среди молодых женщин (25–34 лет) только 41% находятся на рынке труда. Среди мужчин той же возрастной группы имеют официальную занятость 89% [Economic, social ... , 2020, p. 4].

Социально-экономическая ситуация в Тунисе свидетельствует о том, что ни государственный, ни частный сектор не способны в должной степени удовлетворить социальные потребности значительной части населения. В связи с этим возрастает роль третьего сектора, в частности социальной и солидарной экономики, одной из функций которой является предоставление товаров и услуг гражданам (в том числе уязвимым социальным группам), которые они не могут получить в государственном или частном секторе [Economic, social ... , 2020, p. 4; Public policies ... , 2019, p. 14].

Социальная и солидарная экономика в Тунисе

Организации ССЭ ведут некоммерческую деятельность, имеющую социальную и / или экологическую миссию. В них практикуется совместное (партиципативное) управление деятельностью, которая, главным образом, направлена на удовлетворение потребностей местных сообществ [Ben Ayed Mouelhi, Ben Braham, Ghazali, 2021, p. 3]. Эксперты МОТ относят к ССЭ экономическую деятельность по производству, переработке,

¹ Под социальной интеграцией здесь понимается включение в жизнь общества представителей различных групп населения и достижение его целостности.

² Под социальной инклюзией здесь понимается возможность отдельных социальных групп (в данном случае женщин) иметь такой же доступ к общественным благам, те же права и свободу выбора, что и все остальные члены общества.

распределению товаров и услуг, осуществляемую кооперативами, обществами взаимопомощи или обществами взаимного страхования (*mutuelles*) и ассоциациями работников в соответствии с определенными принципами. Последние включают примат общественной полезности над получением прибыли; открытую систему членства и свободу выхода из организации; независимость от органов государственной власти и политических партий; демократическое управление по принципу «один член – один голос»; приверженность этическим ценностям солидарности, равенства, социальной сплоченности, справедливости, гражданской и социальной ответственности [Public policies ... , 2019, p. 9].

После революции 2011 г. число организаций ССЭ в Тунисе увеличилось к 2017 г. с 12 019 до 22 350. Несмотря на почти двукратный рост участников ССЭ их экономическое значение остается низким. В рамках ССЭ, по данным на 2017 г., было занято лишь около 0,6% всей рабочей силы страны, а вклад сектора в ВВП Туниса составлял 1%. В среднем на одном предприятии ССЭ занято менее 10 человек [Elachhab, 2018, p. 78; Ben Ayed Mouelhi, Ben Braham, Ghazali, 2021, p. 3].

Основу сектора ССЭ в Тунисе составляют три типа организаций, а именно: кооперативы – *coopératives*; общества взаимного страхования и общества взаимопомощи, которые определяют, используя единое название – *mutuelles*; ассоциации – *associations*.

Почти все кооперативы работают в сельскохозяйственном секторе, включая кооперативные сельскохозяйственные объединения (*unités coopératives de production agricole (UCPA)*) и кооперативные общества в сфере сельскохозяйственных услуг (*sociétés mutuelles de service agricole (SMSA)*)¹. По применению принципа ограниченного распределения прибыли тунисские организации ССЭ делятся на два типа. С одной стороны, организации с правом на распределение прибыли – это кооперативы и общества взаимного страхования. С другой стороны, организации, не имеющие права распределять прибыль, – это общества взаимопомощи и ассоциации. При этом ассоциации объединяют организации, которые регулируются общим правом, и те, которые имеют особый статус: ассоциации микрофинансов (*associations de micro finance (AMF)*) и группы развития сельского хозяйства и рыболовства (*groupement de développement agricole et de la pêche (GDAP)*) [Étude ... , 2017, p. 12].

¹ Следует отметить, что, хотя в названии SMSA (*sociétés mutuelles de service agricole*) присутствует французский термин «*mutuelle*», исторически обозначавший общества взаимопомощи, а в современных условиях, главным образом, употребляющийся для обозначения обществ взаимного страхования, SMSA в соответствии с тунисским законодательством является кооперативом. По мнению экспертов, использование термина «*mutuelle*» в названии SMSA вместо «кооператив» вызывает путаницу из-за несоответствия терминологии, используемой на международном уровне для определения подобных организаций [Belhaj Rhouma, Ahmed, 2019, p. 13].

Основная экономическая деятельность внутри сектора ССЭ осуществляется GDAP и SMSA. GDAP – это ассоциации с особым статусом, занимающиеся некоммерческой общественно полезной деятельностью и объединяющие фермеров и рыбаков. Миссией данных организаций является защита окружающей среды и обеспечение устойчивого использования природных ресурсов. В 2015 г. количество GDAP в Тунисе, по оценкам, составляло примерно 2900 организаций, из которых 91% работали в секторе пользования водными ресурсами: 1354 GDAP в сфере питьевой воды и 1288 GDAP в области ирригации. Остальные осуществляли деятельность по охране почв, подземных вод и оливковых рощ, а также в сфере рыболовства, органического земледелия и животноводства.

SMSA, по сути, представляют собой кооперативы, специализирующиеся на услугах, связанных с сельским хозяйством и рыболовством. Их миссия состоит в том, чтобы: 1) обеспечивать участникам доступ к ресурсам и оказывать услуги, необходимые для осуществления сельскохозяйственной деятельности и рыболовства; 2) поддерживать и обучать своих членов, чтобы повысить производительность и рентабельность их деятельности; 3) улучшать качество сельскохозяйственной продукции, контролируя все стадии производства (включая сбор урожая, хранение, упаковку, переработку, транспортировку), и развивать ее продажи [Tunisia ... , 2019, p. 87].

Всего в аграрном секторе Туниса функционируют 316 SMSA. Они поддерживают деятельность примерно 11% тунисских фермеров, оказывают содействие сбору и распределению 30% производимого молока, сбору и хранению примерно 45% собранного зерна, а также проводят обучение и консультации для фермеров [Beji Okkez, 2021].

Однако эти организации не получили распространения во внутренних регионах страны, в которых социальные проблемы наиболее остры: 74% обществ находятся в прибрежных провинциях и только 9,5% – в сельскохозяйственных северо-восточных провинциях. Действующими членами этих обществ являются чуть больше 5% тунисских фермеров. Одним из наиболее значимых ограничений для развития SMSA служит низкая доступность финансовой поддержки. В 2019 г. их долги составили более 400 млн тунисских динаров, половина от этой суммы представляет собой накопленные проценты по ранее полученным кредитам [Beji Okkez, 2021].

Государственная политика продвижения ССЭ в Тунисе

Правительство Туниса неоднократно подчеркивало, что продвижение и поддержка ССЭ является частью его стратегии развития страны. Впервые концепция ССЭ была включена в основополагающие документы государственной политики в рамках социального контракта, подписанного в 2013 г. правительством, Всеобщей конфедерацией труда Туниса (Union general tunisien de travail или UGTT) и Тунисским союзом промышлен-

ности, торговли и ремесел (Union tunisienne de l'industrie, du commerce et de l'artisanat или UTICA). Согласно условиям общественного договора, поддержка ССЭ является одной из ключевых задач новой модели развития, которая призвана обеспечить устойчивое, сбалансированное и справедливое развитие страны.

Принятый правительством План развития на 2016–2020 гг. определяет ССЭ как третий сектор, дополняющий частный и государственный, развитие которого должно способствовать росту благосостояния и занятости населения. Сектор призван раскрыть потенциал местных сообществ и скорректировать региональные дисбалансы.

План развития включает пять стратегических реформ в секторе ССЭ, которые все еще находятся на стадии реализации, в том числе [Public policies ... , 2019, p. 16]:

1) формирование единой правовой базы регулирования деятельности организаций ССЭ в соответствии с требованиями новой Конституции Туниса;

2) выстраивание национальной и региональной системной политики продвижения ССЭ, а также системы сбора статистических данных о деятельности в рамках сектора;

3) налаживание процедур финансирования предприятий ССЭ, в частности кредитных линий;

4) профессиональное обучение и повышение квалификации работников организаций ССЭ, продвижение ее культуры и ценностей.

В свою очередь, Министерство сельского хозяйства, водных ресурсов и рыболовства Туниса разработало и приступило к реализации Стратегии продвижения ССЭ в аграрном секторе в период 2018–2021 гг., результаты которой еще предстоит оценить. Ключевое положение Стратегии – продвижение принципов ССЭ и поддержка ее акторов, вовлеченных в сельскохозяйственное производство. В качестве основных направлений выделены следующие задачи: 1) повышение качества человеческих ресурсов в секторе через программы профессионального обучения и включения определенных дисциплин в систему высшего образования; 2) реформирование законодательной базы, облегчающей достижение целей развития ССЭ; 3) формирование актуальной институциональной инфраструктуры для продвижения ССЭ; 4) внедрение системы финансирования ССЭ, создание кооперативного банка, паевого фонда сбережений и взаимного кредитования для поддержки инвестиций, формирования режима налоговых и финансовых льгот для предприятий ССЭ; 5) расширение возможностей трудоустройства для молодежи и женщин [Public policies ... , 2019, p. 23].

Важным шагом в процессе институализации ССЭ стала инициация в 2017 г. Всеобщей тунисской конфедерацией труда создания проекта закона о ССЭ. Закон о ССЭ поступил на рассмотрение в тунисское правительство в 2018 г. и был принят 17 июня 2020 г. Статья 2 Закона 79/2019 о социальной и солидарной экономике (Loi 79/2019 sur l'économie sociale et

solidaire (adoptée le 17/06/2020)) определяет тунисский сектор ССЭ как «экономическую модель, состоящую из видов экономической деятельности, имеющих социальную цель и связанных с производством, переработкой, распределением, обменом, маркетингом и потреблением товаров и услуг, предоставляемых предприятиями ССЭ, с целью удовлетворения коллективных потребностей членов организаций ССЭ их общественных, экономических и социальных интересов» [Loi ... , 2020].

В соответствии со статьей 4 данного закона тунисские предприятия ССЭ обязаны содержать в своем уставе и реализовывать в ходе деятельности следующие принципы:

- примат личности и социальной цели над капиталом и соблюдение правил устойчивого развития;
- свободное и добровольное членство в организации в соответствии с действующим законодательством;
- демократическое и прозрачное управление согласно правилу «один член – один голос»;
- добровольное сотрудничество и взаимопомощь между предприятиями ССЭ;
- ограниченное распределение прибыли в соответствии со следующими правилами: 1) отчисление 15% излишков на формирование обязательных резервов до тех пор, пока их объем достигнет 50% капитала организации; 2) выделение до 5% получаемой прибыли на социальные, культурные и экологические цели; 3) распределение между участниками излишков (в размере максимум 25% от совокупной прибыли) по решению, принимаемому органом управления предприятия в соответствии с демократическими принципами; 4) остаток прибыли используется на развитие организации или создание новых предприятий в рамках ССЭ [Loi ... , 2020].

Закон определяет три институциональные структуры для регулирования и развития ССЭ: при правительстве – Высший совет социальной и солидарной экономики (Conseil supérieur de l'économie sociale et solidaire), при министерстве социальной и солидарной экономики (Ministère chargé de l'économie sociale et solidaire) – Тунисскую комиссию по социальной и солидарной экономике (Instance tunisienne de l'économie sociale et solidaire), а также представительские структуры организаций ССЭ. Что касается вопросов финансирования, то принятый закон предусматривает создание кредитных линий, адаптированных для организаций ССЭ, а также создание кооперативных банков как части экосистемы сектора [The Tunisian Parliament ... , 2020; Loi ... , 2020].

Таким образом, теперь в Тунисе существует законодательная база для регулирования деятельности акторов ССЭ и открытия им доступа к формальным источникам финансирования. Тем не менее, по мнению некоторых специалистов [Ben Ayed Mouelhi, Ben Braham, Ghazali, 2021, p. 5], требуется дальнейшая детализация положений закона для реального продвижения практик ССЭ в регионах Туниса.

Международные программы развития ССЭ в Тунисе

Ряд пилотных проектов ССЭ были инициированы международными организациями (МОТ, Немецкое общество международного сотрудничества (Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit или GIZ) и т.д.) с целью развития в Тунисе соответствующих практик. В проектах используется подход, предполагающий формирование и создание основ для эффективного управления цепочками добавленной стоимости. Например, реализация тунисско-датского проекта, начатого в 2014 г, позволила установить холодильное оборудование на фермах в провинции Бежа (Beja). В результате внутри конкретной цепочки стоимости, объединяющей местных участников ССЭ, удалось обеспечить поддержание должного качества молочной продукции. В рамках проекта была также разработана схема оплаты произведенных молочных продуктов в зависимости от их качества.

Еще одним примером инициатив по продвижению ССЭ в Тунисе может служить проект содействия ССЭ PROMESS (Promotion of organizations and mechanisms of social and solidarity economy), релизованный МОТ в 2016–2020 гг. и охвативший четыре провинции – Бежа (Beja), Джендуба (Jendouba), Кеф (Kef) и Силиана (Siliana) [Promotion ... , 2020]. Целью проекта было создание новых рабочих мест для молодежи, разработка механизмов финансирования инициатив ССЭ с учетом потенциальных возможностей регионов, формирование институциональной инфраструктуры ССЭ. В проект были вовлечены различные министерства, профсоюзные организации и ассоциации, а также более 30 предприятий ССЭ, осуществляющих свою деятельность в таких сферах, как пчеловодство, альтернативный туризм, птицеводство, изготовление изделий ручной работы, производство молока, разведение ароматических и лекарственных растений. В результате было создано 300 новых рабочих мест непосредственно на предприятиях ССЭ и 3000 косвенных рабочих мест (места, возникшие в результате роста экономической активности в регионе); 90 участников ССЭ прошли обучение в сфере управления, администрирования, финансового менеджмента, маркетинга, совершенствования технических навыков [Promotion ... , 2020].

В мае 2021 г. правительством Туниса и Международным фондом сельскохозяйственного развития (International fund for agricultural development, IFAD или МФСР) был запущен совместный Проект экономической, социальной и солидарной интеграции (Projet d'insertion économique, sociale et solidaire или IESS) в провинции Кайруан. Он рассчитан на 6 лет и закончится в июне 2027 г. [IESS-Kairouan ... , 2022]. Проект направлен на улучшение качества жизни малообеспеченных семей и сокращение бедности; поддержку занятых в сельском хозяйстве и занятости наиболее уязвимых социальных групп – женщин и молодежи. Этого предполагается добиться путем создания условий для экономической интеграции мелких

ферм и семей с низким уровнем доходов, а также для развития их устойчивой экономической деятельности, генерирующей достойный доход для работников и учитывающей адаптацию к изменению климата. Всего проект направлен на поддержку 16,8 тыс. домохозяйств или 84 тыс. человек [Tunisia ... , 2019, p. 1].

На территории, охваченной проектом, в настоящее время находится 29 GDAP, управляющих ирригационными системами. Также здесь функционируют 12 SMSA, в которых занято около 1 тыс. человек. Большинство из этих организаций возникли недавно и нуждаются в значительной поддержке, чтобы продолжать выполнять в соответствии со своей социальной миссией структурирующую роль в развитии цепочек добавленной стоимости в регионе и поддержки занятости целевых групп.

Запущенный в 2016 г. совместный проект Агентства США по международному развитию (USAID), Итальянского агентства по сотрудничеству в целях развития (AICS), французского Фонда общественного содействия (Fondation de l'assistance publique) и Организации ООН по промышленному развитию (ЮНИДО) под названием Mashrou3i («Мой проект») направлен на поддержку предпринимательских инициатив среди тунисской молодежи, содействие созданию и развитию нового бизнеса. Mashrou3i поддерживает социальных предпринимателей, работающих в рамках ССЭ, в том числе благодаря бизнес-коучингу¹ и оказанию технической помощи, сопровождая их деятельность в таких сферах, как продвижение культурного наследия и создание устойчивых рабочих мест (особенно для молодежи и женщин в сельской местности и бедных районах Туниса).

Ключевой составляющей проекта является платформа для онлайн-обучения предпринимателей «Learning for Entrepreneurs» (HP LIFE), которая предоставляет 32 бесплатных курса в формате самообучения, формирующих базовые навыки в сфере информационных технологий, финансов, маркетинга, менеджмента и деловой коммуникации. С момента создания платформы в 2016 г. более 31,6 тыс. тунисских граждан воспользовались возможностями обучения на ней [L'essor ... , 2022].

Факторы, ограничивающие развитие ССЭ в Тунисе

Эксперты выделяют ряд ограничений, тормозящих развитие тунисского сектора ССЭ. Во-первых, большинство отраслевых программ по продвижению ССЭ, инициированные различными органами власти, разрозненны и не координируются в рамках единой государственной политики. Во-вторых, непосредственные участники ССЭ (кооперативы, паевые

¹ Бизнес-коучинг – система профессиональных взаимоотношений между специалистом по развитию бизнеса и клиентом, выражающаяся в поддержке и консультировании клиента до получения им необходимого результата в соответствии с установленными им целями.

общества и ассоциации) недостаточно вовлечены в процессы формирования государственной политики (обмен идеями, рабочими концепциями и практическими решениями) и контроль над ее реализацией [Public policies ... , 2019, p. 29, 30].

В-третьих, специалисты МОТ указывают на тот факт, что для современного политического режима в стране (установленного конституцией 2014 г. и представляющего собой парламентскую систему) характерна частая смена правительств. Как следствие, в периоды политических изменений государственные органы сосредоточены в основном на повседневных (текущих) процессах управления, что негативно сказывается на выработке и воплощении долгосрочных стратегий развития, в том числе в сфере ССЭ [Public policies ... , 2019, p. 32].

Помимо прочего, тунисский сектор ССЭ фрагментирован и его развитие все еще недостаточно скоординировано, что обусловлено, в частности, отсутствием единого института, который бы формировал и реализовывал политику в данной сфере. Среди препятствий, тормозящих продвижение ССЭ в Тунисе, можно также назвать: 1) несовершенство механизмов формирования консолидированной статистики и информационной базы по данному сектору; 2) нуждающаяся в дальнейшем совершенствовании нормативно-правовая база, регулирующая ССЭ; 3) неэффективные практики администрирования; 4) слишком мелкий размер организаций-участников ССЭ; 5) низкая квалификация их работников; 6) низкое качество управления предприятиями; 7) ограниченный доступ организаций ССЭ к источникам финансирования [Ben Ayed Mouelhi, Ben Braham, Ghazali, 2021, p. 5].

Заключение

Продвижение ССЭ способствует расширению прав и возможностей уязвимых групп населения и таким образом вносит вклад в поддержку социально-экономического развития той или иной страны. Роль ССЭ можно рассматривать с разных точек зрения: организации ССЭ поддерживают инклюзивный и устойчивый рост; способствуют сокращению бедности; создают новые рабочие места; формируют в рамках местных сообществ институциональные инструменты для организации более эффективного использования ресурсов, находящихся в их распоряжении; способствуют переводу в рамки официальной экономики неформальной экономической деятельности. Все это способствует увеличению благосостояния населения в целом.

Внешняя поддержка сектора часто играет ключевую роль для роста организаций ССЭ различного типа. Выступая в качестве источников финансирования, государственные органы, неправительственные организации и международные доноры способствуют развитию ССЭ и расширяют возможности ее субъектов. Однако, как показывает анализ опыта Туниса,

для успешного продвижения ССЭ необходимо: выявлять и анализировать сильные и слабые стороны уже существующих местных организаций ССЭ; выстраивать каналы сбора данных, отражающих экономическую значимость и динамику развития этого сектора; системно оценивать и сопоставлять реализуемые проекты ССЭ и соответствующие передовые практики разных стран и регионов мира.

Список литературы

1. Beji Okkez M.S. Implementing social solidarity economy in Tunisia is difficult // The legal agenda. – 2021. – 13.01. – URL: <https://english.legal-agenda.com/implementing-social-solidarity-economy-in-tunisia-is-difficult/> (дата обращения: 18.06.2022).
2. Belhaj Rhouma A., Ahmed Z. Les sociétés mutuelles des services agricoles (SMSA) en Tunisie: cadre juridique et partenariat Public-SMSA. Rapport de recherche / Centre International de Hautes Etudes Agronomiques Méditerranéennes, Institut Agronomique Méditerranéen de Montpellier (CIHEAM-IAMM). – 2019. – 28.05. – 60 p. – URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02140783> (дата обращения: 03.07.2022).
3. Ben Ayed Mouelhi R., Ben Braham M., Ghazali M. The social and solidarity economy in Tunisia and its role in formalising the informal economy: a qualitative survey / Euro-Mediterranean network for economic studies (EMNES). – 2021. – 16 p. – (EMNES. Working paper ; N 48). – URL: https://www.econostrum.info/The-Social-and-Solidarity-Economy-in-Tunisia-and-its-role-in-formalising-the-Informal_a27559.html (дата обращения: 18.06.2022).
4. Economic, social and solidarity insertion for resilience in the Governorate of Kairouan – IESS-Adapt: Project proposal to the Adaptation fund / Adaptation Fund. – 2020. – 165 p. – URL: <https://www.adaptation-fund.org/projects-document-view/?URL=https://pubdocs/en/731891594137697413/12127-Proposal-for-Tunisia.pdf> (дата обращения: 18.06.2022).
5. Elachhab F. L'économie sociale et solidaire en Tunisie, un potentiel troisième secteur? // RECMA. – 2018. – N 349. – P. 71–86. – URL: <https://www.cairn.info/revue-recma-2018-3-page-71.htm> (дата обращения: 18.06.2022).
6. Étude stratégique sur l'économie sociale et solidaire en Tunisie / Ministère du développement, de l'investissement et de la coopération international; United Nations development programme. – 2017. – 31 p. – URL: http://www.mdici.gov.tn/wp-content/uploads/2017/09/Rapport-Etude-Strategique-ESS_Resume.pdf (дата обращения: 22.06.2022).
7. IESS-Kairouan. Rapport de supervision / International fund for agricultural development (IFAD). – 2022. – 31 p. – URL: <https://www.ifad.org/fr/web/operations/-/projet/2000002075> (дата обращения: 18.06.2022).
8. L'essor de l'économie sociale et solidaire en Tunisie / Organisation des Nations Unies pour le développement industriel. – 2022. – 04.02. – URL: <https://tunisia.un.org/fr/170896-essor-de-leconomie-sociale-et-solidaire-en-tunisie> (дата обращения: 22.06.2022).
9. Loi n° 2020–30 du 30 juin 2020, relative à l'économie sociale et solidaire // J. officiel de la République Tunisienne. – 2020. – N 63. – P. 1399–1403. – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_ent/---coop/documents/legaldocument/wcms_750308.pdf (дата обращения: 18.06.2022).

10. Public policies for the social and solidarity economy and their role in the future of work. The case of Tunisia / International Labour Organization (ILO). – 2019. – 45 p. – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_ent/---coop/documents/publication/wcms_740732.pdf (дата обращения: 18.06.2022).
11. Promotion of organizations and mechanisms of social and solidarity economy ('PROMESS') in Tunisia / International labour organization. – 2020. – 13 p. – URL: https://www.ilo.org/africa/countries-covered/tunisia/WCMS_532871/lang-en/index.htm (дата обращения: 18.06.2022).
12. The Tunisian Parliament adopts a bill on the social and solidarity economy / International labour organization. – 2020. – 24.06. – URL: https://www.ilo.org/global/topics/cooperatives/sse/WCMS_749012/lang-en/index.htm (дата обращения: 22.06.2022).
13. Tunisia. Economic, social and solidarity project (IESS-Kairouan): Project design report / International fund for agricultural development (IFAD). – 2019. – 400 p. – URL: <https://www.ifad.org/fr/web/operations/-/projet/2000002075> (дата обращения: 18.06.2022).

Статья получена: 19.06.2022

Одобрена к публикации: 17.08.2022

УДК 336.71
doi: 10.31249/espr/2022.03.06

Г.В. Семеко*

ЭТИЧЕСКИЙ БАНКИНГ КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ БАНКОВСКАЯ МОДЕЛЬ

Аннотация. Этический банкинг рассматривается как составная часть и важный инструмент финансирования социальной и солидарной экономики. Этические банки успешно работают во многих странах мира, но наибольшее развитие они получили в промышленно развитых странах. В статье обсуждаются цели и принципы этического банкинга, его отличия от традиционного банковского дела, факторы, способствующие его развитию, специфика предлагаемых продуктов и услуг. Приводятся результаты исследований, подтверждающие возможности успешного продвижения данной модели банковской деятельности и высокий уровень ее финансовой устойчивости в условиях кризиса.

Ключевые слова: социальная и солидарная экономика; этический банкинг; банковская этика; промышленно развитые страны; этические ценности; устойчивое развитие.

Для цитирования: Семеко Г.В. Этический банкинг как альтернативная банковская модель // Экономические и социальные проблемы России. – 2022. – № 3. – С. 100–124.

G.V. Semeko

Ethical banking as an alternative banking model

Abstract. Ethical banking as an integral part and an important tool for financing social and solidarity economy is considered. Ethical banks are successfully operating in many countries of the world, but they have received the most substantial development in industrialized countries. The article discusses objectives and principles of ethical banking, its differences from traditional banking, the factors contributing to its growth, the specifics of the products and services offered. The results of several scientific

* **Семеко Галина Викторовна**, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: semeko@mail.ru

Semeiko Galina, PhD (Econ. Sci.), Leading Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

studies presented in the article indicate the possibility of successful promotion of this banking model on the market and a high level of its financial stability in a crisis.

Keywords: social and solidarity economy; ethical banking; banking ethics; industrialized countries; ethical values; sustainable development.

For citation: Semeko G.V. Ethical banking as an alternative banking model // Economic and Social Problems of Russia. – 2022. – N 3. – P. 100–124.

Введение

Основная задача этического банкинга заключается в ответственном финансировании проектов социальной и солидарной экономики, которые способствуют созданию стабильной и качественной занятости, устойчивому развитию местных сообществ, социальной инклюзии и расширению занятости уязвимых категорий населения, честной торговле, развитию культуры, образования и гражданской активности. Этическая составляющая является главной характеристикой подобных финансовых учреждений, которые учитывают в своей деятельности наиболее важные потребности общества.

Этический банкинг не получил широкого распространения в мире, но он занял свою нишу на рынке финансовых услуг. Многие этические банки, особенно в промышленно развитых странах, уже долгие годы успешно функционируют, расширяют свою клиентскую базу и операционную деятельность, демонстрируют высокую устойчивость к внешним шокам. Этические банки владеют лишь очень небольшой частью общей суммы мировых банковских активов, а потому их прямое влияние на финансовую стабильность невелико. Однако их деятельность в контексте происходящих в мире изменений привлекает все большее внимание общества.

Эксперты утверждают, что началась «тихая революция этических, социальных и благотворительных финансов» и что это оказывает положительное влияние на экономический рост [Assessing ... , 2017]. Они высказывают предположение, что рост этического банкинга будет продолжаться и этический банк превратится из нишевого финансового учреждения, достаточно непривычного и непривлекательного для многих потребителей, в развитый и авторитетный институт будущего мироустройства [Дончевский, Шафиров, 2013; Karl, 2015].

Тот факт, что этические банки действительно существуют, сам по себе может положительно повлиять на поведение традиционных банков. Опыт этических банков показывает, что возможны различные способы ведения банковского бизнеса. Позитивное воздействие этических банков на социальную сферу, окружающую среду и общество в целом не поддаются количественной оценке, но, несмотря на это, оно является основным результатом этой модели банковского бизнеса.

В научных исследованиях этическое банковское дело считается относительно новой областью, в которой все еще отсутствуют масштабные исследования по отдельным направлениям (размер рынка, специфика потребительского поведения и др.). Из-за неоднородности этических банков в разных странах осложняется сравнительный анализ их практик. Разнообразие таких банков связано с рядом факторов, в том числе с национальными особенностями экономики и рынка финансовых услуг, различиями в юридическом статусе и организационной структуре, участием в многочисленных социальных движениях (за социальные реформы, за сохранение окружающей среды и т.д.), приверженностью к разным религиям. Даже в пределах одной страны часто крайне трудно провести объективную и основанную на надежных и актуальных критериях классификацию этических банков, оценить их роль и влияние на рынке финансовых услуг, сопоставить их уровень этичности, экологичности и т.д.

В представленной статье рассматриваются основы и принципы этического банкинга, специфика его бизнес-модели, перспективы развития. Цель исследования состоит в том, чтобы обсудить, может ли этический банк быть таким же успешным, как традиционный, и приносить устойчивый доход при социально-ориентированном характере своей деятельности.

Банки и этика

На первый взгляд кажется, что банки и добродетель – вещи несовместимые, поскольку в силу своей социально-экономической природы они являются коммерческими учреждениями, которые не предназначены для максимизации социального благосостояния. Неудивительно в этой связи, что большинство из них далеки от социальной ответственности. Для крупных банков прибыль имеет первостепенное значение, и, руководствуясь целью наращивания прибыли, они часто принимают решения, которые оставляют малообеспеченных людей без банковских услуг и способствуют сохранению предприятий, разрушающих окружающую среду [Assessing ... , 2017].

Среди ученых нет единого мнения по поводу концепции интеграции этических принципов в банковское дело. Дискуссии по этому вопросу ведутся уже не одно десятилетие. Противники этой концепции декларируют, что этика не вписывается в рыночную логику и что этические принципы невозможно ввести в банковский бизнес (это оксюморон), так как он нацелен на максимизацию прибыли и на реализацию личных интересов к обогащению.

Напротив, защитники указанной концепции убеждены, что необходимо учитывать реальность, в которой этика и финансы интегрированы, и тот факт, что этические принципы обеспечивают основу для финансовой деятельности [San-Jose, Retolaza, 2018]. По их мнению, в банковской сфере этика должна выполнять важную миссию по обеспечению равного

доступа людей ко всем видам финансовых продуктов и услуг. Для достижения этой цели финансовая система должна содействовать монетарной и финансовой стабильности, а также оптимизации использования финансовых ресурсов. Иными словами, она должна содействовать реальной и продуктивной экономической деятельности и общему, а не индивидуальному благополучию, что и является первым принципом финансовой этики [Camacho Laraña, 1996, p. 35]. Создание общественной полезности для окружающего сообщества, выходящей за рамки поиска экономической выгоды, характеризует социальную отдачу на вложенный капитал и социальную ответственность этических банков как инвесторов [Benito Hernández, 2014].

По мнению П. Козловски, финансовая сфера, выполняющая особо важные социально-экономические функции и участвующая в создании денег путем выдачи кредитов, этически более значима, чем отрасли реальной экономики [Козловски, 2014, с. 13].

На сегодняшний момент наблюдается повышенный интерес к банковской этике, созданию этических банков и этических, или социально ответственных, инвестиционных фондов, в которых определенные социальные ценности имеют приоритет над финансовыми целями (доходность, прибыль). Банковские клиенты при принятии финансовых решений стали больше принимать во внимание этические мотивы. Правило Голдмана¹, которое поддерживает стремление человека к возможностям получения прибыли, независимо от его последствий, считают испанские ученые, постепенно теряет свои позиции как в общей модели потребительского поведения, так и, в меньшей мере, в модели потребления финансовых продуктов и услуг [Assessing ... , 2017].

Как показывает практика, расширение использования этических и моральных принципов в банковском деле происходит в ответ на различные экономические и финансовые конфликты и кризисы, для которых в рамках неolibеральной экономической модели нет приемлемых решений. С каждым новым кризисом значительное число граждан переосмысливают свои приоритеты, свой способ потребления, свою роль в качестве действующих лиц в обществе. И это заставляет их задуматься о том, что происходит с их деньгами и для чего их используют традиционные финансовые институты [20 years is ... , 2021].

¹Правило Голдмана: «используйте выгодные возможности, невзирая на последствия для других». Оно основывается на предположении, что рост возможностей для получения прибыли увеличивает альтернативные издержки (издержки упущенной выгоды) этического поведения. Этическое поведение подразумевает добровольный отказ от действий, направленных на получение преимуществ за счет других, и это ведет к снижению размера прибыли. Правило Голдмана предполагает, что финансовые учреждения менее склонны к этическому поведению, поскольку альтернативные издержки такого поведения очень высоки [Watkins, 2011].

Продвижение этической культуры в банковской сфере привело к установлению новых национальных и международных нормативных стандартов, которые помогают усилить регулирование, надзор и управление рисками в глобальной финансовой системе, в то же время устраняя или уменьшая вредные последствия этических конфликтов для общества в целом.

Ускорению развития этического банкинга в последние два десятилетия во многом способствовали глобальный финансовый кризис (2007–2008), сильно подорвавший доверие общества к традиционной финансовой системе, сопутствовавшие ему меры по спасению банков, а также обострение экологических проблем.

Глобальный финансовый кризис оказал деструктивное влияние как на банковскую сферу и финансовые рынки, так и на мировую экономику в целом. Причем значительная вина в его возникновении лежит на банках и других финансовых посредниках, которые в погоне за обогащением злоупотребили доверительными отношениями со своими клиентами и способствовали финансовым спекуляциям [Козловски, 2014, с. 9].

Глобальный финансовый кризис породил высокую степень неопределенности и волатильности на международных финансовых рынках, прежде всего, из-за проблем с ликвидностью и платежеспособностью, с которыми столкнулись многие финансовые учреждения [Assessing ... , 2017; Karl, 2015]. Впоследствии ситуация усугубилась глубоким экономическим спадом и кризисом суверенного долга, вызванным значительными расходами правительств на поддержку проблемных банков. Возникла серьезная угроза глобальной финансовой стабильности, поскольку нарушилось эффективное распределение сбережений и инвестиций – движущих сил экономического роста, а также процесс создания рабочих мест и роста социального благосостояния.

В целом глобальный финансовый кризис подчеркнул необходимость принятия банками инвестиционной философии, основанной на большей прозрачности операций, включении этических ценностей в бизнес-модель и более эффективном управлении рисками [Assessing ... , 2017, p. 2].

В условиях кризиса, как отмечают исследователи, опора на этические ценности может быть очень полезна для повышения стабильности финансовой системы [Climent, 2018]. Жесткая конкуренция в кризисной ситуации требует от банков достижения высокого уровня не только операционной эффективности, но и доверия и удовлетворенности потребителей [The Relationship between ... , 2017].

Глобальный финансовый кризис нанес ущерб традиционным банкам не только в плане их доходности, но и с точки зрения доверия населения, которое является одним из наиболее важных факторов стабильного развития [Козловски, 2014; Авис, 2018]. Утрата доверия к традиционным банкам в определенной мере была обусловлена безответственной с эти-

ческой точки зрения политикой банков, способствовавшей усугублению финансового кризиса.

На это обстоятельство обращают внимание испанские ученые, которые выделили три группы «этических провалов» [Assessing ... , 2017, p. 2]. Во-первых, широкое распространение получило неадекватное, иногда даже преступное поведение банков, которые стремились получить максимальную выгоду от высоких темпов экономического роста, избыточной ликвидности, низких процентных ставок и исключительных возможностей для получения прибыли (сокрытие информации о своем финансовом положении, ложная реклама услуг и продуктов, расширение неоправданных транзакций для получения более высоких комиссий, неадекватная оценка рисков, высокая задолженность и т.д.). Во-вторых, многочисленные этические ошибки были связаны с корпоративным управлением (плохое управление и отсутствие профессиональной компетентности у директоров, руководителей высшего звена и аналитиков в различных финансовых организациях, включая коммерческие и инвестиционные банки, хедж-фонды и др.). В-третьих, отмечались неудачи в социальной этике, а именно, были созданы социальные условия, которые поощряли или, по крайней мере, не могли предотвратить неподобающее в плане этики поведение сотрудников по отношению к клиентам банка.

К примерам неэтичного поведения банков можно добавить также использование чисто технических приемов, таких как манипуляции с курсами валют при валютных операциях, использование информационной осведомленности о делах клиентов в своих интересах, умышленное ускорение процедуры отчуждения залога и банкротства клиентов, которые нарушают выполнение своих долговых обязательств, и др. [Козловски, 2014, с. 9–10].

Предсказуемым следствием недоверия к традиционным банкам стало развитие альтернативных моделей банковского дела, в частности этического банкинга. Неудовлетворенность поведением традиционных банков и инвесторов и обеспокоенность граждан климатическим кризисом, последствиями пандемии для экономики и стратегией добывающих компаний создали предпосылки для расширения клиентской базы этических банков [20 years is ... , 2021].

После глобального финансового кризиса ужесточение национальных стандартов регулирования финансовой системы в контексте принципов, выработанных Базельским комитетом по банковскому надзору (соглашение Базель-3), было направлено в первую очередь на рост капитализации банков, более строгий контроль над ликвидностью и платежеспособностью, повышение прозрачности сделок и секьюритизации, а также на усиление контроля над рисками и уровнем привлечения средств из внешних источников [Assessing ... , 2017]. Однако инициативы в области финансового регулирования как на национальном, так и на наднациональном

уровнях в целом оказались недостаточными для предотвращения разного рода этических конфликтов, возникающих в мире финансов.

Такой результат связан в основном с высокой сложностью финансовой деятельности, которая облегчает уклонение банков от выполнения обязательств перед клиентами. По-видимому, инициативы в области финансового регулирования национальных властей и международных организаций должны быть дополнены саморегулирующими инициативами всех участников финансового рынка. По мнению испанских ученых, этого можно добиться двумя способами:

– во-первых, путем разработки финансовыми учреждениями внутренних кодексов этики и этического управления, которые позволят значительно повысить институциональную прозрачность и приверженность корпоративной социальной ответственности. Такие кодексы станут важным инструментом воздействия на решения клиентов, сотрудников, акционеров и других заинтересованных лиц;

– во-вторых, с помощью соответствующей финансовой подготовки и обучения граждан, которые вооружают получателей знаний новыми навыками, ценностями и способностями, необходимыми для принятий разумных и обоснованных финансовых решений при возникновении сложных ситуаций в экономике [Assessing ... , 2017, p. 3].

Особенности этического банкинга

В мировой практике банки, руководствующиеся принципами этики и социальной ответственности, заботящиеся о социальных и экологических последствиях своих инвестиций и кредитов, известны под разными названиями. Так, применяют такие термины, как «ценностно-ориентированный банк» (*values-based bank*), «социальный банк» (*social bank*), «социально ответственный банк» (*socially responsible bank*), «альтернативный банк» (*alternative bank*), «устойчивый банк» (*sustainable bank*) и т.д.

В настоящей статье понятие «этический банк» используется как обобщающее понятие, поскольку объединяет все основные принципы и ценности рассматриваемой альтернативной банковской модели.

На сегодняшний день отсутствуют какие-либо особые организационно-правовые, законодательно закрепленные формы для этических банков как новых финансовых субъектов. Они регулируются теми же органами и подчиняются тем же правовым нормам и регламентациями, что и обычные банки. Многие этические банки организованы как кооперативы (кооперативные этические банки), и это неслучайно. Вообще говоря, кооператив как организационная модель в большей степени, чем коммерческие банки, ориентирован на принципы прозрачности и сотрудничества между людьми.

Пока не выработано и общепризнанное определение этического банкинга. Согласно концепции Европейской федерации этических и альтер-

нативных банков (European Federation of Ethical and Alternative Banks, FEVEA), этический банк – это «банк, который работает на общее благо и обеспечивает право на кредит посредством банковской деятельности, которая собирает средства и перераспределяет их в виде кредитов на культурные, социальные и экологические проекты» [Millès, 2022].

Эксперты отмечают разные аспекты этического банкинга. Этический банк часто характеризуют как «добродетельный банк» (virtuous bank), конечной целью которого является общее благо, а не получение максимальной прибыли [Millès, 2022]. Подчеркивается также тот факт, что этические банки ставят в центр своей деятельности человеческие отношения, стремятся воссоздать связь между обществом и экономикой, возратить людям ответственность за управление своими деньгами. Целью этического банкинга, по мнению экспертов, является оказание положительного воздействия на людей и окружающую среду посредством банковской деятельности и солидарного финансирования, что является реальной альтернативой традиционным банкам [Goumard, 2022; Karl, 2015; Weber, Remer, 2011].

В отличие от традиционных банков этические банки поддерживают проекты, имеющие экологическую и / или социальную ценность, такие как проекты развития местного сообщества, социального предпринимательства или инициатив волонтеров. Этические банки стремятся облегчить доступ к кредитам людей, которых традиционные банки не обслуживают или обслуживают в ограниченном объеме (работники с невысоким уровнем доходов, безработные и т.д.).

Этические банки объединяет уверенность в том, что:

– вкладчики имеют право знать, как их деньги используются и на какие проекты направляются;

– использование финансовых ресурсов должно иметь социальную полезность: создание рабочих мест, содействие социально-трудовой интеграции людей, исключенных с рынка труда (в том числе наиболее маргинализированных и социально уязвимых групп населения, лиц с ограниченными возможностями), поддержка экологически чистых производственных процессов и т.д.;

– следует сосредоточиться не на взыскании долгов по кредитам или на прибыльном вложении средств, а, по возможности, на оказании поддержки нуждающимся гражданам и предприятиям;

– экономические ресурсы должны инвестироваться в жизнеспособные проекты, с тем чтобы не возникало потерь, которые не оправдывают ожиданий вкладчиков или ограничивают возможности повторного использования таких ресурсов [Benito Hernández, 2014].

Ресурсная база этических банков, в отличие от традиционных, складывается преимущественно из привлеченных депозитов, а не из ресурсов, заимствованных на рынке капитала. По этой причине они характеризуются более низкой зависимостью от рынка капитала и межбанковского рынка [Real economy – real returns ... , 2022, p. 6, 8].

При определении круга продуктов и услуг, предлагаемых клиентам, этические банки принимают во внимание свою этическую ответственность. Это означает, что они несут этическую ответственность и не защищены от ответственности за последствия своих действий. Роль банкиров заключается в ответственном управлении средствами клиентов, которые им доверяют, и ответственном инвестировании этих средств [Assessing ... , 2017].

Среди продуктов, предлагаемых этическими банками и имеющих социальное содержание, можно выделить следующие группы [Benito Hernández, 2014].

Сберегательные инструменты (в частности, депозиты и депозитные сертификаты солидарности и устойчивого развития) являются источником социально-ориентированного кредитования и инвестирования. Процентные ставки по таким депозитам и депозитным сертификатам устанавливаются на уровне ниже рыночного. Вкладчики осознанно приобретают данные банковские продукты, поскольку их интересует не только доход, но и положительный социальный эффект от инвестирования их средств в социально значимые проекты. Как правило, вкладчики имеют возможность выбрать проект из предлагаемого этическими банками списка.

Солидарные кредитные карты предоставляют возможность направлять (жертвовать) определенный процент с покупок владельцев в пользу социальных проектов.

Социально ответственные инвестиции учитывают этические, экологические и социальные аспекты. Этические банки стремятся инвестировать в компании, которые улучшают качество жизни людей и поддерживают социально ответственные отношения со своими сотрудниками, а также с местными сообществами, в которых они работают. Напротив, они отвергают инвестиции в компании, деятельность которых является неприемлемой с точки зрения этических принципов (производство оружия, табачная промышленность, ядерная энергетика и др.).

Микрокредиты представляют собой небольшие краткосрочные займы, предназначенные для финансирования приносящих доход проектов. Как правило, они предоставляются по низким процентным ставкам и гибким срокам погашения. В традиционном банкинге при рассмотрении вопроса о финансировании проекта финансовые посредники требуют от заемщика предоставления гарантий. Однако в случае предоставления микрокредитов заемщик не имеет обеспечения, и его заменой служат профессиональная подготовка, техническая поддержка и поддержка со стороны социальных структур. По этой причине микрокредиты предназначены для малообеспеченных заемщиков, которым будет трудно получить финансирование по традиционным каналам. Микрокредиты особенно актуальны в развивающихся регионах, поскольку они позволяют финансировать проекты, которые помогают бороться с нищетой и предусматривают оказание помощи наиболее обездоленным слоям населения.

Солидарные облигации являются альтернативными финансовыми продуктами по сравнению с традиционными облигациями. Они выпускаются для привлечения финансирования, как и традиционные облигации, но с той разницей, что за счет привлеченных с их помощью средств финансируются социально значимые проекты.

Солидарный кредит (заем) – особый вид кредита, который подчеркивает социальные ценности и солидарность. Он основывается на солидарности кредиторов, которые предоставляют кредиты на более выгодных условиях, чем в случае с так называемым классическим кредитом. Солидарный кредит может быть предназначен как для частных лиц, так и для компаний, работающих в секторе социальной и солидарной экономики. Основной особенностью этого инструмента является довольно низкая или вообще нулевая ставка (по кредиту).

Иногда этические банки устанавливают специальный взнос с определенных операций, доход от которого перечисляется на финансирование международных проектов развития. Так, *Crédit coopératif*, один из ведущих французских этических банков, ввел в 2011 г. добровольный взнос по операциям с иностранной валютой. На практике он составляет 0,01% от общей суммы проводимых им межбанковских валютных операций. За счет собранных таким образом средств банк профинансировал проекты социальной солидарности в Индии, Марокко и Мали [Renaud, 2011].

Некоторые этические банки предоставляют своим клиентам возможность напрямую перечислять часть процентов, которые они получают от ответственных инвестиций, организациям, занимающимся правами человека или защитой окружающей среды.

Двуединая природа этических банков как коммерческих предприятий, с одной стороны, и общественно значимых институтов – с другой, отличает их от традиционных банков. Поддерживая этические и социальные проекты, они не отказываются от получения прибыли: в своих бизнес-решениях они стремятся как к собственной выгоде, так и к выгоде для общества. Заключаемые ими сделки основываются не только на показателях экономической выгоды, а дополняются этическими, социальными и экологическими критериями [Чичуленков, 2018, с. 118]. Концепция «двойной прибыли» – экономической и социальной – является отличительной чертой этического банкинга. За счет полученных доходов этические банки осуществляют пожертвования на благотворительные цели. Поскольку этические банки обычно не распределяют прибыль между акционерами, а если и распределяют, то лишь в очень ограниченных количествах, то любая прибыль у них является остаточной [Assessing... , 2017; Climent, 2018].

США. В группу этических банков США входят банки *Aspiration*, *Beneficial State Bank*, *Sunrise Banks*, *Amalgamated Bank*, *OneUnited Bank*, *Spring Bank*, *Mascoma*. Среди них банк *Aspiration* считается одним из лучших этических онлайн-банков. Он работает под девизом «Делай хорошо. Твори добро» и 10% своих доходов жертвует на благотворительность.

В отличие от других банков, которые финансируют проекты, оказывающие негативное влияние на окружающую среду, Aspiration тратит заработанные деньги на озеленение планеты (посадку деревьев) и развитие углеродно-нейтральных отраслей промышленности. Средства, размещенные на депозитах, никогда не используются для поддержки угольной и нефтяной промышленности, и каждая покупка клиентами услуг банка сопровождается предложением о взносе на компенсацию ущерба от выбросов углекислого газа (по материалам сайта <https://www.aspiration.com/>).

Например, все пользователи Aspiration имеют возможность включить функцию Plant Your Change, с помощью которой они могут округлить сумму платежа до целого доллара, что немного увеличивает его размер, но полученные дополнительные средства используются для посадки новых деревьев и борьбу с изменением климата.

Хотя Aspiration не является сберегательным банком, но предлагает услуги по открытию и ведению счета, аналогичного традиционным банковским счетам. Денежное вознаграждение владельцам счета начисляется за каждую покупку с помощью дебетовой карты (кэшбэк варьирует от 0,5 до 5% стоимости покупки в зависимости от компании-продавца). Самую высокую доходность имеет дебетовая карта Aspiration Plus – в среднем до 5% годовых. Эта недавно введенная в оборот дебетовая грин-карта выполняет экологическую миссию банка – она производится из переработанного океанского пластика.

Интересной опцией программы «Защита планеты» является автоматическая оплата банком углеродных компенсаций при покупках клиентами бензина с помощью дебетовой карты Aspiration Plus¹.

Европа. В последние годы этический банкинг стал одним из рычагов продвижения Европы к более устойчивой экономической модели, способной преодолеть последствия кризисных шоков. Европейские этические банки имеют глубокие исторические традиции. Самые ранние примеры этического банкинга восходят ко второй половине XV в., когда в Италии получили развитие католические банки для бедных Montes de Piedad, которые предоставляли ссуды бедным людям под залог имущества и под низкие проценты. Позднее подобные банки появились и в крупных городах других стран, в том числе Франции, Испании, Бельгии и т.д. Во второй половине XVIII в. из этих финансовых институтов возникли сберегательные учреждения в форме кредитных союзов и сберегательных касс [Climent, 2018].

¹ Компенсация выбросов углерода (углеродная компенсация) – это возмещение вреда от выбросов путем инвестирования в проекты по сокращению других выбросов CO₂ или по связыванию углерода, например в проекты развития возобновляемых источников энергии или сокращения масштабов обезлесения и расширения площадей произрастания естественных поглотителей CO₂ из атмосферы (мангровых зарослей, лесов, зеленых массивов в городах и др.).

В современной истории Европы первым этическим банком и эталонным этичного банкинга считается Triodos Bank. Его истоки восходят к 1968 г., когда группа экономистов, входивших в «Ассоциацию, заботящуюся о деньгах» (Money Conscious Association), продвигала идею этического и ответственного использования денег. В 1980 г. Triodos Foundation был преобразован в Triodos Bank со штаб-квартирой в Нидерландах.

В настоящее время Triodos Bank имеет свыше 747 тыс. клиентов в своих филиалах в пяти европейских странах (Нидерландах, Великобритании, Бельгии, Испании, Германии). Ключевое значение для этого банка имеет прозрачность, поэтому он публикует подробную информацию о том, кого он финансирует. Клиенты могут увидеть, как их деньги используются для защиты окружающей среды и борьбы против климатических изменений. Только в 2020 г. банк обеспечил за счет своих инвестиций и кредитов экологически чистым электричеством 700 тыс. домохозяйств, культурные мероприятия для 8,4 млн человек и уход для 45 тыс. пожилых людей [Triodos Bank: Annual Report 2020, 2021, p. 50–52]. В 2021 г. благодаря действиям банка удалось предотвратить выбросы CO₂ в объеме 851 килотонны, в том числе за счет углеродных компенсаций, кредитов и инвестиций, а также инвестиций в возобновляемые источники энергии [Triodos Bank: Integrated Annual ... , 2021].

Этические банки сейчас существуют в разных странах европейского континента. При этом этический банкинг более активно развивался в странах Северной Европы, чем в южноевропейских странах. К настоящему моменту этические банки накопили определенный опыт социально ответственной деятельности, что позволило им занять прочные позиции в банковском секторе. Наиболее высокие позиции в рейтингах занимают следующие европейские этические банки: Великобритания – The Co-Operative Bank, Starling Bank; Франция – La Nef, Crédit coopératif, La Banque Postale, Ma French Bank, Monese; Германия – GLS Bank, Ethics Bank, KD-Bank, Raх-Bank; Испания – Fiare, Coop 57; Италия – Banca Etica; Нидерланды – помимо Triodos Bank еще ASN Bank и Oikocredit.

Глобальный альянс за ценностно-ориентированный банкинг

Крупнейшим объединением этических банков в мире является Глобальный альянс за ценностно-ориентированный банкинг (Global Alliance for Banking on Values, GABV), созданный в 2009 г. десятью банками из разных стран¹. Он представляет собой сеть независимых банков, использующих финансирование для обеспечения устойчивого экономического, социального и экологического развития. GABV активно продвигает мо-

¹ Triodos Bank (Нидерланды), Shorebank (США), BRAC Bank (Бангладеш), Mibanco Perú (Перу), Alternative Bank Switzerland (Швейцария), Merkur Bank (Дания), GLS Bank (Германия), Banca Etica (Италия), New Resource Bank (США) и ХасBank (Монголия).

дель банковской системы, которая является более справедливой, устойчивой и гибкой.

Среди участников GABV различные по своему юридическому статусу и специализации финансовые учреждения, обслуживающие реальный сектор экономики, – от банков, банковских кооперативов и кредитных союзов до микрофинансовых организаций и банков развития сообществ (community development bank¹). GABV впервые выработал определение понятия «устойчивый банкинг», который основывается на Принципах ценностно-ориентированного банковского дела [Strong, Straightforward ... , 2012, p. 2; Real economy – real returns ... , 2022, p. 16]:

Принцип 1. *Бизнес-модель с триединым подходом к результату (социальному, экологическому и экономическому).* Чтобы добиться социальной отдачи, ценностно-ориентированные банки (values-based banks, VBbs) должны финансировать экономическую деятельность, которая дает «социальную добавленную стоимость» и отвергает инвестиции в спекулятивные проекты или компании, не соответствующие критериям устойчивого развития. Получение разумной прибыли признается в качестве важнейшего требования банкинга, основанного на ценностях, но не является самостоятельной целью.

Принцип 2. *Обслуживание реальной экономики на территории конкретных местных сообществ и удовлетворение потребностей местного сообщества.* VBbs обслуживают местные сообщества, на территории которых они расположены, и удовлетворяют их финансовые потребности, финансируя предприятия и отдельных лиц.

Принцип 3. *Долгосрочные отношения с клиентами и понимание их экономической деятельности, а также связанных с ней рисков.* VBbs устанавливают прочные отношения со своими клиентами и непосредственно участвуют в анализе их экономической деятельности, помогают стать более ориентированными на продвигаемые финансовой организацией ценности.

Принцип 4. *Долгосрочные, самоподдерживающиеся цели и устойчивость к внешним шокам.* VBbs придерживаются долгосрочной стратегии развития для продолжения своей деятельности и сохранения устойчивости перед лицом внешних шоков. В то же время они признают, что ни один банк или его клиенты не застрахованы от сбоя в работе.

Принцип 5. *Прозрачное и инклюзивное управление.* VBbs поддерживают высокую степень прозрачности и инклюзивности в управлении и от-

¹ Банк развития сообщества (community development bank, CDB), или финансовое учреждение развития сообщества (community development financial institution, CDFI), – это банк развития или кредитный союз, который нацелен на долгосрочное развитие местного сообщества с низким уровнем жизни и специализируется на обслуживании малообеспеченных людей, не имеющих доступа или имеющих ограниченный доступ к традиционным финансовым учреждениям.

четности. В этом контексте инклюзивность означает активные взаимоотношения между всеми заинтересованными сторонами, а не только между акционерами или менеджментом.

Принцип 6. *Все перечисленные принципы являются основой культуры финансового учреждения.* Внедрение этих принципов подразумевает их регулярное использование при принятии решений на всех уровнях. VBbs проводят политику развития человеческого капитала (включая инновационные системы стимулирования и оценки персонала), отражающую наиболее важные ценности общества, и перестраивают бизнес-модель с учетом ценностных приоритетов заинтересованных сторон. VBbs также используются специальные формы отчетности для демонстрации финансового и нефинансового воздействия их операционной деятельности.

По состоянию на конец 2021 г. в GABV входили 66 членов (против 10 на момент создания организации), включая пять ассоциированных банков, из 44 стран мира, в том числе из стран Африки (5), Латинской Америки (13), Азии и Тихоокеанского региона (15), Северной Америки (15) и Европы (18). Все они были прибыльными и расширяли свою деятельность [GABV Annual ... , 2022, p. 18]. VBbs-члены обслуживали в общей сумме 60 млн клиентов и располагали активами в размере более 200 млрд долл. [GABV Annual ... , 2022, p. 4].

Из-за пандемии в 2020–2021 гг. члены GABV стали активно переходить от базовых цифровых услуг к более сложным цифровым продуктам и услугам. Ключевыми факторами цифровизации являются удобство для клиентов, возможность расширения масштабов и эффективность работы. Интернет-банкинг, кредитные / дебетовые карты и мобильные кошельки являются тремя основными услугами, предлагающимися клиентам. По данным опроса 2021 г., 50% банков – членов GABV внедрились цифровую систему привлечения и обслуживания клиентов (цифровой онбординг) и 33% цифровую обработку кредитов [GABV Annual ... , 2022, p. 15]. Ожидается, что в будущем цифровизация затронет услуги по предоставлению займов и инвестированию.

Одним из важнейших направлений деятельности GABV и его членов является содействие решению экологических и климатических проблем. GABV поддержал Парижское климатическое соглашение 2015 г. и договоренности всемирного климатического саммита в Глазго 2021 г. (COP26)¹ по сокращению выбросов углерода к 2030 г. и достижению нулевой углеродной нейтральности к 2050 г. В рамках согласования своих действий с целями Парижского климатического соглашения 34 члена GABV взяли на себя обязательство проводить оценку и сообщать о выбросах углекислого газа, связанных с их кредитами и инвестициями. Почти все подписавшие стороны являются участниками Партнерства по финансовому учету выбросов углерода (Partnership for Carbon Accounting Financials,

¹ 26-я конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP26).

PCAF)¹. По состоянию на конец 2021 г. около 200 финансовых учреждений, включая крупнейшие и наиболее известные бренды финансовой индустрии с совокупными активами в более 50 трлн долл., обязались оценивать и раскрывать информацию о своем влиянии на выбросы парниковых газов с использованием методологии PCAF [GABV Annual ... , 2022, p. 22].

GABV и входящие в него банки разработали систему оценочных показателей (GABV Scorecard), которая устанавливает стандарты устойчивого и социального банкинга. Система показателей GABV структурирует и отражает представление VBbs о стратегии и практике, соответствующей Принципам ценностно-ориентированного банковского дела. По этим показателям отслеживается прогресс или выявляется отставание в достижении экологических, социальных, культурных, экономических целей. С их учетом финансовым учреждениям-членам оказывается консультационная помощь.

С 2012 г. GABV публикует ежегодное исследование, в котором сравниваются результаты функционирования ценностно-ориентированных банков – членов GABV (VBbs) и крупнейших системно значимых банков мира (global systemically important banks, GSIBs)². Сопоставляются показатели, отражающие темпы роста, устойчивость, прибыль и вклад в реальную экономику. Система показателей GABV подчеркивает две отличительные характеристики VBbs: обслуживание реального сектора экономики и включение социального и экологического факторов в их бизнес-модели. В принципе предложенная GABV система показателей может использоваться любым банковским учреждением.

Примечательно то, что каждое следующее исследование в основном подтверждает выводы предыдущих о наличии у VBbs существенных преимуществ по сравнению с ведущими мировыми банками (табл. 1). При этом VBbs, в отличие от GSIBs, демонстрируют стабильную доходность и рост на основе расширения обслуживания реальной экономики, несмотря на серьезные сбои на финансовых рынках и в реальной экономике во всем мире, в частности, вызванные пандемией COVID-19.

Как свидетельствуют данные табл. 1, у VBbs операции с депозитами и кредитами клиентам занимают более существенное место, чем у GSIBs. Так, VBbs гораздо больше полагаются на депозиты клиентов для пополнения своих балансов, чем GSIBs (79,0% против 54,9%). Эта зависимость от привлечения депозитов является примером того, что VBbs фокусируются

¹ Учитывая масштабы проблемы изменения климата и решающую роль финансовой индустрии в содействии переходу к нулевой углеродной нейтральности, в 2015 г. 14 нидерландских финансовых учреждений создали PCAF под эгидой ASN Bank. Участники PCAF совместно работают над разработкой и внедрением согласованного подхода к оценке и раскрытию информации о выбросах парниковых газов, связанных с их кредитами и инвестициям. См. материалы сайта PCAF – URL: <https://carbonaccountingfinancials.com/about>

² В 2020 г. эта группа включала 31 банк, в том числе 14 банков Европы, 10 банков стран Северной Америки, 7 банков стран Азиатско-Тихоокеанского региона [Real economy – real returns ... , 2022, p. 17].

на реальных потребностях частных лиц и предприятий, а также на реальной экономике. Такая стратегия позволяет снизить риск ликвидности, который может существенно ограничить инвестиции VBbs.

Таблица 1

**Основные показатели VBbs и GSIBs по состоянию
на конец 2020 г. (в процентах)***

Показатели	VBbs	GSIBs
Кредиты / активы	68,8	40,1
Депозиты / активы	79,0	54,9
Собственный капитал / совокупные активы	8,4	6,6

*Источник: [Real economy – real returns: The business case for values-based banking / Global Alliance for Banking on Values. – Amsterdam, 2022. – 21 p. – P. 6, 8].

VBbs имеют более сильные позиции по собственному капиталу. Доля собственного капитала в общей сумме активов у VBbs выше (8,4%), чем у GSIBs (6,6%). Тем не менее высокие требования к собственному капиталу не приводят к сокращению объемов кредитования, что опровергает заявления некоторых крупных банковских учреждений об обратном.

Банки GABV имели гораздо более высокий рост кредитов, депозитов, активов, собственного капитала и совокупного дохода по сравнению с GSIBs за рассматриваемые периоды (табл. 2).

Таблица 2

**Прирост основных показателей деятельности VBbs и GSIBs
(в процентах)***

Показатели	За пять лет (2016–2020)	За десять лет (2011–2020)
<i>Кредиты</i>		
VBbs	9,0	10,9
GSIBs	2,5	2,5
<i>Депозиты</i>		
VBbs	9,5	10,7
GSIBs	4,4	4,5
<i>Активы</i>		
VBbs	9,4	10,1
GSIBs	4,1	3,1
<i>Собственный капитал</i>		
VBbs	11,0	12,6
GSIBs	2,4	4,2
<i>Совокупный доход</i>		
VBbs	7,1	9,6
GSIBs	-0,3	0,05

*Источник: [Real economy – real returns: The business case for values-based banking / Global Alliance for Banking on Values. – Amsterdam, 2022. – 21 p. – P. 11].

Таким образом, проводимое на протяжении многих лет исследование GABV показало, что сосредоточение VBbs на реальной экономике и на поддержке частных лиц и предприятий, создающих общественные ценности, не привело к снижению финансовой отдачи от их деятельности.

Европейская федерация этических и альтернативных банков

Этический банкинг стал особенно популярным в Европе. Во многом это заслуга Европейской федерации этических и альтернативных банков (European Federation of Ethical and Alternative Banks, FEBEA), отметившей в 2021 г. двадцатилетие с момента своего создания. Сейчас эта организация объединяет 33 этических банка из 17 европейских стран [FEBEA: Annual report 2021, 2022, p. 4]. Задача FEBEA состоит в том, чтобы объяснить миру, что такое этический банкинг и для чего он нужен. Как показала практика, этические финансы развиваются как специфический и узнаваемый способ ведения финансов, который не только способствует улучшению общества и окружающей среды, но и дает хорошие финансовые результаты [20 years is ... , 2021].

Федерация способствует обмену идеями и опытом, поддерживает эксперименты и разрабатывает общие инструменты финансирования. Более того, она вносит свой вклад в определение и разъяснение сферы действия и смысла этического банковского дела. FEBEA поддерживает постоянный диалог с европейскими институтами, которые признали вклад этических банков в развитие общества, экономики и в защиту окружающей среды. Сегодня FEBEA участвует в многочисленных дискуссиях на европейском уровне, включая обсуждения банковского регулирования, проблем социальной и экологической устойчивости, политики поддержки занятости и бизнеса, а в последнее время – развития социальной экономики. Так, FEBEA участвовала в разработке Плана действий ЕС по развитию социальной экономики (EU action plan for social economy); работает с группой экспертов Европейской комиссии по социальной экономике и социальным предприятиям (Group of Experts of the European Commission for social economy and social enterprises, GECES); оказывает поддержку своим членам в получении доступа к инструментам ЕС, предназначенным для посредников в области социального финансирования (гарантии, финансовая помощь и др.).

FEBEA участвует в нескольких проектах, продвигая принципы этического финансирования в своей деятельности и стремясь вовлечь своих членов в реализацию транснациональных проектов. Среди них [FEBEA: Annual report 2021, 2022, p. 6]:

- EaSI (Employment and Social Innovation), программа ЕС по трудоустройству и социальным инновациям (действует с 2013 г.);
- HORIZON, программа ЕС по развитию научных исследований и технологий;

– ERASMUS+, программа ЕС по поддержке образования, профессиональной подготовки, молодежи и спорта;

– COSME (2014–2020), программа ЕС по повышению конкурентоспособности компаний, мелких и средних предприятий.

С 2017 г. Fundacion Finanzas Eticas – фонд, являющийся одним из членов FEBEA, регулярно публикует доклады об этическом и устойчивом финансировании в Европе (Report on Ethical and Sustainable Finance in Europe). В нем на основе данных Европейского центрального банка анализируется деятельность этических банков в сравнении с ведущими европейскими банками (структура бизнеса, темпы роста, достижения). Цель сравнения состоит в том, чтобы понять, являются ли этические банки, которые финансируют социально ориентированные проекты, также надежными с экономико-финансовой точки зрения и могут ли они выдержать сравнение с традиционными банками.

Результаты первого доклада (2017) удивили многих, даже сторонники этического банкинга не ожидали, что цифры будут настолько значительными. По состоянию на 2016 г. суммарные активы 26 обследованных европейских этических банков составили очень существенную величину – 39,8 млрд евро. Если к активам прибавить социально ответственные инвестиции и микрокредиты, зеленые облигации и облигации социального воздействия (social impact bonds), то общий объем финансовой активности этических банков составил в 2016 г. 715 млрд евро, т.е. почти 5% ВВП стран Евросоюза [Garcia Martin, 2021].

Последующие доклады, включая четвертый, опубликованный в 2021 г., показывают, что европейские этические банки отличаются от традиционных не только социальными и экологическими критериями и ценностями [Cavallito, Isonio, Meggiolaro, 2019; Cavallito, Isonio, Meggiolaro, 2020; Giuliani, Meggiolaro, 2021]. В структуре их услуг большее место занимают кредиты, ведение текущих счетов и открытие депозитов. Они больше работают с людьми с небольшими сбережениями, которые имеют ограниченный доступ к услугам традиционных банков. При этом этические банки генерируют достаточно высокие доходы, характеризуются устойчивостью результатов, лучше противостоят кризисным шокам.

Последняя особенность отчетливо проявилась в ходе экономического спада, вызванного пандемией COVID-19. Собранные в последнем отчете данные свидетельствуют, что этические банки быстро отреагировали на пандемический кризис и мобилизовали финансовые ресурсы для поддержки наиболее пострадавших предприятий и людей. Так, банки La Nef, France Active, TISE и Banca Etica приняли такие меры, как мораторий на погашение кредитов и продление сроков погашения, реструктуризация кредитов, предоставление новых кредитов на выплату заработной платы и пособий, снижение процентных ставок по кредитам, облегчение доступа к кредитам с помощью интернет-банкинга и т.д. [Giuliani, Meggiolaro, 2021, p. 18–21].

В четвертом докладе сравниваются структура, рост и показатели 24 европейских этических банков и примерно 4500 банков, действующих в зоне евро в целом¹ (данные Европейского центрального банка). Впервые в докладе проводится сравнение этических банков с кооперативными кредитными союзами (16 организаций). Согласно основным результатам, за последние десять лет (2009–2019) этические банки показали в два раза лучшие результаты, чем европейская банковская система. Их среднегодовая доходность (return on investment, ROI) составила 5,31% против 2,37% у традиционных банков [Giuliani, Meggiolaro, 2021, p. 4].

Активы, депозиты, кредиты и собственный капитал этических банков увеличивались примерно на 10% в год. Совокупные активы этических банков в 2009–2019 гг. росли в среднем на 9,91% в год против 0,41% у традиционных банков, а потребительские кредиты – на 10,16% в год против 0,63% у традиционных банков. В 2019 г. совокупные активы этических банков достигли 55,5 млрд евро, что на 8,3% больше, чем в 2018 г. [Giuliani, Meggiolaro, 2021, p. 4].

За рассматриваемые десять лет структурное различие между этическими банками и традиционными банками оставалось почти неизменным. Это по-прежнему две различные модели банковского дела: этические банки работают по «классической» модели – собирают депозиты и предоставляют кредиты, а обычные банки гораздо больше занимаются другими видами деятельности (инвестиции в ценные бумаги, финансовые услуги и т.д.). В 2019 г. кредиты, выданные этическими банками, составляли в среднем 73,2% от общего объема их активов против только 40,8% у традиционных банков, а депозиты в пассивах (обязательствах) – соответственно в среднем 73,2% против 40,8%. Этические банки отличаются от традиционных и более высокой долей собственного капитала в пассивах – в среднем 10,5% против 7,8% [Giuliani, Meggiolaro, 2021, p. 9].

Сравнение с кооперативными кредитными банками показало, что этические банки являются близкими родственниками кооперативных, в том числе имеют очень схожую структуру капитала. Так, кредитование у этой группы банков, как и у этических банков, является основным видом деятельности: в 2019 г. доля кредитов у кооперативных кредитных союзов составила 60% активов, а у этических банков – 76,4%. Важно подчеркнуть, что в последние годы кооперативные банки в Европе постепенно увеличивали долю активов, направляемых на кредитную деятельность (рост почти на 7% за 2014–2019 гг.), в то время как этические банки сохраняли высокую и стабильную склонность к кредитной деятельности на протяжении всего рассматриваемого периода [Giuliani, Meggiolaro, 2021, p. 7].

¹ В первых трех докладах проводилось сравнение с показателями крупных, системно значимых банков и всех банков, действующих в зоне евро.

Заключение

Несмотря на скептическое отношение многих экспертов и потребителей к возможности совмещения банковской деятельности и этических ценностей, как показывает практика, такое возможно. Более того, за последние два десятилетия наблюдалось достаточно быстрое развитие сегмента этического банкинга в промышленно развитых странах. Этические банки, как свидетельствуют приведенные выше исследования, демонстрируют успехи в получении как финансовых доходов, так и социальной выгоды. По ряду показателей они опережают традиционные банки. Кроме того, они обладают способностью поддерживать устойчивый рост в условиях кризисных потрясений. Это является серьезной заявкой на дальнейшее укрепление позиций этических банков на рынке, что, в свою очередь, будет способствовать развитию социальной и солидарной экономики.

В российской банковской системе нет кредитно-финансовых учреждений, которые в полной мере соответствуют принятому в западных странах пониманию этического банкинга. Иными словами, нет банков, которые строят свою бизнес-стратегию по всем направлениям и по всем продуктам и услугам на основе этических, социальных и экологических ценностей.

В мировой практике принципы этического банкинга распространяются как на внутренние бизнес-процессы, так и на работу с контрагентами. Предоставляя продукты и услуги по большей части аналогичные тем, которые предлагают традиционные банки, этические банки ориентируются не на максимизацию прибыли, а на достижение общественно значимого результата, т.е. не экономической, а социальной выгоды.

Однако это не означает, что российские банки находятся вне общемировой тенденции к внедрению принципов устойчивого развития и социальной ответственности. В России эта тенденция проявляется иначе, чем в промышленно развитых странах, где традиции этических / социальных финансовых организаций имеют глубокие исторические корни. Российские коммерческие банки, работая в рамках традиционной банковской модели, одновременно реализуют и социально значимые проекты (благотворительность, грантовая поддержка, социальные инвестиции). При этом, следует признать, данное направление занимает незначительное место в общем объеме их деятельности.

Важной частью государственной политики в стране является внедрение в корпоративную практику так называемых ESG-принципов¹. Вопросы устойчивого развития и ESG-трансформации входят в число приоритетов Банка России, который активно продвигает этические под-

¹ ESG в широком смысле означает устойчивое развитие коммерческой деятельности, строящееся на трех принципах: E (environmental) – ответственное отношение к окружающей среде, S (social) – высокая социальная ответственность, G (governance) – высокое качество корпоративного управления.

ходы в банковском управлении, основываясь на рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору [Письмо Банка России ... , 2012]. Еще в 2008 г. Ассоциация российских банков разработала и приняла Кодекс этических принципов банковского дела. По состоянию на середину 2019 г. к нему присоединились 142 российских банка. Кодекс является «актом саморегулирования деятельности банковского сообщества, ассоциаций и иных объединений кредитных организаций...», а также «частью единой системы морально-этического и правового обеспечения функционирования кредитных организаций в Российской Федерации» [Кодекс этических принципов ... , 2008]. Многие банки взяли его за основу при разработке своих внутренних кодексов корпоративной этики. Вместе с тем поскольку Кодекс носит рекомендательный характер и не предусматривает наказания за нарушения, то в большинстве случаев внутренние кодексы корпоративной этики остаются чисто декларативными документами.

С целью укрепления доверия потребителей к российскому финансовому рынку и финансовым организациям Банк России разработал в 2019 г. кодекс добросовестного поведения на финансовом рынке. Этот документ, как считает регулятор, должен способствовать развитию культуры добросовестного поведения на финансовом рынке, защите прав и интересов потребителей и стимулировать дальнейшее долгосрочное и устойчивое развитие финансового рынка [Основные принципы добросовестного поведения ... , 2019, с. 3]. Этот кодекс, как и Кодекс этических принципов банковского дела, не является нормативным документом и носит рекомендательный характер, т.е. его несоблюдение не имеет юридических последствий. Таким образом, каждый банк сам решает, будет ли он или нет следовать принципам добросовестного поведения.

Одной из последних инициатив Банка России, которая направлена на внедрение в российскую практику корпоративного управления ESG-принципов, является разработка и публикация в июле 2021 г. рекомендаций по реализации принципов ответственного инвестирования для институциональных инвесторов [Информационное письмо о рекомендациях ... , 2021]. В этом документе даны разъяснения о том, как учитывать ESG-факторы при выборе и управлении инвестициями. Кроме того, в 2021 г. вступили в силу новые стандарты эмиссии ценных бумаг, которые позволяют банкам выпускать «зеленые» и социальные облигации, если решение о выпуске соответствует определенным условиям, а также принятое Банком России положение о раскрытии информации, в котором установлены дополнительные сведения, раскрываемые эмитентами «зеленых» и социальных облигаций.

Хотя при внедрении ESG-банкинга российские банки сталкиваются с многочисленными ограничениями, тем не менее в банковском секторе наблюдаются и позитивные сдвиги. Многие банки совершенствуют свои системы управления: разрабатывают внутрибанковские документы, посвященные корпоративной этике; создают подразделения по социальной

ответственности; ежегодно публикуют открытую отчетность о своей финансовой деятельности и т.д. Однако следует отметить, что международные ESG-стандарты пока не в полной мере используются в стратегическом управлении отечественных банков.

Об этом, в частности, свидетельствует масштабное исследование рейтингового агентства «Эксперт РА», проведенное на основе анкетирования более 100 банков, на которые приходится 60% банковского сектора [Коршунов, Сараев, 2021]. Исследование показало, что в банковской системе наблюдается опережающая ESG-трансформация, растет количество российских банков, которые уже внедрили ESG-стратегию и используют ключевые показатели эффективности – KPI (Key Performance Indicators, KPI). Локомотивами ESG-трансформации выступают крупнейшие российские банки.

Почти треть банков из топ-20 уже ввели KPI на ESG-метрики в своих кредитных и инвестиционных процессах, а к концу 2021 г., по прогнозу экспертов рейтингового агентства «Эксперт РА», доля крупнейших банков, у которых утверждены KPI на инвестиции в устойчивые инструменты, должна была достичь 40% [Коршунов, Сараев, 2021, с. 2]. Однако процесс ESG-трансформации активно развивается только в крупных кредитных организациях, а банки за пределами топ-20 собираются включиться в данный процесс позднее.

Медленнее внедряется использование KPI на устойчивые инвестиции: только 4% опрошенных организаций планировало их внедрить до конца 2021 г., 46% – в последующие годы, а оставшаяся половина на момент опроса вообще не рассматривала включение KPI на устойчивые инвестиции в свою стратегию. Однако среди топ-20 банков доля тех, у которых KPI на инвестиции в устойчивые инструменты намечалось утвердить к концу 2021 г., составила 40%. Это создает дополнительный спрос на «зеленые» и социальные облигации на отечественном финансовом рынке [Коршунов, Сараев, 2021, с. 3].

Слабая заинтересованность средних и небольших банков в ESG-трансформации объясняется тем, что они, в отличие от крупных банков, не привлекают капитал на международных рынках и не работают с западными контрагентами. Кроме того, средние и малые банки находятся в ожидании появления более четких правил и требований в области ESG-финансирования со стороны регулятора [Коршунов, Сараев, 2021, с. 3].

Опрос, проведенный консалтинговой компанией Deloitte по заказу ассоциации банков «Россия», показал близкие к описанным выше результаты¹ [ESG-банкинг в России ... , 2021]. Согласно этому опросу, только 20% опрошенных банков понимают, какая информация в отношении ESG

¹ Deloitte проанализировала отчетность всех зарегистрированных в России банков (около 400) и провела глубинные интервью и онлайн-опросы топ-менеджеров около 30 крупнейших кредитных организаций.

является наиболее важной для принятия решений инвесторами и кредиторами; только 10% применяют какие-либо ESG-практики; только около 15% банков оценивают учет ESG-факторов в своей работе как существенный, а примерно 30% респондентов ожидают, что учет ESG-факторов в их работе будет существенным через три года. Кроме того, только 30% банков считают, что обладают компетенциями для анализа ESG-рисков в полном объеме [ESG-банкинг в России ... , 2021, с. 16].

Таким образом, ESG-банкинг в России находится на начальном этапе своего развития, но для применения данной бизнес-модели в контексте развития российской экономики и банковского сектора имеется значительный потенциал. Позитивные тенденции в этом направлении дают основания надеяться, что этическая философия постепенно трансформирует банковскую модель, и социальная составляющая займет достойное место в стратегии российских банков.

Список литературы

1. Авис О.У. Актуальные вопросы банковской этики и задачи ее встраивания в систему управления кредитными институтами // Финансовые рынки и банки. – Москва, 2018. – № 3. – С. 68–71.
2. Дончевский Г.Н., Шафиров Л.А. К вопросу о построении финансовой модели устойчивого развития кластера домохозяйств // TERRA ECONOMICUS. – Ростов-на-Дону, 2013. – Т. 11, № 2. – С. 33–44.
3. Информационное письмо о рекомендациях по учету советом директоров публичного акционерного общества ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития. Публичным акционерным обществам от 16.12.2021 № ИН-06–28/96 / Банк России. – 2021. – 18 с. – URL: <http://www.cbr.ru/crosscut/lawacts/file/5757> (дата обращения: 15.06.2021).
4. Кодекс этических принципов банковского дела. Одобрен XIX Съездом АРБ 2 апреля 2008 года / Ассоциация российских банков. – 2008. – URL: <https://arb.ru/arb/code/> (дата обращения: 15.06.2022).
5. Козловски П. Этика банков. Уроки финансового кризиса : учебное пособие / пер. с нем. О.У. Ависа. – Москва : КНОРУС, 2014. – 272 с.
6. Коршунов Р., Сараев А. ESG-банкинг за 1-е полугодие 2021 года / Рейтинговое агентство «Эксперт РА». – 2021. – 24.09. – 9 р. – URL: <https://www.raexpert.ru/docbank/c38/9e2/2c4/c84ea92d990609a5d7390c9.pdf> (дата обращения: 15.06.2022).
7. Основные принципы добросовестного поведения на финансовом рынке (кодекс добросовестного поведения). – Москва : Банк России, 2019. – 6 с. – URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/67559/basic_principles_financial%20market.pdf (дата обращения: 15.06.2022).
8. Письмо Банка России от 06.02.2012 № 14-Т «О рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору “Принципы совершенствования корпоративного управления”» / Банк России. – 2012. – URL: <https://legallacts.ru/doc/pismo-banka-rossii-ot-06022012-n-14-t/> (дата обращения: 15.06.2022).

9. Тепкеева Т.С. Эволюция социального банкинга в мире и России // Финансы: теория и практика. – 2017. – Т. 21, вып. 5. – С. 100–105.
10. Чичуленков Д.А. Содержание и принципы социального банковского дела // Вестник Моск. ун-та. Сер. 6: Экономика. – 2018. – № 5. – С. 113–133.
11. Assessing the Growth of Ethical Banking: Some Evidence from Spanish Customers / Callejas-Albiñana F.E., Martínez-Rodríguez I., Callejas-Albiñana A.I., Vidales-Carrasco I.M. de // Frontiers in Psychology. – Bruxelles, 2017. – Vol. 8. – 04.24, Article 782. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.00782/full> (дата обращения: 15.06.2022).
12. Benito Hernández S. Banca Ética. Expansión // Expansión.com: Diccionario Económico (on line). – 2014. – URL: <https://www.expansion.com/diccionario-economico/banca-etica.html> (дата обращения: 15.06.2022).
13. Camacho Laraña I. Dimensión ética de las actividades financieras // Revista De Fomento Social. – Córdoba, 1996. – Vol. 51, N 201. – P. 23–54. – URL: <https://revistadefomentosocial.es/rfs/article/view/2657/1206> (дата обращения: 15.06.2022).
14. Cavallito M., Isonio E., Meggiolaro M. Ethical and Sustainable Finance in Europe. Second report / Finanza Etica Fondazione, Fundacion Finanzas Eticas. – Firenze, 2019. – 63 p. – URL: https://base.socioeco.org/docs/2019_ethical_and_sustainable_finance_in_europe_eng.pdf (дата обращения: 15.06.2022).
15. Cavallito M., Isonio E., Meggiolaro M. Ethical and Sustainable Finance in Europe. Third report / Finanza Etica Fondazione, Fundacion Finanzas Eticas. – Firenze, 2020. – 59 p. – URL: <https://finanzaetica.info/wp-content/uploads/2020/02/2020-RAPPORTO-EN.pdf> (дата обращения: 15.06.2022).
16. Climent F. Ethical Versus Conventional Banking: A Case Study // Sustainability. – Basel, 2018. – Vol. 10, N 7, Article 2152. – URL: <https://doi.org/10.3390/su10072152> (дата обращения: 15.06.2022).
17. ESG-банкинг в России : исследование. – Москва : Deloitte, Ассоциация банков «Россия», 2021. – 60 с. – URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/esg-banking-russia.pdf> (дата обращения: 15.06.2022).
18. FEBEA: Annual report 2021. – 2022. – 31.05. – 10 p. – URL: https://febea.org/wp-content/uploads/2022/05/Annual-Report-2021_EN.pdf (дата обращения: 15.06.2022).
19. GABV Annual Report 2021. – Amsterdam : Global Alliance for Banking on Values, 2022. – 39 p. – URL: <https://www.gabv.org/wp-content/uploads/2022/03/GABV-2021-Annual-Report.pdf> (дата обращения: 15.06.2022).
20. Garcia Martin S. The evolution of ethical finance in Europe. – 2021. – 09.12. – URL: <https://febea.org/ethical-finance-in-europe-today/> (дата обращения: 15.06.2022).
21. Giuliani E., Meggiolaro M. Ethical and Sustainable Finance in Europe. Fourth report / Finanza Etica Fondazione, Fundacion Finanzas Eticas. – Firenze, 2021. – 45 p. – URL: <https://finanza-etica.info/wp-content/uploads/2021/09/4th-Report-EN.pdf> (дата обращения: 15.06.2022).
22. Goumard J. Une banque éthique, c'est possible? // Carbo.com. – 2022. – Avril. – URL: <https://www.hellocarbo.com/blog/communaute/banque-ethique/> (дата обращения: 15.06.2022).
23. Karl M. Are ethical and social banks less risky? Evidence from a new dataset / DIW Berlin, Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung. – Berlin, 2015. – 48 p. – URL: https://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.508003.de/dp1484.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

24. Millès A. Ethical banks: Definition & ranking 2022. – 2022. – 07.03. – URL: <https://zei-world.com/blog/impact/les-banques-ethiques-definition-classement-2022> (дата обращения: 15.06.2022).
25. Real economy – real returns: The business case for values-based banking / Global Alliance for Banking on Values. – Amsterdam, 2022. – 21 p. – URL: <https://www.gabv.org/wp-content/uploads/2022/03/GABV-2021-Real-Economy-Real>Returns.pdf> (дата обращения: 15.06.2022).
26. Renaud N. Le Crédit Coopératif crée sa propre taxe Tobin // Les Echos. – Paris, 2011. – 02.05. – URL: <https://www.lesechos.fr/2011/05/le-credit-cooperatif-cree-sa-propre-taxe-tobin-409247> (дата обращения: 15.06.2022).
27. San-Jose L., Retolaza J.L. Ethics in Finance Research: Recommendations from an Academic Experts Delphi Panel // J. of Academic Ethics. – Berlin, 2018. – Vol. 16, N 1. – P. 19–38. – URL: https://www.researchgate.net/profile/Leire-San-Jose/publication/319857960_Ethics_in_Finance_Research_Recommendations_from_an_Academic_Experts_Delphi_Panel/links/5c7d620a458515831f83c7c3/Ethics-in-Finance-Research-Recommendations-from-an-Academic-Experts-Delphi-Panel.pdf (дата обращения: 15.06.2022).
28. Strong, Straightforward and Sustainable Banking: Financial Capital and Impact Metrics of Values Based Banking. Full Report / Global Alliance for Banking on Values. – Amsterdam, 2012. – 195 p. – URL: https://www.ess-europe.eu/sites/default/files/publications/files/strong_straightforward_and_sustainable_banking_-_financial_capital_and_impact_metrics_of_values_based_banking.pdf (дата обращения: 15.06.2022).
29. The Relationship between the Efficiency, Service Quality and Customer Satisfaction for State-Owned Commercial Banks in China / Chang M., Jang H.B., Li Y.M., Kim D. // Sustainability. – Basel, 2017. – Vol. 9, N 12, Article 2163. – URL: https://mdpi-res.com/d_attachment/sustainability/sustainability-09-02163/article_deploy/sustainability-09-02163.pdf?version=1511433521 (дата обращения: 15.06.2022).
30. Triodos Bank: Annual Report 2020 / Triodos Bank. – 2021. – 389 p. – URL: <https://www.triodos.com/binaries/content/assets/shared/saat-assets/saat/triodos-bank-annual-report-2020.pdf> (дата обращения: 15.06.2022).
31. Triodos Bank: Integrated Annual Report 2021 / Triodos Bank. – 2021. – URL: <https://www.annual-report-triodos.com/2021/our-group/key-figures> (дата обращения: 15.06.2021).
32. 20 years is nothing, when it comes to ethical finance / European Federation of Ethical and Alternative Banks (FEBEA). – 2021. – 15.12. – URL: <https://febea.org/20-years-is-nothing-when-it-comes-to-ethical-finance/> (дата обращения: 15.06.2022).
33. Watkins J.P. Banking ethics and the Goldman rule // J. of econ. issues. – Philadelphia, 2011. – Vol. 45, N 2. – P. 363–337. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.2753/JEI0021-3624450213> (дата обращения: 15.06.2022).
34. Weber O., Remer S. Social Banks and the Future of Sustainable Finance // World Financial Review. – 2011. – P. 1–7. – URL: <https://worldfinancialreview.com/june-2011/> (дата обращения: 15.06.2022).

Статья получена: 16.06.2022

Одобрена к публикации: 10.07.2022

УДК 347.471.02

doi: 10.31249/espr/2022.03.07

Н.В. Мальковец*

НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Настоящее исследование основано на многолетней практической работе автора в рамках Ассоциации сибирских и дальневосточных городов и научно-преподавательской деятельности. В статье представлена характеристика системы взаимодействия некоммерческих организаций в России с органами местного самоуправления как органами власти, с которыми, прежде всего, взаимодействуют эти организации на территории муниципального образования. Показана динамика данного взаимодействия – от свободного партнерства к регламентации и формализации. Кроме того, некоммерческие организации в муниципалитетах выстраивают взаимоотношения с местными сообществами, образовательными организациями, предпринимателями. Взаимодействие с каждой из этих групп во многом зависит от условий, создаваемых в муниципальном образовании действиями органов власти.

Ключевые слова: некоммерческие организации; территориальное общественное самоуправление; местное самоуправление; взаимодействие; партнерство.

Для цитирования: Мальковец Н.В. Некоммерческие организации на территории муниципального образования: проблемы взаимодействия // Экономические и социальные проблемы России. – 2022. – № 3. – С. 125–140.

* **Мальковец Наталья Владимировна**, канд. пед. наук, доцент Кузбасского гуманитарно-педагогического института ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»; член Ассоциации сибирских и дальневосточных городов. E-mail: n_malkovets@mail.ru

Malkovets Natalia, PhD (Ped. Sci), Associate Professor of Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of Kemerovo State University; member of Association of Siberian and Far Eastern Cities (Novokuznetsk, Russia).

© Мальковец Н.В., 2022

N.V. Malkovets

**Non-profit organizations in the territory of a municipality:
problems of interaction**

Abstract. The study is based on years of practical work within the framework of the Association of Siberian and Far Eastern Cities and scientific and teaching activities at university. The article describes the system of interaction of non-profit organizations with the local authorities as the key authorities which these organizations interact with on the territory of a municipality. The dynamics of interaction from free partnership to regulation and formalization is shown. In addition, non-profit organizations build partnerships on the territory of a municipality with local communities, educational organizations, businesses and entrepreneurs. Interaction with each of these groups, one way or another, depends on the conditions created in a municipality by authorities.

Keywords: non-profit organizations; territorial public communities; local self-government; interaction; partnership.

For citation: Malkovets N.V. Non-profit organizations in the territory of a municipality: problems of interaction // Economic and Social Problems of Russia. – 2022. – N 3. – P. 125–140.

Введение: немного истории

Некоммерческие организации возникают и существуют на территории муниципального образования. Большинство из них осуществляет свою деятельность в интересах целевых групп, состоящих из жителей муниципалитетов. Поэтому взаимодействие с органами местного самоуправления, создающими условия для деятельности институтов гражданского общества, является важнейшей задачей и условием эффективной работы некоммерческих организаций.

Местное самоуправление и некоммерческие организации имеют общую природу – те и другие являются институтами гражданского общества и не могут существовать без инициативы самоорганизации. Разница между ними состоит в том, что местное самоуправление в России имеет двойственный характер, являясь одновременно уровнем публичной власти, и на законодательном уровне имеет обязательства перед некоммерческими организациями [Мальковец, 2001].

Право граждан на местное самоуправление и право каждого на объединение – неотъемлемые права, закрепленные в Конституции РФ.

Оба института прошли и еще проходят нелегкий путь становления, развития и трансформации. Он берет свое начало в 1995 г., когда в стране были приняты закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (№ 154-ФЗ) и закон «О некоммерческих организациях» (№ 7-ФЗ). В 2003 г. местное самоуправление получило второй закон (№ 131-ФЗ), в настоящее время обсуждается проект следующего. Закон, регулирующий деятельность отечественных неком-

мерческих организаций (НКО), сохранил свой номер и дату принятия, но также претерпел многочисленные изменения.

Взаимодействие органов местного самоуправления и НКО началось почти сразу после появления этих институтов в современной России [Решение социальных ... , 2000].

В конце 1990-х годов в каждом муниципальном образовании страны, особенно в городах, существовали многочисленные объединения граждан: местные отделения политических партий, профсоюзы, ветеранские, женские, молодежные, экологические, религиозные, благотворительные организации и фонды, клубы по интересам, отделения творческих и иных союзов, попечительские советы и др. Некоторые из этих организаций сохраняли многолетние советские традиции, основанные на патернализме, и ждали от государства помощи и поддержки. Но появились и новые, поставившие перед собой задачу поддержки и развития общественных инициатив, а позднее – развития местных сообществ и форм общественного участия, гражданского образования широких слоев населения и т.д. Именно эти организации, во многом благодаря помощи и поддержке международного сообщества, первыми освоили технологии социального проектирования, осознали необходимость взаимодействия с партнерами, особенно органами власти и т.д. Часть из этих организаций приобрела устойчивость, наработала уникальный опыт оказания социальных услуг и создания партнерской сети, вышла на высокий профессиональный уровень.

Некоторые активисты НКО стали лидерами общественного мнения. Они выстояли даже после признания в дальнейшем части НКО иностранными агентами, создали новые структуры и успешно продолжают общественно полезную деятельность.

Но уже тогда, в конце 1990-х, и органы местного самоуправления, и НКО осознали необходимость взаимодействия, увидев, что многие их цели и задачи совпадают. Например, шахматно-шашечный клуб можно рассматривать как организацию, решающую проблему организации досуга или дополнительного образования, что является вопросом местного значения. То же самое можно сказать и об организациях, заботящихся о животных, зеленых насаждениях, поддерживающих людей с ограниченными возможностями, развивающих культуру, городское пространство и инфраструктуру, занимающихся патриотическим воспитанием, сохранением исторического наследия и т.д. Это дает веский повод местной власти оказывать всестороннюю поддержку таким организациям.

Конец 1990 – начало 2000-х годов – важный этап развития взаимодействия местного самоуправления и НКО. В эти годы в структурах местных администраций появились подразделения по работе с населением или организации общественных отношений, общественных связей. Во многих городах стали проводиться ярмарки общественных инициатив; принимались программы, направленные на популяризацию деятельности некоммерческого сектора. Устанавливались льготы общественным органи-

зациям и объединениям по арендной плате и иным платежам; появились первые попытки организации конкурса муниципальных грантов и т.д. Создавались общественные советы, членами которых становились представители некоммерческого сектора.

Практика показала, что такие общественные советы, созданные при главе муниципального образования или при органах местного самоуправления, могут оказать существенное влияние на развитие некоммерческого сектора. В этом формате можно организовать конструктивный диалог для обсуждения насущных проблем с участием лиц, принимающих решение; найти новых партнеров и организовать сотрудничество; обменяться опытом, оказать взаимную поддержку; инициировать новые проекты и т.д. Для органов местного самоуправления работа таких советов позволяет выявить и поддержать лидеров и стейкхолдеров, услышать мнение членов сообществ и разъяснить собственную позицию.

В эти годы также активно развивалось территориальное общественное самоуправление, на роли которого в системе взаимоотношений на местном уровне мы подробнее остановимся ниже.

Местное самоуправление для своего эффективного функционирования должно было научиться привлекать к управлению жителей и привить гражданам навыки общественного участия. Некоторые НКО подключились к гражданскому образованию такого рода [Бабун, Мальковец, 2009].

Например, в этот период в Новосибирске НКО разработали рекомендации по программно-целевому подходу к формированию местного бюджета [Методические рекомендации ... , 2014]; показали пример партнерства с территориальным общественным самоуправлением (ТОС)¹. В Новокузнецке разработали алгоритм и провели первые публичные слушания; привлекли молодежь к участию в местном самоуправлении. В Иркутске опробовали дистанционное обучение муниципальных служащих, что позволило повысить квалификацию специалистов и привлечь кадры передовых направлений деятельности. В Томске обобщили опыт реализации общественного контроля и т.д. [Общественный контроль ... , 2004]. Почти повсеместно развивались добровольчество, волонтерство, благотворительность. В целом взаимодействие в этот период осуществлялось на основе свободного партнерства и поэтому было взаимовыгодным.

Конечно, так было далеко не везде. И не везде эта деятельность осуществлялась последовательно. Зачастую позиция местной администра-

¹ Территориальное общественное самоуправление – территориальный орган общественного местного самоуправления. Одна из форм осуществления населением Российской Федерации своей власти путем непосредственного самоуправления для решения вопросов местного значения на части территории муниципального образования, посредством взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления, которая закреплена в ст. 27 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». – *Прим. ред.*

ции отражала позицию ее руководителя, главы местной администрации или главы муниципального образования. И хотя до определенного времени большинство этих руководителей избиралось всенародно, пройдя серьезное испытание предвыборной кампанией, связанной с большим количеством встреч и консультаций с общественностью, понимание необходимости тесного взаимодействия с некоммерческим сектором формировалось достаточно медленно.

Еще менее о возможностях и ресурсах НКО были осведомлены депутаты представительных органов местного самоуправления¹ (кроме деятельности некоторых политических партий). Их взаимодействие с некоммерческим сектором до сих пор развито слабо.

Сегодня позицию органов местного самоуправления по отношению к НКО в России во многом формирует государство, что имеет как плюсы, так и серьезные минусы.

Специфика современного этапа

Многие формы и направления взаимодействия местного самоуправления с НКО, сформировавшиеся в конце 1990 – начале 2000-х годов, сохранились в стране до сих пор (соответствующие структуры в местных администрациях, муниципальные гранты, льготы, общественные советы и пр.). Однако есть и изменения, которые связаны, прежде всего, с постоянно меняющимся российским законодательством. При этом партнерский характер взаимоотношений становится более регламентированным и формальным. Для свободного партнерства остается все меньше места.

В 2010 г. в России законодательно было закреплено понятие «социально ориентированные некоммерческие организации». Тогда же у органов местного самоуправления, наряду с органами государственной власти, появилась обязанность «в приоритетном порядке оказывать поддержку» этим организациям. Муниципалитеты начали вести реестры социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) – получателей финансовой и имущественной помощи. В них включаются в том числе те организации, которые получают любые субсидии из средств местного бюджета. В Новосибирске, например, и ряде других городов России такой реестр ведется в виде муниципальной информационной системы [Нормативные ... , 2022]. Для некоммерческих организаций – это своего рода критерий эффективности. Попав в реестр, можно оценить степень собст-

¹Представительный орган местного самоуправления или представительный орган муниципального образования (дума, совет депутатов) – выборный орган местного самоуправления, обладающий правом представлять интересы населения и принимать от его имени решения, действующие на территории муниципального образования. Именно через него каждый гражданин Российской Федерации может реализовать свое конституционное право на осуществление власти на уровне местного самоуправления.

венной эффективности и влияния, планировать пути развития, получить некоторые преференции и претендовать на выделение бюджетных средств для финансирования своей деятельности.

Благодаря людям и профессиональным организациям из некоммерческого сектора, государство в России осознало необходимость привлечения СО НКО к оказанию услуг в социальной сфере за счет бюджетных средств. К этой работе подключились и некоторые муниципалитеты. Например, в Новокузнецке (и ряде других городов) по инициативе главы города была создана рабочая группа, которая провела серию консультаций со структурными подразделениями местной администрации по вопросу возможности передачи оказания ряда услуг некоммерческим организациям. Оказалось, что перечень таких услуг ограничен: организация летнего отдыха, дополнительное образование, дошкольное образование и некоторые другие. Однако на следующем этапе выяснилось, что не так уж много НКО готово взять на себя эти услуги на условиях, выдвинутых органами власти (наличие штатных сотрудников, материальных ресурсов и опыта работы, требуемый размер субсидии и т.д.).

Подтверждением этому является тот факт, что, перейдя на систему сертификатов в сфере оказания услуг дополнительного образования в Кемеровской области и предоставив право негосударственным организациям оказывать эти услуги в муниципальных образованиях [Распоряжение ... , 2019], мы не можем привести примеры участия СО НКО в оказании этих услуг, например, в городе Новокузнецке. Более успешен опыт Горно-Алтайска, где в 2021 г. был принят «Порядок предоставления поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям на реализацию проекта по обеспечению развития системы дополнительного образования детей посредством внедрения системы персонифицированного финансирования дополнительного образования детей в городе Горно-Алтайске» [Нормативные ... , 2022].

На сегодняшний день из числа СО НКО, предоставляющих услуги в социальной сфере за счет бюджетных средств в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, большинство – это дома престарелых и хосписы, а также организации, оказывающие услуги паллиативной помощи. Но их деятельность регулируется субъектами РФ, а не органами местного самоуправления.

К проблеме расширения доступа негосударственных организаций к оказанию услуг в социальной сфере обращалась Красноярская региональная общественная организация (КРОО) «Агентство общественных инициатив» в рамках нескольких проектов, в том числе «Повышение эффективности, качества и прозрачности работы СО НКО через системное сопровождение силами ресурсных центров», выполненных при поддержке Министерства экономического развития РФ. Исследования показали, что руководители и специалисты некоммерческих организаций нуждаются в специальных знаниях, которые могли бы им позволить кон-

куруировать с бизнесом и муниципальными учреждениями в сфере оказания социальных услуг. Кроме того, особенностью СО НКО являются индивидуальный подход к потребителям и уникальность услуги. Поэтому наиболее целесообразным и эффективным можно считать формат взаимодействия, когда муниципальные учреждения социальной сферы на партнерской основе предоставляют НКО помещение и обеспечивают условия для их деятельности. В свою очередь, СО НКО оказывают дополнительные уникальные или инновационные услуги, обеспечивая их персональную направленность [Методические материалы ... , 2022].

Настоящим переломом во взаимоотношениях органов местного самоуправления и некоммерческих организаций стал факт участия НКО в конкурсе Фонда президентских грантов и получение от него поддержки социально ориентированным проектам с 2017 г. Кроме того, во многих сибирских и дальневосточных городах (Ангарск, Ачинск, Братск, Иркутск, Красноярск, Новокузнецк, Норильск, Междуреченск и др.) присутствуют крупные международные и отечественные корпорации. В соответствии с собственной социальной политикой эти коммерческие предприятия начали выстраивать взаимоотношения с местными сообществами, некоммерческими организациями и активными жителями. Для этого они создают специальные фонды и структуры, выделяют средства, организуют конкурсы, семинары, акции и т.д. От политики присутствия на территории некоторые корпорации и даже менее крупные предприятия переходят к политике ответственности за территорию, становятся партнерами органов власти и институтов гражданского общества в социальной сфере.

Когда суммы поддержки НКО в России стали исчисляться миллионами рублей (а в крупных городах – и десятками миллионов), а в регионах появились разные фонды и грантодатели, то муниципальные власти увидели реальный потенциал НКО. Отметив их роль в качестве точек роста территорий, местные органы поняли необходимость поддержки устойчивых некоммерческих организаций и создания новых.

Например, проект «Свой город», направленный на привлечение молодежи к благоустройству общественных пространств, реализуется частным учреждением дополнительного профессионального образования (ЧУ ДПО) «Сибирский институт технологий управления» (г. Междуреченск Кемеровской области) с 2017 г. и дважды получал поддержку Фонда президентских грантов. Проект осуществлялся содружеством НКО, вуза, колледжа, школ ряда городов, органов местного самоуправления и активных жителей. Организаторы проекта отмечают, что им удалось добиться активного участия в мероприятиях проекта как муниципальных служащих, так и руководителей городов и районов. Удалось также изменить мнение чиновников о роли школьников в развитии города и показать необходимость учитывать мнение даже самых маленьких детей при проектировании общественных пространств, а также доказать возможность

эффективного взаимодействия школы с разными социальными партнерами, в том числе НКО [Диалоги ... , 2018].

Для активизации некоммерческой деятельности во многих городах России создаются муниципальные ресурсные центры и некоммерческие организации при муниципальных учреждениях (фонды развития, попечительские советы и пр.). Однако сохраняется проблема организации взаимодействия между муниципальными служащими и НКО (их лидерами). К сожалению, формирование таких компетенций заложено в единичных программах – инициативах как НКО, так и образовательных организаций [Мальковец, 2019].

Можно, например, отметить программы Института государственной службы и управления (ИГСУ) РАНХиГС, направленные на повышение квалификации сотрудников и лидеров НКО, организацию взаимодействия с другими акторами, обучение оказанию услуг в социальной сфере и т.д. [#ТрудВсем]. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора также вносят вклад в изучение и обучение различным аспектам взаимодействия [Центр исследований ... , 2022]. Так, большую популярность получила программа, разработанная в стенах НИУ ВШЭ, – «Менеджер местного сообщества» [Кузнецов, Лукичев, Шомина, 2021].

В Кузбасском гуманитарно-педагогическом институте Кемеровского государственного университета (КГПИ КемГУ) при подготовке бакалавров по направлениям «государственное и муниципальное управление», «социология» в учебных программах ряда дисциплин предусмотрена проектная работа, направленная на развитие компетенций взаимодействия. Здесь разработан и читается курс «Общественное участие в местном самоуправлении» [Опорный университет ... , 2022].

С вопросами взаимодействия вуза, власти и некоммерческого сектора образовательные организации зачастую сталкиваются, осуществляя свою социальную функцию или «третью миссию», когда для качественной подготовки специалиста недостаточно аудиторных занятий и требуется практическая работа в местном сообществе, личное знакомство с городскими активистами, реальный жизненный опыт. Можно привести примеры успешного партнерства НКО и образовательных учреждений. В частности, Ассоциации сибирских и дальневосточных городов и КГПИ КемГУ; КРОО «Агентство общественных инициатив» и Сибирского государственного университета им. Решетнева; Фонда региональных социальных программ «Наше будущее» и Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ и др. [Мальковец, 2019].

Среди организаций некоммерческого сектора, обучающих взаимодействию разных акторов, прежде всего, необходимо назвать Ассоциацию сибирских и дальневосточных городов, создавшую собственный учебный центр. Центр реализует учебные программы для депутатов представитель-

ных органов местного самоуправления, в которых предусмотрены темы, связанные с организацией партнерства и взаимодействия с НКО. Эти занятия в основном проводятся в интерактивной форме, в виде тренингов, практикумов, ролевых игр и т.д. Существует также программа повышения квалификации для муниципальных служащих («Актуальные вопросы взаимодействия органов местного самоуправления с некоммерческими организациями и населением») и для органов территориального общественного самоуправления [Учебный центр, 2022].

В 2020 г. КРОО «Агентство общественных инициатив» совместно с рядом вузов и органами местного самоуправления реализовал проект «Карьера в НКО», который был поддержан Фондом президентских грантов. В ходе выполнения проекта были собраны практики взаимодействия вузов, СО НКО и органов власти. В результате появились полезные рекомендации для вузов и СО НКО по организации взаимодействия как между собой, так и с властью в целях развития гражданского общества [Методические материалы, 2022].

В последние годы многие образовательные программы и другие инициативы всех участников взаимодействия переходят в режим онлайн, что, по мнению экспертов, обогащает опыт и открывает новые возможности.

При организации образовательных мероприятий для НКО большое внимание уделяется знаниям о нормативном и законодательном основаниях их деятельности, проектной работе, информационным технологиям, знаниям об экономических и финансовых основах некоммерческого сектора, умению найти средства и ресурсы (фандрайзинг) и т.д. Те же знания необходимы муниципальным служащим. Кроме того, им нужны навыки аналитической работы, сбора и анализа статистических данных, умение провести опрос, работать с обращениями и многое другое. Обеим сторонам необходимо знать принципы и аспекты общественного участия в процессе принятия решений, формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и формы участия населения в осуществлении местного самоуправления, предусмотренные законами и уставом муниципального образования.

Можно выделить целый ряд компетенций, которые требуются в процессе взаимодействия НКО с местными органами власти и группами населения. Так, в основе взаимопонимания лежит язык, который должен быть понятен всем сторонам сотрудничества. В то же время разные социальные группы (политики, представители различных структур гражданского общества, чиновники) различаются своим языком. Тем, кто организует общественное участие в процессе принятия решений, необходимо иметь в своем арсенале много разных «языков» – для обращения к разным группам и разным сферам деятельности. Особым языком и навыками необходимо обладать также для общения с людьми с инвалидностью. Представители общественности должны понимать язык регламентов и законов,

знать основные нормативно-правовые акты (включая муниципальные), владеть алгоритмом грамотного обращения в органы власти. Для взаимодействия важно владение культурой диалога, умение организовать диалог и правильно поставить вопрос. Все большее значение приобретает умение взаимодействовать в условиях конфликта и профилактика конфликтных ситуаций. Необходимо отметить, что эффективное взаимодействие невозможно без таких сопутствующих навыков, как критическое мышление, терпение, готовность к деятельности и обучению на протяжении всей жизни, творческая изобретательность.

Следует подчеркнуть, что многие предусмотренные законами и уставами формы общественного участия в России крайне сложны для реализации. Поэтому активные лидеры и НКО изобретают новые, не регламентированные нормативными актами варианты: флэшмобы, воркшопы, баттлы, акселераторы, демо-слэмы; дискуссионные панели и площадки; форумы городских сообществ; движение урбанистов; проектные, стратегические, креативные сессии и т.д. НКО более активны и в использовании форм электронной демократии.

В свою очередь, умение принять новое и включиться во взаимодействие, особенно в неопределенной ситуации, крайне важно для представителей власти, прежде всего, муниципальной. Находясь ближе всего к народу, ее представители должны осознавать причины и цели инноваций в сфере общественного участия.

Особенности территориального общественного самоуправления в России

Чаще всего потребность объединиться возникает у людей по месту жительства, в результате необходимости решать ежедневные бытовые проблемы. В каждом многоквартирном доме имеется совет (жильцов), создаются товарищества собственников недвижимости. Гаражные и жилищные кооперативы, садовые некоммерческие товарищества и т.д. – результат объединения для решения хозяйственных проблем.

Особым видом некоммерческой организации, создаваемой по территориальному признаку и имеющей, кроме хозяйственных, еще и социальные задачи, является территориальное общественное самоуправление. ТОС по определению создается для «самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения». Органы местного самоуправления, в соответствии с российским законодательством (№ 131-ФЗ), принимают участие в его создании: представительный орган муниципального образования устанавливает границы территории, на которой осуществляется территориальное общественное самоуправление; уполномоченный орган местной администрации регистрирует устав ТОС.

Как правило, в муниципальном образовании, в котором существуют ТОС, принимается целый комплекс нормативно-правовых актов, регулирующих их деятельность, включая:

- положение о ТОС;
- соглашение о сотрудничестве администрации муниципального образования с органами ТОС;
- порядок предоставления субсидий органам ТОС;
- муниципальная программа поддержки органов ТОС и инициативных граждан;
- положение о координационном совете по ТОС;
- положение о конкурсе «Лучшее территориальное общественное самоуправление», «Лучший председатель органа ТОС» и т.п.

Важнейшими ресурсами ТОС является то, что в его деятельности принимают участие жители с 16-летнего возраста; а также законодательно закрепленное право нормотворческой инициативы в органах местного самоуправления. Многие ТОС при поддержке органов местного самоуправления активно используют эти ресурсы. Есть и примеры использования других возможностей, в том числе:

- участие в работе общественных советов, создаваемых при различных органах власти;
- осуществление общественного контроля;
- участие в независимой оценке деятельности учреждений социальной сферы;
- участие в формировании наказов избирателей;
- организация голосования по отбору общественной территории для благоустройства;
- участие в формировании комплексных программ развития территории;
- сотрудничество с социально ориентированными НКО и т.д. [Гордиенко, 2014; Мальковец, 2020; Фомичева, 2017].

В 2016 г. была создана Общенациональная ассоциация территориального общественного самоуправления (ОАТОС). Сегодня многие города и органы ТОС участвуют в мероприятиях, конкурсах и дискуссиях, организуемых ОАТОС.

ТОС реализует много важных и полезных дел в сотрудничестве с органами местного самоуправления. Однако для успешного сотрудничества требуются определенные условия.

Можно выделить два подхода к организации ТОС в муниципальном образовании в России. Первый заключается в том, что ТОС изначально создается при поддержке, а порой и по инициативе властных структур. С использованием административного ресурса проще провести учредительное собрание и выборы органов ТОС, разработать его устав и т.д. При таком подходе чаще всего органы власти активно поддерживают ТОС, в том числе и финансово, а ТОС становится активным их помощником.

Другой подход состоит в том, что инициатива создания ТОС исходит от жителей. В этом случае интересы сторон (представителей гражданского общества и органов власти) могут как совпадать, так и не совпадать.

Известны примеры, когда органы местного самоуправления всячески препятствовали созданию ТОС, опасаясь, что изберут «не того человека», не сложатся отношения и т.д. Однажды автору статьи пришлось письменно обращаться в суд, который рассматривал дело об отказе установить границы ТОС, объясняя, что такая ситуация недопустима. Российское законодательство не предусматривает отказа, если имеет место инициатива жителей, проживающих на данной территории.

На наш взгляд, умение выстраивать взаимодействие в условиях, когда интересы и видение ситуации разными сторонами могут не совпадать, – это и есть искусство муниципального управления. Местное самоуправление отличается от местного государственного управления тем, что по целому ряду вопросов решение должно приниматься в соответствии с волей, инициативой или учетом мнения жителей.

Следует признать, что в местном самоуправлении особую роль играет субъективный фактор. Эффективность самоуправления на местном уровне зависит от умения согласовать разные позиции, от опыта и культуры, от традиции следовать демократическим принципам. Практики ТОС в России, к сожалению, от этого еще далеки. Причем все больше свидетельств о прямо противоположном направлении их развития. В настоящее время происходит встраивание местного самоуправления в систему государственной власти и отказ от его двойственного характера.

Основные принципы взаимодействия в муниципальном образовании

Охарактеризовав ситуацию, связанную с взаимодействием органов местного самоуправления, других субъектов и некоммерческих организаций на территории муниципального образования в России, а также приводя некоторые примеры такого взаимодействия, можно сделать некоторые выводы.

Основные принципы, на которых должно строиться взаимодействие социальных акторов на местном уровне, – это открытость и прозрачность; бесконфликтное сотрудничество; взаимопонимание и взаимное уважение; законность; наличие обратной связи.

Принцип открытости и прозрачности предполагает, что все субъекты взаимодействия обладают полной и достоверной информацией, имеют равный доступ к информации; имеют право свободно искать, получать, производить и распространять всякого рода идеи и информацию, обмениваться ими. Информированное согласие – обязательное условие взаимодействия. Оно может достигаться самыми разнообразными способами:

распространение листовок и объявлений; публикации в средствах массовой информации, в социальных сетях, на сайтах и информационных стендах; выступления на собраниях и встречах и т.д. Во многих городах России сегодня существуют группы в социальных сетях, объединяющие представителей органов власти, общественности, экспертов, т.е. всех, кого интересует соответствующая тема. В рамках подобных групп можно оперативно обмениваться информацией и получать обратную связь.

Бесконфликтное сотрудничество позволяет быстрее и лучше понять друг друга всем участникам процесса согласования интересов. Отступление от данного принципа приводит к социальным конфликтам, тяжбам между гражданами и органами власти, иными организациями и хозяйствующими субъектами. Конфликты могут возникать, например, из-за отсутствия регламентированных процедур или когда общественность не имеет возможности участвовать в процессах принятия решений либо это участие формально. Поэтому необходима профилактика и управление конфликтами. Способами урегулирования конфликта служат переговоры, кооперация, взаимные уступки, поиск компромисса и консенсуса.

Взаимопонимание и взаимное уважение необходимы, так как сообщества состоят из разных людей (по национальности, вероисповеданию, уровню образования и т.д.), которые могут иметь различные и даже противоположные взгляды на права граждан и способы их отстаивания. Общая позиция достигается здесь через признание и уважение иных взглядов и ценностей.

Принцип законности означает деятельность в рамках принятых законов и нормативных актов: федеральных, региональных и местных. При этом большое значение имеет само участие общественности в создании нормативной базы, учет мнения граждан в законах и нормативных актах.

Необходимо помнить и о некоторых табу. Нельзя нарушать общественный порядок; вносить дезорганизацию в работу правоохранительных и других учреждений; публично оскорблять лиц, которые, по мнению индивида, отстаивающего свои права, виновны в их нарушении; создавать ситуации, приводящие к угрозе для жизни и здоровья других людей. Недопустимы любые экстремистские действия, противоречащие нормальной жизнедеятельности общества.

Наличие обратной связи означает рефлекссию всех субъектов взаимодействия на каждом этапе совместной деятельности: аналитическая деятельность, организация дополнительных дискуссий, привлечение экспертного мнения, оглашение промежуточных и конечных результатов и т.д.

Заключение

Взаимодействие НКО и муниципальных органов власти должно быть осознанным, каждая сторона должна понимать выгоды такого сотрудничества. В частности, НКО можно ориентироваться на то, что объе-

динение собственных ресурсов с ресурсами органов местного самоуправления и другими партнерами дает следующее:

- расширение целевой аудитории;
- возможность для распространения опыта;
- повышенное внимание со стороны прессы, средств массовой информации;
- возможность взаимодействия с государственными и муниципальными предприятиями и учреждениями;
- шанс получить экспертную поддержку и т.д.

Для органов местного самоуправления взаимодействие с НКО и создание условий для развития некоммерческого сектора имеет такие долгосрочные позитивные результаты, как повышение доверия у населения, увеличение человеческого потенциала и человеческого капитала, дополнительные инвестиции в развитие территории, улучшение условий жизни в муниципальном образовании.

Одним из значимых результатов, который может быть достигнут за счет организации эффективного взаимодействия граждан в рамках ТОС, НКО и органов власти, является формирование устойчивых демократических традиций на территории муниципального образования, сильное гражданское общество в стране в целом. Однако в настоящий момент мы вынуждены констатировать, что за почти тридцать лет существования и развития новых практик взаимодействия в контексте местного самоуправления, это не достигнуто. Опыт трех десятилетий хотя и богат, но позволяет говорить лишь о промежуточных результатах.

Сегодня самоуправление на муниципальном уровне рискует потерять остатки своей самостоятельности. НКО постоянно сталкиваются с новыми угрозами и препятствиями в своей деятельности; гражданские активисты имеют все меньше возможностей для высказывания своего мнения, свободного обсуждения проблем и реализации инициатив. Гражданское общество в России пока слабо и не может противостоять серьезным социальным катаклизмам.

В заключение хотелось бы напомнить, что только свободная творческая инициатива способна обеспечить общественное развитие. И речь идет не только о творчестве в сфере культуры и искусства, а об инициативе в более широком смысле – свободном выборе способов жизни, поиске ее новых смыслов, энтузиазме и творчестве, основанных на любви к своей малой родине и вере в ее будущее.

Список литературы

1. Бабун Р.В., Мальковец Н.В. Самая близкая к народу власть (о местном самоуправлении для всех). – Новосибирск : Межрегиональный общественный фонд «Сибирский центр поддержки общественных инициатив», 2009. – 110 с.

2. Гордиенко А.А. Гражданская активность и инновационное развитие региона. – Новосибирск, 2014. – 324 с.
3. Диалоги о главном. Свой город : сб. материалов проекта «Свой город» / под ред. Т.А. Зубаревой, Н.В. Мальковец ; ЧУ ДПО «Сибирский институт технологий управления». – Междуреченск, 2018. – 102 с.
4. Кузнецов С.А., Лукичев А.Н., Шомина Е.С. Настольная книга менеджера местного сообщества : теория и практика / под общ. ред. Е.С. Шоминой. – Москва : БукиВеди, 2021. – 252 с.
5. Мальковец Н.В. Самоорганизация населения как важнейший фактор эффективности местного самоуправления // Городское управление. – 2001. – № 6. – С. 66–69.
6. Мальковец Н.В. Практика формирования компетенции по взаимодействию с социально ориентированными некоммерческими организациями у государственных и муниципальных служащих // Участие университетов в развитии СО НКО, гражданского общества и некоммерческого сектора : (сборник практик) / сост. и общ. ред. О.В. Коротеева и Т.С. Иларионова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Российский государственный социальный университет, Центр развития гражданского общества некоммерческого сектора и социально-ориентированных некоммерческих организаций. – Москва : ИП Баркова В.Н., 2019. – С. 32–36. – URL: https://site-siu.ranepa.ru/Content/4118/sbornik_PRAKTIK_UNIVERSITETOV_rassilka_!!!.pdf (дата обращения: 18.07.2022).
7. Мальковец Н.В. Третья функция университета: потребность или обязанность // Society and security insights. – 2019. – Т. 2, № 32(3). – С. 177–184. – URL: <http://journal.asu.ru/ssi/article/view/6282> (дата обращения: 18.07.2022).
8. Мальковец Н.В. Формы непосредственной демократии. Поддержите ТОСы, чтобы сократить расходы муниципалитета // Практика муниципального управления. – 2020. – № 6. – URL: <https://e.munuprav.ru/817728> (дата обращения: 08.05.2022).
9. Методические материалы / Агентство общественных инициатив. – Б/г. – URL: <http://aoi24.ru/metod> (дата обращения: 15.05.2022).
10. Методические рекомендации по разработке муниципальных и ведомственных целевых программ поддержки общественных инициатив граждан и социально ориентированных некоммерческих организаций / Межрегиональный общественный фонд «Сибирский центр поддержки общественных инициатив». – Новосибирск, 2014. – 25 с. – URL: <https://www.asdg.ru/method/mr01/Metodrekomendatsii1.pdf> (дата обращения: 27.06.2022).
11. Нормативные акты / Ассоциация сибирских и дальневосточных городов. – Б/г. – URL: <https://www.asdg.ru/npra/> (дата обращения: 08.05.2022).
12. Общественный контроль за конкурсным распределением государственных и муниципальных заказов : сборник статей. – Томск : Томский государственный университет, 2004. – 146 с.
13. Опорный университет Кузбасса / КГПИ КемГУ. – Б/г. – URL: <https://кгпи.рф/> (дата обращения: 10.05.2022).
14. Распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области от 03.04.2019 № 212-р. «О внедрении системы персонализированного финансирования дополнительного образования детей на территории Кемеровской области». – 2019. – URL: <http://www.koin-nkz.ru/material/66/> (дата обращения: 08.05.2022).

15. Решение социальных проблем городов: технологии взаимодействия органов местного самоуправления и негосударственных некоммерческих организаций : сборник статей / под ред. И.В. Мерсияновой. – Новосибирск : ИДМИ, 2000. – 144 с.
16. #ТрудВсем / ИГСУ РАНХиГС. – Б/г. – URL: <https://trudvsem.igsu.ru/> (дата обращения: 10.05.2022).
17. Учебный центр / Ассоциация сибирских и дальневосточных городов. – Б/г. – URL: <https://www.asdg.ru/npra/> (дата обращения: 16.05.2022).
18. Фомичева И.А. От планирования отдельных мероприятий к комплексному плану повышения качества жизни // Проблемы и механизмы развития территориального общественного самоуправления. Научно-методический журнал. – Новосибирск, 2017. – Вып. 1. – С. 39–48.
19. Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора / НИУ ВШЭ. – Б/г. – URL: <https://hr.hse.ru/gph> (дата обращения: 10.05.2022).

Статья получена: 16.05.2022

Одобрена к публикации: 12.07.2022

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 364.2

doi: 10.31249/espr/2022.03.08

И.Ю. Южакова*

РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются вызовы, возникающие перед российским обществом в условиях мобилизационной экономики, и возможности ответа на них в контексте социальной сферы. Анализируются изменение содержания социальной повестки в ситуации санкционного давления и предлагаются пути сглаживания социальных проблем, в частности за счет использования передового опыта отечественных социально ориентированных организаций и совершенствования деятельности региональных властей в сфере социальной защиты.

Ключевые слова: Россия; мобилизационная экономика; социальная сфера; качество жизни; некоммерческие организации.

Для цитирования: Южакова И.Ю. Роль организаций социальной сферы в условиях мобилизационной экономики // Экономические и социальные проблемы России. – 2022. – № 3. – С. 141–151.

I.Yu. Yuzhakova

The role of organizations of the social sphere in the conditions of the mobilization economy

Abstract. The article highlights the challenges facing Russian society in the situation of mobilization economy, and the possibilities of responding to them in the context of the social sphere. The change of the social agenda content under the sanctions pressure is analyzed and the ways to handle social problems are proposed, in particular due to the spread of the best practices of Russian socially oriented organizations and the improvement of the regional authorities' activities in the field of social protection.

Keywords: Russia; mobilization economy; social sphere; the quality of life; non-profit organisations.

* Южакова Илона Юрьевна, генеральный директор АНО «Центр качества ОКНО», главный редактор сетевого издания «Качество социальных услуг».

Yuzhakova Iona, General Director of ANO “Center for the quality OKNO”, Chief Editor of the online media “Quality of social services”.

© Южакова И.Ю., 2022

For citation: Yuzhakova I.Yu. The role of organizations of the social sphere in the conditions of the mobilization economy // Economic and Social Problems of Russia. – 2022. – N 3. – P. 141–151.

Введение

Россия вступила в уникальный исторический период, который требует абсолютно новых решений. Опыта проживания таких событий нет ни у кого из современников. Правительство РФ справедливо делает акцент на вопросах экономики, перед обществом стоят непростые задачи. Важно не только предотвратить снижение качества жизни населения, но и повысить его за счет мобилизации всех ресурсов. Особую роль в этом процессе призваны сыграть организации социальной сферы.

Под мобилизационным типом развития понимают «развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм» [Фонотов, 1993, с. 88]. Ресурсы мобилизационной экономики «сосредоточены и используются для противодействия тому, что угрожает существованию страны как целостной системе» [Седов, 2009, с. 7]. Вместе с тем понятие мобилизационной экономики возможно трактовать шире – «как систему обмена, равновесие в которой временно нарушено из-за отчуждения значительной части основного капитала в производство, не связанное с удовлетворением прямых потребностей участников рынка» [Берсенев, 2016, с. 17]. В данной статье мобилизационная экономика рассматривается как тип экономических отношений, предполагающих приоритетное направление ресурсов государства на цели, значимость которых растет в условиях реализации антикризисных мер и в связи с чрезвычайными обстоятельствами: войнами, крупными стихийными бедствиями, экономическими кризисами, санкционным давлением и т.д.

Отметим, что в данной статье не ставилась цель анализа терминов и подходов мобилизационной экономики или ее сути. Представлен авторский взгляд на происходящие события и предложены решения, которые могут способствовать совершенствованию управленческих практик.

Роль социальной сферы в контексте мобилизационной экономики

Для анализа ситуации, связанной с реализацией задач мобилизационной экономики, рассмотрим контент одного из наиболее популярных телеграм-каналов «Незыгарь»¹ за период с 2020 по апрель 2022 г.

¹ «Незыгарь» – анонимный канал в социальной сети Telegram, публикующий новости и аналитику на политические темы. По состоянию на июнь 2022 г. имеет 398 тыс. подписчиков [Телеграм-канал Незыгарь, 2022]. – *Прим. ред.*

Термин «мобилизационная экономика» стал активно использоваться с 2020 г. в связи с наступлением пандемии и усилением санкционного давления на российскую экономику. В телеграм-канале «Незыгарь» в 2020 г. можно найти девять упоминаний этого термина, в 2021 г. – пять, а с начала 2022 г. он появляется уже 87 раз. За рассматриваемый период меняются не только количественные показатели, характеризующие использование термина, но и качественные. В 2021 г. упоминание мобилизационной экономики было намного больше связано с социальной сферой. Например, затрагивались вопросы строительства социальных объектов и рост количества бродячих собак.

В этой связи интересны результаты опроса «Левада-центра»¹, который был проведен 18–24 февраля 2021 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1601 человек в 137 населенных пунктах (50 субъектах РФ) [Гудков, 2021]. В нем отмечается высокий уровень поддержки этатизма в российском обществе – большинство опрошенных артикулируют запрос на усиление роли государства в обществе (экономике, политике, социальной сфере), а также на увеличение социальной заботы и повышение стандартов качества социальной политики. 68% респондентов полагают, что государство должно заботиться о своих гражданах и обеспечивать им достойный образ жизни (данный показатель значительно вырос с 2015 г., когда он составлял 49%). Соответственно, так называемая либеральная траектория, отводящая государству роль учредителя правил игры и контролера их соблюдения, стремительно теряет общественную поддержку. Если в 2015 г. сторонников такой позиции было 41%, то в 2021 г. ее придерживалось лишь 24% россиян [Гудков, 2021]. Таким образом, фиксируется масштабный запрос на более активную роль государства.

В начале марта 2022 г. термин «мобилизационная экономика» в телеграм-канале «Незыгарь» фигурирует применительно к действиям федерального уровня управления и принятым решениям, которые связаны в первую очередь с тем, чтобы поддержать материальное производство в условиях ограниченности кредитных ресурсов и нестабильности валютного курса. Затем повестка начинает смещаться в сторону импортозамещения, поддержки малого и среднего бизнеса. Наконец, активно поднимается вопрос о возможном росте безработицы, к которому, кстати, аналитики будут еще не раз возвращаться.

Так, 3 марта 2022 г. телеграм-канал «Незыгарь» публикует мнение о специфике мобилизационной экономической политики в контексте рынка труда директора Института прикладных политических исследований ВШЭ В. Касамары. По словам этого специалиста, российская экономика «столкнулась с новым ударом в виде санкционного давления, эффект которого,

¹ АНО «Левада-центр» внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

безусловно, почувствует на себе и рынок труда». Для поддержания социальной стабильности и недопущения роста безработицы, по мнению эксперта, необходимо использовать потенциал создания новых рабочих мест, развивая импортозамещение и стимулируя предпринимательскую активность, в том числе поддерживая такие социальные группы, как самозанятые и молодежь. Последняя в большей степени страдает от безработицы. Вместе с тем В. Касамара отмечает, что при условии реализации оперативной целевой поддержки уязвимых групп работников «просадка рынка труда будет кратковременной» [Касамара, 2022 б].

Не менее часто с термином «мобилизационная экономика» связана тема компетенций руководства. Например, говоря в телеграм-канале «Незыгарь» о существовании в условиях мобилизационной экономики, Д. Еловский (генеральный директор коммуникационного агентства Actor) характеризует его как переход к ситуационной модели регулирования государством экономики, когда «работает только то, что решает проблему здесь и сейчас». В такой ситуации возрастают «требования к профессионализму, опыту, здравому смыслу и даже “чутью” ключевых руководителей в правительстве» [Еловский, 2022].

К середине марта 2022 г. появляется первое сформированное мнение одного из регулярно цитируемых телеграм-каналом «Незыгарь» экспертов, В. Касамары, о мерах социальной поддержки граждан в новых условиях. В частности, она выделяет ряд особенностей текущего периода с точки зрения социальной поддержки. Так, происходящие изменения (риск потери работы, резкое снижение доходов, резкий рост цен, недоступность различных интернет-сервисов и платформ) могут «порождать тревожность и заставляют смотреть на мир через призму рисков потери». В связи с этим заявляется о необходимости «сделать психологическую поддержку социальной нормой». Вместе с тем в некоторых регионах по причине невозможности проведения ряда запланированных мероприятий из-за санкций высвобождаются денежные средства. У властей появляется возможность направить их на такие социально значимые для населения цели, как закупки наборов новорожденного, подарков первоклассникам, благоустройство дворов и др. В рамках поддержки деловой активности запускаются проекты по бесплатным консультациям предпринимателей по продвижению бизнеса на рынке, бухгалтерскому и юридическому сопровождению [Касамара, 2022 а].

Надо отметить, что только один из экспертов, цитируемых телеграм-каналом «Незыгарь» (в лице В. Касамары), задумывается и пытается характеризовать эту сторону жизнедеятельности общества и граждан в сложившейся ситуации.

Вместе с тем к середине марта 2022 г. была обозначена четкая позиция Президента РФ о расширении полномочий губернаторов и повышении их ответственности за социально-экономическое состояние регионов и параметры общественных настроений [Путин дал ... , 2022]. В дальней-

шем практически каждое упоминание термина «мобилизационная экономика» связано исключительно с деятельностью губернаторов и их решениями на местах. Выборка из рекомендаций экспертов демонстрирует следующее [Заверский, 2022; Семенов, 2022].

- Для развития в настоящий момент особенно нужны свобода предпринимательства, низкие барьеры для входа и конкурентная среда.

- Требуется широкая диверсификация экономики за счет всемерной поддержки малого и среднего бизнеса в регионах.

- Важно в равной степени уделять внимание экономике и социальной сфере: доходам граждан, рабочим местам, сохранению малого и среднего бизнеса. Нельзя оставлять без внимания традиционные приоритеты, связанные с поддержкой семьи и малоимущих россиян.

В период конца апреля – начала мая 2022 г. появляются данные социологических исследований о том, насколько общество готово к мобилизации в условиях выбранного властью курса, обуславливающего изменение повседневных практик населения [Социологи выяснили ... , 2022], которые говорят, что:

- от 61 до 89% не готово переживать изменения быта и потребительского поведения из-за действий правительства;

- около 83% уклоняются от описания возможной реакции на то или иное решение, принимаемое на уровне государства, при этом ответы оставшихся 17% указывают на существование рисков, ограничивающих мобилизационный ресурс российского общества;

- из высказавшихся от 45 до 78% заявляет о готовности протестовать в рамках закона против негативно влияющих на их жизнь решений;

- от 13 до 19% респондентов готовы к более радикальным формам противодействия.

В целом можно говорить о рекордном со времен кризиса 1998 г. росте депрессивных настроений, который начался в условиях пандемии в виде профессионального выгорания и социальной апатии. Снижение пандемических рисков улучшило ситуацию в большинстве социальных групп. Однако полностью негативные эффекты не исчезли, а перешли в хроническую фазу, выход из которой, по оценкам специалистов, может оказаться сложнее по сравнению с прошлыми кризисами [Социологи выяснили ... , 2022].

Также социологические исследования фиксируют рост атомизации сообществ внутри социальных групп, таких как рабочие коллективы, семьи, компании друзей, который вызван поляризацией мнений по поводу темы, связанной с Украиной. На этом фоне самоорганизация общества и способность к коллективным действиям минимизированы, что, в свою очередь, сводит на нет риски протестной активности на территории России.

По оценкам экспертов, население может оставаться в подобном состоянии до девяти месяцев, которые потребуются для принятия «новой» реальности. В результате прогнозируется всплеск социальной энергии, который может либо способствовать восстановлению и росту экономики,

либо привести общество в состояние хаоса. «Российский социально-мобилизационный ресурс пока в основном сокрыт. Первый сценарий может реализоваться при условии возвращения возможности долгосрочного профессионального и бытового планирования для широких слоев населения» [Социологи выяснили ... , 2022].

В конце апреля – начале мая 2022 г. среди государственных управленцев и экспертов формируются более четкие представления о мобилизационной экономике, которые связаны не только с понятиями импортозамещения, разработки встречного пакета санкций и т.д., а и с осознанием того, что российское общество пока не готово мобилизоваться. При этом становится очевидно, что готовых решений для задач мобилизационной экономики тоже нет. А в некоторых регионах отсутствует и соответствующая инфраструктура.

В настоящее время в России сложилась непростая ситуация. Для сохранения приемлемого качества жизни всего общества требуется активизация ее членов, новые инициативы и взаимопомощь, но само общество к этому как никогда не готово. При этом наблюдается трансформация понимания термина «мобилизационная экономика», переход от ожидания целеполагания на верхнем уровне управления обществом и государством к решению задач на местах, связанных с жизнью конкретного человека и его проблемами.

Качество жизни граждан в условиях мобилизационной экономики

К середине апреля 2022 г. новая реальность в стране становится все более отчетливой. Одновременно начинает возрастать количество обсуждений тем, связанных с функционированием социальной сферы, что можно видеть на примере телеграм-канала «Незыгарь». Достаточно много внимания уделяется адресной социальной помощи и индексации пенсий, т.е. традиционным и привычным для чиновников решениям, касающимся поддержки граждан. В то же время поднимается вопрос о показателях эффективности социальной политики, но конкретных предложений по их формированию пока нет [Образ устойчивости ... , 2022; Эксперты говорят ... , 2022].

На наш взгляд, это связано с тем, что социальная сфера в России сталкивается сейчас с такими же проблемами, как и общеэкономическое развитие:

- нет признанной модели развития;
- нет достаточной поддержки созданию инноваций и внедрению новых технологий;
- не хватает управленческих компетенций чиновникам, особенно в регионах.

Вместе с тем социальная сфера в стране имеет значительный потенциал роста. Особенно важна ее роль в условиях мобилизационной экономики.

Предположим, что в качестве приоритета государственной политики будет поставлена масштабная задача повышения качества жизни населения (что, вполне вероятно, в ближайшее время вернется в федеральную повестку). Тогда необходимо сначала определить, что считать приемлемым качеством жизни для каждого человека, т.е. создать теоретическую модель качества жизни и на нее ориентироваться. Когда в каждом конкретном регионе будет определен запрос на параметры качества жизни от представителей разных групп населения (или отклонение от модели), то получится четкий план по социальному развитию территории. В таком подходе содержится не только решение, но множество проблем, с которыми региональные и местные органы власти непременно столкнутся. В первую очередь – это очевидное превышение запросов (ожиданий) граждан над располагаемыми ресурсами по их удовлетворению. Сейчас все гораздо проще, нет запроса – нет проблем.

Однако если посмотреть на социальную сферу не как на дотационную, для развития которой надо постоянно отрывать «кусочек пирога», а как на инвестиции в человеческий и социальный капитал, то управленческий подход кардинально меняется.

Для примера приведем деятельность челябинского благотворительного общественного движения помощи онкобольным детям «Искорка Фонд» (рис.). Фонд оказывает системную поддержку семьям, в которых воспитываются дети с диагностированным онкологическим заболеванием. В настоящее время в фонде работает на постоянной основе 11 человек. Ежемесячно фонд привлекает не менее 500 тыс. пожертвований и обеспечивает таким семьям приемлемое качество жизни за счет предоставления разных возможностей, которые недоступны им через систему государственного обеспечения. Но это только частные видимые результаты.

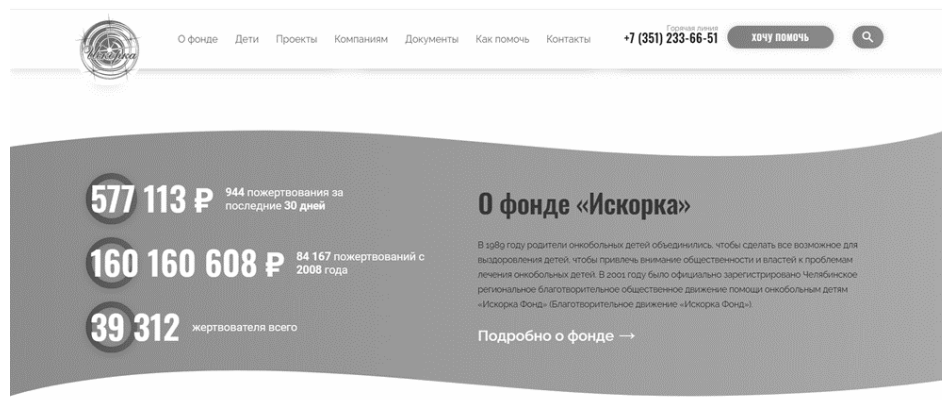

Рис. Главная страница сайта благотворительного общественного движения помощи онкобольным детям «Искорка Фонд», г. Челябинска (<https://onco74.ru/>).

Подобная деятельность имеет и более значительные социально-экономические эффекты, среди которых можно назвать:

- снижение нагрузки на региональный бюджет;
- близкие родственники больного ребенка избегают длительного депрессивного состояния и остаются экономически активными, так как получают профессиональную помощь и поддержку;
- стабилизация общего состояния местного сообщества в результате ощущения поддержки людей в критических жизненных ситуациях;
- повышение качества услуг социальных и медицинских учреждений благодаря организованному давлению со стороны родительского сообщества детей-пациентов;
- происходит аналогичное объединение людей, имеющих другие проблемы, для их решения (пример организации совместных действий как направления становления гражданского общества);
- удовлетворяется запрос на социальную справедливость (регион помог фонду, фонд помог людям).

Фонд «Искорка» прошел оценку по системе «ОКНО»¹, зрелость бизнес-процессов соответствует первому уровню. На следующем этапе развития организация может претендовать на соответствие требованиям стандарта ГОСТ Р ИСО 9001–2015². Это означает, что данный фонд сможет масштабировать свои услуги, т.е. организовать подобную деятельность в любом регионе России, его бизнес-процессы это позволяют.

Еще одним примером успешных и зрелых бизнес-процессов служит Межрегиональная благотворительная общественная организация помощи детям, находящимся в трудной жизненной ситуации, «Мята» (г. Санкт-Петербург), действующая с 2014 г. Организация реализует комплексные программы неформального образования и профориентации детей в трудных жизненных ситуациях. При этом осуществляет это исключительно силами волонтеров [Информация ... , 2022].

Эти два примера демонстрируют высокий потенциал современной социальной сферы России. В целом можно отметить:

- в отечественной социальной сфере разработаны технологии (т.е. процессы, которые ведут к достижению желаемого результата), такие как

¹ Система классификации «ОКНО» разработана в соответствии с требованиями российского законодательства, с учетом требований ГОСТ Р ИСО 9001–2015, а также с использованием наилучших практик в области оценки и улучшения деятельности организаций. В системе учтены особенности деятельности социально ориентированных организаций: государственных и некоммерческих организаций, социальных предпринимателей и т.д. [Система ОКНО / Центр качества ОКНО. – URL: <https://oknokachestvo.ru/systemaokno> (дата обращения: 18.07.2022)]. – Прим. ред.

² Национальный стандарт Российской Федерации системы менеджмента качества, применение которого является стратегическим решением для организации, которое может помочь улучшить результаты ее деятельности и обеспечить прочную основу для инициатив, ориентированных на устойчивое развитие. – Прим. ред.

сопровождение различных сложных случаев (многодетные семьи, семьи с ребенком-инвалидом и т.д.) или помощь в критических жизненных ситуациях (трудоустройство людей с ментальными особенностями и др.) и реабилитация людей (имеющих онкологические заболевания, вышедших из мест лишения свободы и т.д.), которые пригодны для масштабирования внутри страны и обладают экспортным потенциалом (для выхода на международный уровень);

– организации социальной сферы – это очаги, расширяющие возможности мобилизационной экономики, так как их услуги ведут к улучшению качества жизни граждан, снижают социальную напряженность, способствуют сохранению и развитию человеческого и социального капитала.

Заключение

Социальная сфера сегодня – это важная часть современной, в том числе мобилизационной экономики. Развитие социальной сферы в России позволяет объединить усилия вокруг общей и понятной идеи – помощи конкретному человеку и конкретной семье. Это также создает условия для распространения инноваций и подъема региональной экономики. Однако пока роль организаций социальной сферы в стране недооценена, а их потенциал не используется в полном объеме.

Хотя сегодня уже четко осознается необходимость оценки социально-экономической эффективности деятельности органов региональной власти. Для осуществления такой оценки необходимо сформировать модель качества жизни граждан и относительно ее оценивать эффективность принимаемых решений. Кроме того, следует уделить больше внимания функционированию организаций социальной сферы, особенно деятельности некоммерческих организаций и социальных предпринимателей как держателей технологий, способствующих развитию человеческого и социального капитала.

Можно предложить ряд решений, которые будут способствовать развитию социальной сферы в России:

– наладить межрегиональный трансфер технологий в социальной сфере (например, через платформу Агентства стратегических инициатив «Смартека»¹);

¹ «Смартека» – сервис по поиску лучших практик в различных отраслях для решения социально-экономических задач, предназначенный для лидеров изменений: глав регионов, управленческих команд и т.д. Практики «Смартеки» представляют собой опыт решения реальных задач, проверенный экспертами, задокументированный и готовый к тиражированию. Практику может разместить любой зарегистрированный пользователь, она проходит экспертную оценку, имеет понятное описание и подтвержденный результат [Смартека / Агентство стратегических инициатив. – URL: <https://smarteka.com/about> (дата обращения: 18.07.2022)]. – *Прим. ред.*

- проводить оценку качества жизни разных категорий граждан, проживающих в регионе;
- создать условия для сопровождения и помощи людям в различных критических ситуациях (инвалидность, онкология, потеря работы, стресс, потеря близкого человека и т.д.);
- увеличить грантовую поддержку инициатив граждан в социальной сфере;
- обеспечить непрерывный отбор идей в социальной сфере, имеющих предпринимательский потенциал, а также работу механизма оценки зрелости подобных инноваций и их поддержки;
- оказывать преимущественную поддержку организациям, имеющим масштабируемые технологии, создающим новые рабочие места и внедряющим стандарты менеджмента, так как они являются основой социального развития региона.

Список литературы

1. Берсенева В.Л. Мобилизационная модель экономического развития в контексте историографического анализа // *Magistra Vitae* : электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2016. – № 1. – С. 15–20.
2. Гудков Л. Политическое участие и отношения с государством в России / Левада-центр. – 2021. – 16.03. – URL: <https://www.levada.ru/2021/03/16/politicheskoe-uchastie-v-otnosheniya-s-gosudarstvom-v-rossii/> (дата обращения: 23.06.2022).
3. Еловский Д. О мобилизационной экономической политике. Генеральный директор коммуникационного агентства Астор Дмитрий Еловский об антикризисных решениях властей // *Незыгарь*. – 2022. – 07.03. – URL: <https://tlgrm.ru/channels/@russica2/45174> (дата обращения: 23.06.2022).
4. Заверский С. О мобилизационной экономической политике. Экономист Сергей Заверский, начальник отдела аналитических исследований Института комплексных стратегических исследований (ИКСИ), кандидат экономических наук // *Незыгарь*. – 2022. – 24.03. – URL: <https://t.me/russica2/44984> (дата обращения: 23.06.2022).
5. Информация о деятельности МБОО «Мята». – 2022. – 3 с. – URL: https://justmint.ru/wp-content/uploads/2022/06/Programmy_2022.pdf (дата обращения: 18.07.2022).
6. Касамара В. О мобилизационной экономической политике России. Директор Института прикладных политических исследований ВШЭ Валерия Касамара о мерах социальной поддержки граждан в новых условиях // *Незыгарь*. – 2022 а. – 16.03. – URL: <https://t.me/russica2/44844> (дата обращения: 23.06.2022).
7. Касамара В. О мобилизационной экономической политике России. Директор Института прикладных политических исследований ВШЭ Валерия Касамара о рынке труда в России // *Незыгарь*. – 2022 б. – 03.03. – URL: <https://t.me/russica2/44581> (дата обращения: 23.06.2022).
8. Образ устойчивости: внутренняя адаптация России к санкционному давлению и новым вызовам / Агентство политических и экономических коммуникаций. – 2022. – 19.04. –

URL: http://apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=7883 (дата обращения: 24.06.2022).

9. Путин дал дополнительные полномочия главам регионов // Коммерсантъ. – 2022. – 16.03. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5259494> (дата обращения: 23.06.2022).
10. Седов В.В. Мобилизационная экономика: от практики к теории // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сборник материалов всероссийской научной конференции. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. / под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. – Челябинск, 2009. – 571 с. – С. 7–9.
11. Семенов А. О мобилизационной экономической политике. Политконсультант Александр Семёнов о развитии экономики в регионах // Незыгарь. – 2022. – 06.04. – URL: <https://t.me/russica2/45262> (дата обращения: 23.06.2022).
12. Социологи выяснили, готовы ли россияне терпеть частые изменения привычного быта из-за последствий западных санкций // В курсе Воронеж : новости Воронежа. – 2022. – 18.04. – URL: <https://v-kurse-voronezh.ru/politika-novosti/92744> (дата обращения: 23.06.2022).
13. Телеграм-канал Незыгарь. – URL: <https://t.me/s/russica2> (дата обращения: 23.06.2022).
14. Фототов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. – Москва, 1993. – 241 с.
15. Эксперты говорят, что в условиях мобилизации происходит существенная корректировка пиар-стратегий представителей губернаторского корпуса // Незыгарь. – 2022. – 16.04. – URL: <https://t.me/russica2/44581> (дата обращения: 23.06.2022).

Статья получена: 22.06.2022

Одобрена к публикации: 12.07.2022

Экономические и социальные проблемы России

Научный журнал

№ 3 (51)

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

Составитель выпуска –
Пряжникова Ольга Николаевна

Техническое редактирование
и компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор Л.Н. Казимирова

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77–78664

Дата регистрации 10.07.2020

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 4/X – 2022 г. Формат 70×100/16

Бум. офсетная № 1 Печать офсетная

Усл. печ. л. 12,0 Уч.-изд. л. 10,0

Тираж 100 экз. (1–80 экз. – 1-й завод)

Заказ № 67

Институт научной информации по общественным наукам

Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

<http://inion.ru>

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**

Тел.: +7(925) 517-36-91, +7(499) 134-03-96

e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов

ул. Чернышевского, д. 88, литера У